Библиотека
всемирной литературы

Серия вторая ❊ ❊

Литература XIX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И Г.
Нечкина М. В
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н Т.
Федосеев П Н.
Ханзадян С Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

ТОМ ПЕРВЫЙ

В. ЖУКОВСКИЙ
В. ПУШКИН
А. МЕРЗЛЯКОВ
М. МИЛОНОВ
А. ТУРГЕНЕВ
А. ВОЕЙКОВ
Д. ДАВЫДОВ
И. КРЫЛОВ
К. БАТЮШКОВ
Н. ГНЕДИЧ
Ф. ГЛИНКА
П. КАТЕНИН
К. РЫЛЕЕВ
А. БЕСТУЖЕВ
В. КЮХЕЛЬБЕКЕР
А. ОДОЕВСКИЙ
П. ВЯЗЕМСКИЙ
Е. БАРАТЫНСКИЙ
А. ДЕЛЬВИГ
Н. ЯЗЫКОВ
И. КОЗЛОВ
А. ПОЛЕЖАЕВ
Д. ВЕНЕВИТИНОВ
С. ШЕВЫРЕВ
А. ХОМЯКОВ
Н. ЦЫГАНОВ
М. СУХАНОВ
Ф. ТУМАНСКИЙ
А. РОТЧЕВ
А. ВЕЛЬТМАН
А. ПОДОЛИНСКИЙ
С. СТРОМИЛОВ
Н. КУКОЛЬНИК
В. БЕНЕДИКТОВ
П. ЕРШОВ
К. АКСАКОВ
А. КОЛЬЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1974

Составление Е. Винокурова и В. Коровина
Вступительная статья Е. Винокурова

Р1
Р86

© Издательство «Художественная литература», 1974

Р $\frac{0741\text{-}188}{028(01)\text{-}74}$ подп. изд.

ГОРНАЯ ГРЯДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Как горный ландшафт, раскинулась русская поэзия. Она содержит и высокие хребты, и небольшие горы, и холмы. В ней сильно выражено и начало хоровое, я бы сказал — «соборное», и начало личное, индивидуальное. Русская поэзия — это спор, это общий разговор. Прислушайтесь, и вы услышите стройное многоголосье.

Впереди всех русских поэтов, «как предисловие» (по выражению Гоголя), стоит Ломоносов. Идущие за ним Державин, Радищев и Карамзин — родоначальники трех главных хребтов русской поэзии, трех ее линий: философской поэзии бытия, гражданской, социальной поэзии и лирики интимной, лирики нежного сердца и тонко чувствующей души. Эти три больших поэта XVIII века обозначили то, что столь мощно развилось в дальнейшем.

Вот Державин — с глубочайшими в своей беспощадности раздумьями о смерти и с удесятеренным в своей яркости ощущением жизни, ее красок, ее радости. Он упоен бытом, но вовсе не замкнут в нем. Он прорывается в космическую жизнь, в глубины человеческого бытия. Русской поэзии стали бесконечно дороги и державинская вещность, и державинское здоровье, и неторопливое, неопрометчивое суждение обо всем земном.

Вот Радищев — со своей социальной болью, со своим воплем о младшем брате. Он беспощаден в правде, тяжел, угловат, неизящен. В нем нет поэтической легкости, быстрокрылого парения. На замечание, что в его оде «Вольность» строка «Во свет рабства тьму претвори» тяжела, он не без горького остроумия заметил, что напрасно думать, будто творить тьму в свет дело легкое. С Радищева прочно закрепляется в русской поэзии высокая и напряженная социальная тема нескончаемых страданий трудового народа.

Вот Карамзин с его «чувствительностью» и прозрачностью, изящной элегичностью, сумевший сохранить земную, дружески простую интимность в утонченно-возвышенных раздумьях.

Эти три линии в русской поэзии живут сопряженно, переплетаясь и споря. Они одушевлены вниманием к человеку, который для наших поэтов всегда был венцом природы, мерой всех вещей. Мечта об идеальном, гармоническом человеке составила содержание поэтических раздумий не только первостепенных, но и третьестепенных талантов. Всем русским поэтам была

необычайно близка внутренняя независимость человека от уродующей официальной государственности старого строя. Денис Давыдов находил эту независимость в бесшабашной удали, в молодецком упоении боем и гусарскими пирушками, в лихом патриотизме партизанской души. Языков обретал ее в студенческом разгуле, в неистребимой жажде вольности. А совсем уже полузабытый Мерзляков вместе с Дельвигом — в щемящей тоске русских песен, создавая проникнутые тихой грустью чувствительные романсы. Родившийся для высокого орлиного полета, для радостного земного труда, герой Кольцова томится думой по простому и бесхитростному человеческому счастью. И рядом с ними об утонченной идеальности человека, об его индивидуальном — интеллектуальном и чувственном — могуществе пишут Вяземский и Козлов, один — воскрешая изощренную рационалистичность «сияющих умов» французского Просвещения, другой — опьяняя роскошью звуковой гаммы, передавая богатство психологических оттенков.

Мечта о совершенном человеке в русской поэзии — отличительная примета ее безусловного духовного максимализма. Безмерны не только требования для человека, но и требования к человеку, который мыслится центром всего мироздания. Тяжелой поступью движется стиховая речь Шевырева, возложившего на человека трудную задачу познания «мирового разума», торжественная философичность наполняет стихотворения Хомякова, проникнутые пафосом слияния человека с природой и космосом. Баратынский, один из самых глубоких и горьких мыслителей в русской поэзии, испытывал недовольство веком, презирал «толпу», погрязшую в мелочных заботах, в погоне за наживой. Но, может быть, нигде с такой полнотой не отразилось единство гуманистических и социальных устремлений русской поэзии, как в гражданской ее линии.

Русская поэзия неотделима от истории общественно-политической мысли XIX столетия. И на примере одной только темы «поэта и гражданина» явственно обнаруживается святая миссия русской музы, осознавшей себя народной заступницей, истекающей кровью, но отчаянно жертвующей собой ради блага породившей ее матери-родины, осознающей себя голосом народа, гневным и страстным в обличении «свинцовых мерзостей», чутким и нежным к страждущим. Звание Поэта для нас всегда оказывалось званием самым почетным, самым великим из всех человеческих званий, но как часто русские поэты предпочитали ему звание Гражданина. И вовсе не потому, что дела поэтические ниже дел гражданских,— само служение поэзии — дело в высшей степени гражданское,— а только потому, что гражданственность была для русской жизни первоочередной, затмевающей все другие доблести человеческой задачей. Любовь к России заставила Рылеева произнести слова: «Я не Поэт, а Гражданин», а Некрасова поправить эту исполненную суровой односторонности формулу: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». В эти раздумья, начало которым положил Радищев, вливаются голоса и Федора Глинки, и Вильгельма Кюхельбекера. В стихотворении «В защиту поэта» Ф. Глинка говорит: «...два *я* боролися во мне». Он ста-

новится на сторону одного из них — гражданина. Ему вторит Кюхельбекер блестящим публицистическим стихотворением «Участь русских поэтов».

Тема «поэта и гражданина» прошла через всю гражданскую поэзию 40—60-х годов как одна из самых актуальных тем века, завершившись в жертвенном подвиге поэтов-народовольцев, в революционных призывных гимнах. Она приобрела такую обобщенность и глубину, такую классическую определенность, что навсегда вошла в самое существо наших суждений об искусстве и его отношении к действительности, о поэте и его жизненной позиции. О поэте и гражданине судили по наивысшим вершинам творчества. Имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова в этом смысле стали чуть ли не нарицательными. И дело здесь не в отвлеченном выборе или в противопоставлении тех или иных творческих принципов, а в поисках решения глубоких противоречий народной жизни.

«Золотой век» русской поэзии весь вдохновлен гражданской, публицистической страстностью, гуманным представлением о человеке и верой в его великое предназначение. Поэт в России бил во все вечевые колокола, чтобы видеть человека умным, добрым, активным, а его душу открытой всем впечатлениям бытия, всем радостям родного ему земного мира. Эти общие стремления — конечно, с разной степенью полноты, с разной мерой таланта — открывались русскими поэтами. Каждый из них тяготел к той или иной линии русской поэзии, означенной именами Державина, Карамзина и Радищева. Но все эти три линии пересекались в гениальном творчестве Пушкина, затем, обогащенные и обновленные его животворным талантом, снова разошлись, чтобы явить миру необозримые просторы духа, интеллектуального и гражданского героизма, нравственной честности и пылкого благородства русского человека в сочинениях поэтов «серебряного века», в детски наивных и удивительно простодушных стихотворениях А. Майкова, в психологически тонких фантазиях А. Фета, в «поэзии намеков» Ф. Тютчева, в суровых социальных прозрениях Некрасова, в язвительных сатирах, широком раздолье песен и завораживающей музыке романсов А. Толстого, в мягкой и сдержанной лиричности Я. Полонского, в жреческом служении красоте Н. Щербины, в бытовых зарисовках И. Никитина. К Пушкину сходятся и от него расходятся все линии русской поэзии. Все вошло в него: не только Державин, Карамзин и Радищев, но и Жуковский с его «пленительной сладостью», и Д. Давыдов с его «гусарским» стихом, и Батюшков с его «домашностью» и классической ясностью, и Крылов с его меткой, афористической речью, народной мудростью. Пушкин поставил все вопросы. Русская поэзия — это большой и неумолкающий разговор с Пушкиным.

Пушкин дал русской поэзии начало всех начал. Пушкин — это тот фон, на котором рассматриваются все культурные явления России.

Русская поэзия после Пушкина не только развивает пушкинские идеи и поэтические принципы, но и вступает в спор с Пушкиным. Если Пушкин — это мера, гармония, то Лермонтов — безмерность, диссонанс. Если Демон пытается только смущать Пушкина, то у Лермонтова «дух от-

рицанья» — ведущая, господствующая сила. Если Пророк Пушкина готов «глаголом жечь сердца людей», если он мощен и одухотворен, то лермонтовский пророк, побитый камнями, «торопливо пробирается» через «шумный град». Пророк — символ веры, Демон — символ неверия. Лермонтов полемизировал с Пушкиным, со своим учителем,— на каждый тезис Пушкина он находил антитезис. Пушкин ввел очарование, Лермонтов — разочарование.

От Пушкина через Лермонтова поэзия устремилась к психологическому анализу сложного внутреннего мира человека. Здесь видны уже трагический пафос Ф. Тютчева, меланхолические резиньяции Н. Огарева, надрыв А. Григорьева, холодноватая романтичность К. Павловой, скорбная рефлексия К. Случевского, элегическая музыкальность А. Апухтина. От Пушкина через Некрасова идет в русской поэзии реалистическая лирика с точным и детальным изображением народного быта (И. Никитин, И. Суриков, С. Дрожжин). От Лермонтова и Некрасова развивается гражданская тема с ее беспощадной критикой современности и со всей внутренней безнадежностью, тяжелой усталостью, звучащей в строках С. Надсона, в неторопливых суховатых размышлениях А. Жемчужникова или прорывающаяся порой в призывных интонациях П. Якубовича, В. Фигнер, Л. Радина.

Русская поэзия XIX века богата первостепенными талантами — Жуковский, Батюшков, Крылов, Баратынский, Тютчев, Фет, А. К. Толстой... Каждый из них в отдельности образует большой самостоятельный и органичный мир. Их поэтические индивидуальности настолько велики, что каждый из них не меркнет на фоне Пушкина, Лермонтова, Некрасова. А за ними — иные горные пики, иные хребты: Бунин, Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак, Заболоцкий, Твардовский...

Русская поэзия как бы не ощущает границ, она вся — устремленность в пространство. Сергей Есенин писал, что недаром на крыше каждой русской избы — деревянный крашеный конек. Россия вся в движении, вся в становлении, вся в походе. Бесконечны ее просторы, дали. Недаром у Гоголя единственным положительным героем его поэзии была мчащаяся тройка.

У каждого русского поэта просторы, дали составляют философскую перспективу в его стихотворениях. У таких разных поэтов, как Некрасов и Тютчев, Блок, Маяковский и Есенин, есть общее: их роднит максимализм, максимальность требований, предъявленных к жизни.

Да и сам русский язык, который, по гоголевскому выражению, «уже сам по себе поэт», весь в движении, в становлении. Бесконечны возможности рифм, бесконечны, как в шахматах, возможности инверсий, еще впереди неисчерпаемые возможности белого и свободного стиха.

Но в поэзии необходим не только тяжкий могучий молот нового, но и устойчивая, крепкая, сопротивляющаяся наковальня старого. Ведь традиция — это то немногое из прошлого, что осталось для нас живым. И только то, что живо сейчас, станет традицией, то есть будет живым и для наших потомков.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огнь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И по́том их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеяся в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет, грозная... и некогда найдет;
Всемо́щныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет.

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гро́бы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагренный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуну презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и ре́зьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их ле́та, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнию без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежит, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами,—
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь,— он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастного несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастие, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог,— слезою;
В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель — бог.

1802

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

1805

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, вьющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катúшься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат,—
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у брега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осененной.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Лупы ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу, задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропою,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о, небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать над сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О, песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и хóлмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливает,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоем дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1808

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи приклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он,— мечтала,—
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила.—
О, спокой тебя творец!»
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит».
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!

Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?»
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, воспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!»
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавой
Встал над тихою дубравой;
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зерцало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет».
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронýлся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт».
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;

Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит».
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится».
«Где ж, скажи, твой тесный дом?»
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, лётом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?»
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба».
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздрогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек».
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?»
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба».
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;

Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый:
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит пе́рстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
За́вес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

1808

ПЕВЕЦ

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листами;

На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм — могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку,—
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь у ручья, вечернею порою,
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал — мечтам конец;
Погибло все; умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно все в долине, на холмах;
И все молчит... лишь тихие зефиры,

Колебля вянущий венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
Бедный певец!

1811

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами,
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их домы вихорь разметал;
Их гро́бы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, невéрных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца, снедь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно лъ, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал;
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О, горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;

Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

В о и н ы

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

П е в е ц

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там все — там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;

Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью.
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною длынью.

Наш Витгенштеин, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман;
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Рис. Зеленцова.
Граф. гский

Рыцарь перед замком
Фронтиспис из книги В А Жуковский Баллады ч I
1831
Гравюра И. В Чесского с оригинала К А Зеленцова

Хвала, наш Нестор-Бенингсон!
И вождь, и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда, полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.

О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален, чести сын!
Как бурею носимый,
Везде впереди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строгонов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождям!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вкруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.

Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками:
Там брошен в прах и меч и щит
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире сча́стливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
И лётом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огнь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

Воины

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Певец

Друзья, кипящий кубок сей
Вождям, сраженным в бое.
Уже не при́дут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;

Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенной.

А ты, Кутайсов, вождь младой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из та́инственной сени;
И трепет сердца возве́стит
Ей близость дружней тени.

И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Все мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Воины

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и все восплещет!
И в прах падут с своим царем!..»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщение Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада...
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Воины

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Певец

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Воины

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Певец

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.

Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен:
Тот смело, с бодрой силой
На все великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто все для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана, и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружний глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:

Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не все возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Воины

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не все возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Певец

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в брапны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный;
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы;
Честь Задупайскому — Петров;
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин сын!
Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин,—
Державин гряпет в струны.

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщения дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками —

Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
Племен порабощенье;
Самим губителя рабам
Победы их спасенье.

Так, братья, чадам муз хвала!..
Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И все... я там, где стук мечей,
Где ужасы военны.

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах
Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

Воины

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам;
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

Певец

Подымем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.

Бессильным щит его закон
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых он
И гордых истребитель.
О братья, взоры к небесам!
Там жизни сей награда!
Оттоль отец незримый нам
Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой;
Сын брани мигом пошу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает.

А мы?.. Доверенность к творцу!
Что б ни было — незримый
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;
В союзе с ровным — правота;
В могуществе — смиренье.

Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань,
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье;

Неправде — грозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упованье.

О! будь же, русский бог, нам щит!
Прострешь твою десницу —
И мститель-гром твой раздробит
Копя и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами...
О, страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет приплец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Воины

Речет приплец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над хо́лмами играет;
Редеет сумрак; сквозь туман
Прогля́нули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из та́инственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по хо́лмам грянул;

Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспряпул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкпулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Воины

Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

1812

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Выпь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Огляпулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьякопом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья копи рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг;
Степь в очах Светланы;
На лупе туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрыпит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же дéвица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко поет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки, кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучшей друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808—1812

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы[1]
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкою клюкою,
Шел, вдохновенный, к Истму он.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

---

[1] Под словом П о с и д о н о в п и р разумеются здесь и г р ы И с т м и й с к и е, которые отправляемы были на перешейке (Истме) Коринфском, в честь Посидона (Нептуна). Победители получали сосновые венцы. Г е л а, Э л л а, Э л л а д а — имена Древней Греции.

«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знамением мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого брега посститель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы».

И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.

К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья
Ни от богов, ни от людей».

И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стенящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу».

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».

И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом исступленья
Пританов окружил народ,
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос[1] то зрел священный,
Все озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукой;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.

И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отвсюду: от Афин,
От древней Спарты, от Микин,
С пределов Азии далекой,

[1] Гелиос — имя солнца у греков.

С Эгейских вод, с Фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор[1].

По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вкруг театра он.
Не шествуют так персти чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.

Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечи́, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов
Эхидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.

И стали вкруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринний страшный хор гремит;
И, цепенея, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

[1] Хор Эвменид (Эринний, Фурий). Сии богини, дщери Нощи и Ахерона, открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде.

Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растерзанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита,
Но не покинем вас и там».

И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомненьем
Меж истиной и заблужденьем —
Со страхом мнит о Силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.

И всё, и всё еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосою
Станица журавлей летит.

«Что? Ивик!..» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом незнаемым поэт!..
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»

И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид ужасных суд;
Отмщенье за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»

И, бледен, трепетен, смятенный,
Незапной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей:
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клевретом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

1813

ТЕОН И ЭСХИН

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих брегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Все те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб певдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним сплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море,—
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!»—
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда — лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?»

Теон указал, воздыхая, на гроб...
«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны,
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно;
Страданье в разлуке есть та же любовь,
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где *она* предо мною цвела,—
Он тот же: все *ею* он полон.

По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —
Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшия жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я *человек*,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб затворенная к счастию дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примирись;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни к великому средство;
И горесть и радость — все к цели одной;
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

1814

АЛИНА И АЛЬСИМ

Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали,—
Всему конец.
Что пользы в платье золотое
Себя рядить?
Богатство на земле прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни в цвете,
Сказать душой
Ему: *ты будь моя на свете;*
А ей: *ты мой;*
И вдруг придется для другого
Любовь забыть —
Что жребия страшней такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
«Мне мил Альсим;
Давно я втайне поменялась
Душою с ним;
Давно *люблю* ему сказала;
Дай счастье нам».
«Нет, дочь моя, за генерала
Тебя отдам».

И в монастырь святой Ирины
Отвозит дочь.
Тоска-печаль в душе Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладил
Ни разу друг ее страданье:
Но все он мил.

Однажды... о! как свет коварен!..
Сказала мать:
«Любовник твой неблагодарен»,
И ей читать
Она дает письмо Альсима.
Его черты:
Прости; другая мной любима;
Свободна ты.

Готово все: жених приходит;
Идут во храм;
Вокруг налоя их обводит
Священник там.
Увы! Алина, что с тобою?
Кто твой супруг?
Ты сердца не дала с рукою —
В нем прежний друг.

Как смирный агнец на закланье,
Вся убрана;
Вокруг веселье, ликованье —
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать дарит:
Напрасно... прежнего веселья
Не возвратит.

Но как же дни свои смиренно
Ведет она!
Вся жизнь семье уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбе своей;
Супругу ж то, что сохранилось
От сердца ей.

Но все по-прежнему печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встречали,—
Все мысль одна.
Так, безутешная, томила
Пять лет себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Им полон свет;
Хотеть прогнать его — страданье,
А пользы нет.
Всё поневоле улетаем
К мечте своей;
Твердя: *забудь!* напоминаем
Душе об ней.

Однажды, приуныв, Алина
Сидела; вдруг
Купца к ней вводит армянина
Ее супруг.
«Вот цепи, дорогие шали,
Жемчуг, коралл;
Они лекарство от печали:
Я так слыхал.

На что нам деньги? На веселье.
Кому их жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цепочку, шаль
Или жемчуг у армянина;
Вот кошелек;
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружок».

Товары перед ней открывши,
Купец молчит;
Алина, голову склонивши,
Как не глядит.
Он, взор потупя, разбирает
Жемчуг, алмаз;
Подносит молча; но вздыхает
Он каждый раз.

Блистала красота младая
В его чертах;
Но бледен; борода густая;
Печаль в глазах.
Мила для взора живость цвета,
Знак юных дней;
Но бледный цвет, тоски примета,
Еще милей.

Она не видит, не внимает —
Мысль далеко.
Но часто, часто он вздыхает
И глубоко.
Что (мыслит) он такой унылый?
Чем огорчен?
Ах! если потерял, что мило,
Как жалок он!

«Скажи, что сделалось с тобою?
О чем печаль?
Не от любви ль?.. Ах! Всей душою
Тебя мне жаль».
«Что пользы! Горя нам словами
Не утолить;
И невозвратного слезами
Не возвратить.

Одно сокровище бесценно
Я в мире знал;
Подобного творец вселенной
Не создавал.
И я одно имел в предмете:
Им обладать.
За то бы рад был все на свете —
И жизнь отдать.

Как было сладко любоваться
Им в день сто раз!
И в мыслях я не мог расстаться
С ним ни на час.
Но року вздумалось лихому
Мне повредить
И счастие мое другому
С ним подарить.

Всех в жизни радостей лишенный,
С моей тоской
Я побежал, как осужденный,
На край земной:
Но ах! от сердца то, что мило,
Кто оторвет?
Что раз оно здесь полюбило,
С тем и умрет».

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокал?»
«О нет: оно милее злата».
«Рубин, коралл?»
«Не тяжко потерять их».— «Что же?
Царев алмаз?»
«Нет, нет, алмазов всех дороже
Оно сто раз.

С тех пор, как я все то, что льстило,
В нем погубил,
Я сам на память образ милый
Изобразил.
И на черты его прелестны
Смотрю в слезах:
Мои все блага поднебесны
В его чертах».

Алина слушала уныло
Его рассказ.
«Могу ль на этот образ милый
Взглянуть хоть раз?»
Алине молча, как убитый,
Он подает
Парчою досканец обвитый,
Сам слезы льет.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка с надписью златою;
Она прочла:
Здесь все, что я, осиротелый,
Моим зову;
Что мне от счастья уцелело;
Все, чем живу.

Дощечку с трепетом раскрыла —
И что же там?
Что новое судьба явила
Ее очам?
Дрожит, дыханье прекратилось...
Какой предмет!
И в ком бы сердце не смутилось?..
Ее портрет.

«Алина, пробудись, друг милый;
С тобою я.
Ничто души не изменило;
Она твоя.
В последний раз: *люблю Алину*,
Пришел сказать;
Тебя покинув, жизнь покину,
Чтоб не страдать».

Вид Павловска Роща
Лавис А Клара с оригинала В А Жуковского
1824 г
Государственный музеи А. С Пушкина. Москва

Алина с горем и тоскою
Ему в ответ:
«Альсим, я верной быть женою
Дала обет.
Хоть долг и тяжкий и постылый:
Все покорись;
А ты — не умирай, друг милый;
Но... удались».

Алине руку на прощанье
Он подает:
Она берет ее в молчанье
И к сердцу жмет.
Вдруг входит муж; как в исступленье
Он задрожал
И им во грудь в одно мгновенье
Вонзил кинжал.

Альсима нет; Алина дышит.
«Невинна я
(Так говорит), всевышний слышит
Нас судия.
За что ж рука твоя пронзила
Алине грудь?
Но бог с тобой; я все простила;
Ты все забудь».

Убийца с той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслед за ним влачится
Алины тень;
Обагрена кровавым током
Вся грудь ея;
И говорит ему с упреком:
«Невинна я».

1814

ПЕСНЯ

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;

Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

* * *

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал,—
Тот вас не знает, вышни силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданью выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

1816

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?

Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет:
Очарованное *Там?*

1816

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночною порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит,
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока —
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил.

1816

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росою,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!..

1816

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дубровe моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

1818

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

1818

К МИМО ПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

Скажи, кто ты, пленитель безымянной?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

1819

К ПОРТРЕТУ ГЕТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

1819

НЕВЫРАЗИМОЕ

Отрывок

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —

Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена,—
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою,—
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастие разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной.
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желания,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевшия души.

1820

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностию: *были*.

1821

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралося забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

1822

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездáми его.

Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

1822

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не а́нглийской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна— я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал,—
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершися мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой,—
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи, наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалося мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой: он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подъемлется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена».
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удалися»,— она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит,—
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупáется кровью пролитая кровь,—
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь,—
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе возжжена:
Отразилися пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

1822

19 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые,
О небе мысли.

Звезды небес,
Тихая ночь!..

1823

* * *

Я музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но все, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда,—
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

1824

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли;
С ней все близкое прекрасно,
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоем
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.

1824

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;

Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник — мотылек...

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!

Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

1824

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

Снова гений жизни веет;
Возвратилася весна;
Холм на солнце зеленеет;
Лед разрушила волна;
Распустившийся дымится
Благовониями лес,
И безоблачен глядится
В воды зеркальны Зевес;
Все цветет — лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет:
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет.

Я везде ее искала,
В днéвном свете и в ночи;
Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее под сводом неба
Не нашел всезрящий бог;
А подземной тьмы Эреба
Луч его пронзить не мог:
Те брега недостижимы,
И богам их страшен вид...
Там она! неумолимый
Ею властвует Аид.

Кто ж мое во мрак Плутона
Слово к ней перенесет?
Вечно ходит челн Харона,
Но лишь тени он берет.
Жизнь подземного страшится;
Недоступен ад и тих;
И с тех пор, как он стремится,

Стикс не видывал живых;
Тьма дорог туда низводит;
Ни одной оттуда нет;
И отшедший не приходит
Никогда опять на свет.

Сколь завидна мне, печальной,
Участь смертных матерей!
Легкий пламень погребальный
Возвращает им детей;
А для нас, богов нетленных,
Что усладою утрат?
Нас, безрадостно-блаженных,
Парки строгие щадят...
Парки, парки, поспешите
С неба в ад меня послать;
Прав богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

В тот предел — где, утешенью
И веселию чужда,
Дочь живет — свободной тенью
Полетела б я тогда;
Близ супруга, на престоле
Мне предстала бы она,
Грустной думою о воле
И о матери полна;
И ко мне бы взор склонился,
И меня узнал бы он,
И над нами б прослезился
Сам безжалостный Плутон.

Тщетный призрак! стон напрасный!
Все одним путем небес
Ходит Гелиос прекрасный;
Все навек решил Зевес;
Жизнью горнею доволен,
Ненавидя адску ночь,
Он и сам отдать неволен
Мне утраченную дочь.
Там ей быть, доколь Аида
Не осветит Аполлон
Или радугой Ирида
Не сойдет на Ахерон!

Нет ли ж мне чего от милой,
В сладкопамятный завет:
Что осталось все, как было,
Что для нас разлуки нет?
Нет ли тайных уз, чтоб ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвых с милыми живыми,
С светлым днем подземну ночь?..
Так, не все следы пропали!
К ней дойдет мой нежный клик:
Нам святые боги дали
Усладительный язык.

В те часы, как хлад Борея
Губит нежных чад весны,
Листья падают, желтея,
И леса обнажены:
Из руки Вертумна щедрой
Семя жизни взять спешу
И, его в земное недро
Бросив, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вверяю
Тайный дар моей руки
И, скорбя, в нем посылаю
Весть любви, залог тоски.

Но когда с небес слетает
Вслед за бурями весна:
В мертвом снова жизнь играет,
Солнце греет семена;
И, умершие для взора,
Вняв они весны привет,
Из подземного затвора
Рвутся радостно на свет:
Лист выходит в область неба,
Корень ищет тьмы ночной;
Лист живет лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими та́инственно слита
Область тьмы с страною дня,
И приходят от Коцита
С ними вести для меня;

И ко мне в живом дыханье
Молодых цветов весны
Подымается признанье,
Глас родной из глубины;
Он разлуку услаждает,
Он душе моей твердит:
Что любовь не умирает
И в отшедших за Коцит.

О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;
Вы тоски моей услада,
Образ дочери моей;
Вас налью благоуханьем,
Напою живой росой,
И с Авророю сияньем
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенний мрак полей
И мою вещают радость,
И печаль души моей.

1831

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,—
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен,
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В за́мок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземной;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Реинской башне спасусь»,— говорит.

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казалися слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

1831

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых
И пеньем благую Цереру встречайте.
Церера сдружила враждебных людей;
Жестокие правы смягчила;
И в дом постоянный меж нив и полей
Шатер подвижной обратила.

Робок, наг и дик, скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям Номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стрелами,
Грозен, бегал по лесам...
Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!

С Олимпийския вершины
Сходит мать Церера вслед
Похищенной Прозершины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях;
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит:
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человек?
Для того ль тебя красою
Олимпийскою облек
Бог богов и во владенье
Мир земной тебе отдал,
Чтоб ты в нем, как в заточенье
Узник брошенный, страдал?

Иль ни в ком между богами
Сожаленья к людям нет
И могучими руками
Ни один из бездны бед
Их не вырвет? Знать, к блаженным
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченным
Сердцем горе поняла?

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек;
Чти закон времен спокойный;
Знай теченье лун и лет,
Знай, как движется под стройной
Их гармониею свет».

И мгновенно расступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божеством пред дикарей:
Кончив бой, они, как тигры,
Из черепьев вражьих пьют,
И ее на зверски игры
И на страшный пир зовут.

Но богиня, с содроганьем
Отвратясь, рекла: «Богам
Кровь противна; с сим даяньем
Вы, как звери, чужды нам;
Чистым чистое угодно;
Дар, достойнейший небес:
Нивы колос первородной,
Сок оливы, плод древес».

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка;
Острием его пронзает
Грудь земли ее рука;
И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводит молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, как златые
Волны, зыблются поля.
Их она благословляет,
И, колосья в сноп сложив,
На смиренный возлагает
Камень жертву первых нив.

И гласит: «Прими даянье,
Царь Зевес, и с высоты
Нам подай знаменованье,
Что доволен жертвой ты.
Вечный бог, сними завесу
С них, не знающих тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцем правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;
Он во знамение кинул
Гром излучистый с небес;
Вмиг алтарь воспламенился;
К небу жертвы дым взлетел,
И над ней горé явился
Зевсов пламенный орел.

И чудо проникло в сердца дикарей;
Упали во прах перед дивной Церерой;
Исторгнулись слезы из грубых очей,
И сладкой сердца растворилися верой.
Оружие кинув, теснятся толпой
И ей воздают поклоненье;
И с видом смиренным, покорной душой
Приемлют ее поученье.

С высоты небес нисходит
Олимпийцев светлый сонм;
И Фемида их предводит,
И своим она жезлом
Ставит грани юных, жатвой
Озлатившихся полей
И скрепляет первой клятвой
Узы первые людей.

И приходит благ податель,
Друг пиров, веселый Ком;
Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем;
Учит их владеть клещами;
Движет мехом, млатом бьет
И искусными руками
Первый плуг им создает.

И вослед ему Паллада
Копьеносная идет
И богов к строенью града
Крепкостенного зовет:
Чтоб приютно-безопасный
Кров толпам бродящим дать
И в один союз согласный
Мир рассеянный собрать.

И богиня утверждает
Града нового чертеж;
Ей покорный, означает
Термин камнями рубеж;
Цепью смерена равнина;
Холм глубоким рвом обвит;
И могучая плотина
Гранью бурных вод стоит.

Мчатся Нимфы, Ореады
(За Дианой по лесам,
Чрез потоки, водопады,
По долинам, по холмам
С звонким скачущие луком);
Блещет в их руках топор,
И обрушился со стуком
Побежденный ими бор.

И, Палладою призванный,
Из зеленых вод встает
Бог, осокою венчанный,
И тяжелый строит плот;
И, сияя, низлетают
Оры легкие с небес
И в колонну округляют
Суковатый ствол древес.

И во грудь горы вонзает
Свой трезубец Посидон;
Слой гранитный отторгает
От ребра земного он;
И в руке своей громаду,
Как песчинку, он несет;
И огромную ограду
Во мгновенье создает.

И вливает в струны пенье
Светлоглавый Аполлон:
Пробуждает вдохновенье
Их согласно-мерный звон;
И веселые Камены
Сладким хором с ним поют,
И красивых зданий стены
Под напев их восстают.

И творит рука Цибелы
Створы врат городовых:
Держат петли их дебелы,
Утвержден замок на них;
И чудесное творенье
Довершает, в честь богам,
Совокупное строенье
Всех богов, великий храм.

И Юнона, с оком ясным
Низлетев от высоты,
Сводит с юношей прекрасным
В храме деву красоты;
И Киприда обвивает
Их гирляндою цветов,
И с небес благословляет
Первый брак отец богов.

И с торжественной игрою
Сладких лир, поющих в лад,
Вводят боги за собою
Новых граждан в новый град;
В храме Зевсовом царица,
Мать Церера там стоит,
Жжет курения, как жрица,
И пришельцам говорит:

«В лесе ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон — закон природы.
Человек, прияв в залог
Зоркий ум — звено меж ними,—
Для гражданства сотворен:
Здесь лишь нравами одними
Может быть свободен он».

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых;
И с пеньем благую Цереру встречайте:
Всю землю богинин приход изменил;
Признавши ее руководство,
В союз человек с человеком вступил
И жизни постиг благородство.

1833

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.

И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту.
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена.*

Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

‹ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО ГР. РОСТОПЧИНОЙ›

‹А. С. ПУШКИН›

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем,— в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою
мыслью
Было объято оно: мнилося мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
что видишь?

1837

К В. А. ЖУКОВСКОМУ

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et juvenum ritu florent modo nata vigentque.
Horat. Ars poetica[1]

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логике учусь и ясным быть желаю?
Какая слава мне за тяжкие труды?
Лишь только всякий час себе я жду беды;
Стихомарателей здесь скопище упрямо.
Не ставлю я нигде ни *семо*, ни *овамо*;
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
И в слоге Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.
Славянские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не ведут.
Кто русской грамоте, как должно, не учился,
Напрасно тот писать трагедии пустился;
Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.

[1] Всегда было и будет впредь позволено использовать слова, освященные употреблением. Как леса на склоне года меняют листья и опадают те, что появились прежде, так проходит пора старых слов и в употреблении цветут и крепнут вновь появившиеся. *Горац⟨ий⟩. Искусство поэзии (лат.).*

Вот мнение мое! Я в нем не ошибаюсь
И на Горация и Депрео ссылаюсь:
Они против врагов мне твердый будут щит;
Рассудок следовать примерам их велит.
Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.
Что просвещает ум? питает душу? — чтенье.
В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синопсисе того, в Степенной книге нет.
Отечество люблю, язык я русский знаю,
Но Тредьяковского с Расином не равняю —
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.
Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам — труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных славян,
Которыми здесь вкус к изящному попран,
Против меня теперь рыкающий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него, и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить».
Не бойся, говоришь ты мне, о друг почтенный,
Не бойся, мрак исчез: настал нам век блаженный!
Великий Петр, потом великая жена,
Которой именем вселенная полна,
Нам к просвещению, к наукам путь открыли,
Венчали лаврами и светом озарили.
Вергилий и Омер, Софокл и Еврипид,
Гораций, Ювенал, Саллюстий, Фукидид
Знакомы стали нам, и к вечной славе россов
Во хладном севере родился Ломоносов!
На лире золотой Державин возгремел,
Бессмертную в стихах бессмертных он воспел;
Любимец аонид и Фебом вдохновенный
Представил Душеньку в поэме несравненной.
Во вкусе час настал великих перемен:
Явились Карамзин и Дмитрев — Лафонтен!
Вот чем все русские должны гордиться ныне!
Хвала Великому! Хвала Екатерине!
Пусть Клит рецензии тисненью предает —
Безумцу вопреки поэт всегда поэт.

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;
В словесности раскол, как должно, осуждаю.
Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой;
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник знает:
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть Лагарпов курс, а пагуба одна.
В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.
Слов много затвердить не есть еще ученье;
Нам нужны не слова — нам нужно просвещенье.

1810

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Ох! дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираться?
Я всё перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком,
Пришел — и понесло повсюду кабаком.
«Сосед,— он мне сказал,— что делаешь ты дома?
Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На масленой тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу:
«Мой друг,— прибавил он,— послушай: есть находка;
Не девка — золото; из всей Москвы красотка.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
Ступай со мной, качнем!» К плотскóму страсть имея,
Я — виноват, друзья,— послушался злодея.
Мы сели в óбшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысаками:
«Ну! — свистнул,— соколы, отдернем с господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней.

Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская
Дивились *двоице*, на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!
«Приехали»,— сказал извозчик, отряхаясь.
Домишко, как тростник от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.
Херы с Покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» — нас вопросил охриплый голос грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы,—
Буянов закричал,— готовы кулаки»,
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.
Мы сгорбившись вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходский в горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с угрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смиренно в рамочках висели над софой;
Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И *Стерна Нового* как диво величали.
Прямой талант везде защитников найдет!
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и чашки на скамейке.
«Я здесь»,— провозгласил Буянов-молодец.
Все вздрогнули — дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места,— продолжал Сосед велеречивый,—
Ни с места! все равны в борделе у б...ей.
Не обижать пришли мы честных здесь людей.
Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;
Дай пуншу; пей, дьячок». И началась пирушка!
Вдруг шепчет на ухо мне гостья, на беду:
«Послушай, я тебя в светлицу поведу;
Ты мной, жизненочек, останешься доволен;
Варюшка молода, но с нею будешь болен;
Она охотница подарочки дарить».
Я на нее взглянул. Черт дернул! — так и быть!

Пошли по лестнице высокой, крючковатой;
Кухарка вслед кричит: «Боярин тороватый,
Дай бедной за труды, всю правду доложу,
Из *чести* лишь одной я в доме здесь служу».
Сундук, засаленной периною покрытый,
Огарок в черепке, рогожью пол обитый,
Рубашки на шестах, два медные таза,
Кот серый, курица мне бросились в глаза.
Знакомка новая, обняв меня рукою:
«Дружок,— сказала мне,— повеселись со мною;
Ты добрый человек, мне твой приятен вид,
И, верно, девушке не сделаешь обид.
Не бойся ничего; живу я на отчете,
И скажет вся Москва, что я лиха в работе».
Проклятая! Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!
Свет в черепке погас, и близок был сундук...
Но что за шум? Кричат. Несется вопль в светлицу.
Прелестница моя, накинув исподни́цу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней. Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.
«Буянов, бей дьячка, но пощади купца»,—
Б... толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаксад», «Русалка», «Дева солнца»;
Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом взирал;
Все пали ниц; Сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая показать,
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет сатана при случаях таких.

Купец почувствовал к Варюшке вожделенье
(А б..., в том спору нет, есть общее именье).
К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул, нахмурившись, дьячок;
Буянов, не стерпя приветствия такого,
Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул,— и сатане потеха!
В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крылиях веселие летит,
А горе тут как тут!.. Гнилая дверь скрипит
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью, в мундирном сертуке.
«Потише,— говорит,— вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам драться?
Немедленно со мной извольте расквитаться».
Тарелкою Сосед ответствовал ему.
Я близ дверей стоял, ко счастью моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья;
В светлице позабыл часы и кошелек;
Чрез бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток
Перескочив, бежал, и сам куда не зная.
Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадье адово, вдруг стала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой.
Что делать! Я шинель им отдал на съеденье.
Снег мокрый, сильный ветр. О! страшное мученье!
В тоске, в отчаянье, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины моей,
О милые друзья, калекой дотащился.
Нет! полно! Я навек с Буяновым простился.
Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой Сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

1811

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота,
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня,
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

⟨1810⟩

К РУБЕЛЛИЮ

Сатира Персиева

Царя коварный льстец, вельможа напыщённый,
В сердечной глубине таящий злобы яд,
Не доблестьми души — пронырством вознесенный,
Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
Почту ль внимание твое ко мне хвалою?
Унижуся ли тем, что унижён тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души с тобой не равен я!
Что твой минутный блеск? что сан твой горделивый?
Стыд смертным и укор судьбе несправедливой!
Стать лучше на ряду последних плебеян,
Чем выситься на смех, позор своих граждан;
Пусть скроюсь, пусть навек бегу от их собора,
Чем выставлю свой стыд для строгого их взора;
Когда величием прямым не одарен,
Что пользы, что судьбой я буду вознесен?
Бесценен лавр простой, венчая лик героя;
Священ лишь на царе владычества венец;
Но коль на поприще, устроенном для боя,
Неравный силами, уродливый боец,
Где славу зреть стеклись бесчисленны народы,
Явит убожество, посмешище природы,
И с низкой дерзостью героев станет в ряд,—
Ужель не обличен он наглым ослепленьем
И мене на него уставлен взор с презреньем?
Там все его шаги о нем заговорят.

Бесславный тем подлей, чем больше ищет славы.
Что в том, что ты в честях, в кругу льстецов лукавых
Вельможи на себя приемлешь гордый вид,
Когда он их самих украдкою смешит?
Рубеллий! титла лишь с достоинством почтенны,
Не блеском собственным,— сияя им одним.
Заставят ли меня дела твои презренны
Неправо освящать хвалением моим?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой:
Минутою одной приятен лести глас;
Но нужны доблести для жизни нам счастливой!
Они нас усладят, они возвысят нас!
Гордися, окружен ласкателей собором;
Но знай, что предо мной, пред мудрых строгим взором,
Равно презрен и лесть внимающий, и льстец,
Наемная хвала — бесславия венец!
Кто чтить достоинства и чувства в нас не знает,
В неистовстве своем теснит и гонит их,—
Поверь мне, лишь себя жестоко осрамляет:
Унизим ли мы то, что выше нас самих?
Когда презрение питать к тебе я смею,
Я силен — и ни в чем еще не оскудею;
В изгнанье от тебя пусть целый век гублю,
Но честию твоих сокровищ не куплю!
Мне ль думать, мне ль скрывать для обща посмеянья
Убожество души богатством одеянья?
Мне ль ползать пред тобой в толпе твоих льстецов?
Пусть Альбий, Арзелай — но Персий не таков!
Ты думаешь сокрыть дела свои от мира
В мрак гроба? но и там потомство нас найдет,
Пусть целый мир рабом к стопам твоим падет.
Рубеллий! трепещи: есть Персий и сатира!

<1810>

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Элегия

Рассыпан осени рукою,
Лежал поблекший лист кустов;
Зимы предтеча, страх с тоскою
Умолкших прогонял певцов;
Места сии опустошенны

Страдалец юный проходил;
Их вид во дни его блаженны
Очам его приятен был.
«Твое, о роща, опустенье
Мне предвещает жребий мой,
И каждого листа в паденье
Я вижу смерть перед собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мне внятен глас:
«Долин отцветших созерцатель,
Ты здесь уже в последний раз!
Твоя весна скорей промчится,
Чем пожелтеет лист в полях
И с стебля сельный цвет свалится»,
И гроб отверст в моих очах!
Осенни ветры восшумели
И дышат хладом средь полей,
Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
Вались, вались, лист мгновенный,
И скорбной матери моей
Мой завтра гроб уединенный
Сокрой от слезных ты очей!
Когда ж к нему с тоской, с слезами
И с распущенными придет
Вокруг лилейных плеч власами
Моих подруга юных лет,
В безмолвье осени угрюмом,
Как встанет помрачаться день,
Тогда буди ты легким шумом
Мою утешенную тень!»
Сказал — и в путь свой устремился,
Назад уже не приходил;
Последний с древа лист сронился,
Последний час его пробил.
Близ дуба юноши могила;
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерния зарницы,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.

⟨1819⟩

ЭЛЕГИЯ

Ainsi s'èteint tout ce qui brille
un moment sur la terre!..

J.-J. Rousseau[1]

Угрюмой Осени мертвящая рука
Уныние и мрак повсюду разливает;
Холодный, бурный ветр поля опустошает,
И грозно пенится ревущая река.
Где тени мирные доселе простирались,
Беспечной радости где песни раздавались,—
Поблекшие леса в безмолвии стоят,
Туманы стелются над долом, над холмами.

Где сосны древние задумчиво шумят
Усопших поселян над мирными гробами,
Где все вокруг меня глубокий сон тягчит,
Лишь колокол нощной один вдали звучит,
И медленных часов при томном *удареньи*
В пустых развалинах я слышу стон глухой,—
На камне гробовом печальный, тихий *Гений*
Сидит в молчании, с поникшею главой;
Его прискорбная улыбка мне вещает:

[1] Так угасает все, что мгновенно блистает на земле!.. *Ж.-Ж. Руссо (франц.).— Ред.*

«Смотри, как сохнет все, хладеет, истлевает;
Смотри, как грозная, безжалостная *смерть*
Все ваши радости навеки поглощает!
Все жило, все цвело, чтоб после *умереть!*»
О ты, кого еще надежда обольщает,
Беги, беги сих мест, счастливый человек!
Но вы, несчастные, гонимые Судьбою,
Вы, кои в мире сем простилися навек
Блаженства с милою, прелестною мечтою,
В чьих горестных сердцах умолк веселья глас,
Придите — здесь еще блаженство есть для вас!
С любезною навек иль с другом *разлученный*!
Приди сюда о них в свободе размышлять.
И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней *блаженных*!

Ах! только им одним страда́лец и живет!
Пускай счастливца мир к веселию зовет,
Но ты, во цвете лет сраженная Судьбою,
Приди, приди сюда беседовать с тоскою!

Ни юность, для других заря прекрасных дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой все вокруг тебя счастливо было.
Ничто, ничто Судьбы жестокой не смягчило!
Как будто в сладком сне узнала счастье ты,
Проснулась — и уж нет пленительной мечты!
Напрасно вслед за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ах! тот, кого б еще хотела ты прижать
К иссохшей гру́ди,— плачь! — уж он не возвратится
Вовек!.. Здесь будешь ты оплакивать его,
Всех в жизни радостей навеки с ним лишенна!

Здесь бурной Осенью Природа обнаженна
Разделит с нежностью грусть сердца твоего;
Печальный мрак ее с душой твоей сходне́е,
Тебе ли радости в мирском шуму *найти*?
Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние *цветы*.
И горесть сно́снее в объятиях свободы!
Здесь с ним тебя ничто, ничто *не разделит*:
Здесь все тебе о нем лишь будет *говорить*.
С улыбкой томною отцветшия Природы
Его последнюю улыбку вспомнишь *ты*;

А там, узрев цветов печальные *следы*,
Ты скажешь: где они? здесь только прах их тлеет,
И скоро бурный вихрь и самый прах развеет!
И время быстрое блаженства твоего,
И тень священная, и образ вечно милый
Воскреснут, оживут в душе твоей унылой.
Ты вспомнишь, как сама цвела в глазах его!
Как нежная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя к добру влекла;
Как ты все радости в его любви вмещала
И радостей иных постигнуть не могла;
Как раем для тебя казалась вся вселенна...
Но жизнь — обман; а ты, минутой обольщенна,
Хотела вечно жить для счастья, для него;
Хотела — гром гремит — ты видишь... гроб его!..

Что счастье? Быстрый луч сквозь мрачных туч
осенних:
Блеснет — и только лишь несчастный в *восхищенье*
К нему объятия и взоры устремит,
Уже сокрылось все, чем бедный веселился;
Отрадный луч исчез, и мрак над ним сгустился,
И он, обманутый, растерзанный, стоит
И небо горестной слезою укоряет!
Так! счастья в мире нет; и кто живет — страдает!
Напрасно хочешь ты, о добрый друг людей,
Найти спокойствие внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что с мирной совестью твой дух не возмутится!
Пусть с доброю душой для счастья ты рожден,
Но, быв несчастными отвсюду окружен,
Но, бедствий ближнего со всех сторон свидетель —
Не будет для тебя блаженством добродетель!
Как часто доброму отрада лишь в слезах,
Спокойствие в земле, а счастье в небесах!

Не вечно и тебе, не вечно здесь томиться!
Утешься; и туда твой взор да устремится,
Где твой смущенный дух найдет себе покой;
И позабудет все, чем он терзался прежде;
Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!

1802

* * *

Уже ничем не утешает
Себя смущенный скорбью дух;
Весна природу воскрешает,
Но твой осиротевший друг
Среди смеющейся природы
Один скитается в тоске,
Напрасно ждет, лишен свободы,
Счастливой части и себе!

Не верит, кто благополучен,
Мой друг! несчастного слезам,
Но кто страдал в сей жизни сам,
Кто сам тоскою был размучен,
И, миг себя счастливым зрев,
Навеки счастия лишенный,
Судьбы жестокой терпит гнев,
И, ей на муку осужденный,
Не зрит, не зрит бедам конца,—
Тому все бедства вероятны,
Тому везде, везде понятны
В печали ноющи сердца.

1803

ДОМ СУМАСШЕДШИХ

1

Други милые, терпенье!
Расскажу вам чудный сон;
Не игра воображенья,
Не случайный призрак он,
Нет, но мщенью предыдущий
И грозящий неба глас,
К покаянию зовущий
И пророческий для нас.

2

Ввечеру, простившись с вами,
В уголку сидел один,
И Кутузова стихами
Я растапливал камин.
Подбавлял из Глинки сору
И твоих, о Мерзляков,
Из «Амура» по сю пору
Недочитанных стихов!

3

Дым от смеси этой едкой
Нос мне сажей закоптил,
И в награду крепко-крепко
И приятно усыпил.
Снилось мне, что в Петрограде,
Чрез Обухов мост пешком
Перешел, спешу к ограде
И вступаю в Желтый Дом.

4

От любови сумасшедших
В список бегло я взглянул
И твоих проказ прошедших
Длинный ряд воспомянул.
Карамзин, Тит Ливий русский!
Ты, как Шаликов, стонал,
Щеголял, как шут французский...
Ах, кто молод не бывал?

5

Я и сам... но сновиденье
Прежде, други, расскажу.
На второе отделенье
Бешеных глупцов вхожу.
«Берегитесь, здесь Наглицкой! —
Нас вожатый упредил.—
Он укусит вас, не близко!..»
Я с боязнью отступил.

6

Пред безумцем, на амвоне —
Кавалерских связка лент,
Просьбица о пенсионе,
Святцы, список всех аренд,
Дач, лесов, земель казенных
И записка о долгах.
В размышленьях столь духовных
Изливал он яд в словах.

7

«Горе! Добрый царь на троне,
Вер терпимость, пыток нет!..
Ах, зачем не при Нероне
Я рожден на белый свет!
Благотворный бы представил
Инквизиции проект;
При себе бы сечь заставил
Философов разных сект.

8

Я, как дьявол, ненавижу
Бога, ближних и царя;
Зло им сделать — сплю и вижу
В честь Христова алтаря!
Я за деньги — христианин,
Я за орден — мартинист,
Я за землю — мусульманин,
За аренду — атеист!»

9

Други, признаюсь, из кельи,
Уши я зажав, бежал...
Рядом с ней на новоселье
Злунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою,
От ученья сгибнул свет,
Этой тьме Невтон виною
И безбожник Боссюэт».

10

Полный бешеной отваги,
Доморощенный Омар
Книги драл, бросал бумаги
В печку на пылавший жар.
Но кто, сей скелет исчахший,
Из чулана кажет нос?
То за глупость пострадавший
Ханжецов... Чу, вздор понес!

11

«Хочешь мельницу построить,
Пушку слить, палаты скласть,
Силу пороха удвоить,
От громов храм божий спасть,
Справить сломанную ногу,
С глаз слепого бельмы снять —
Не учась, молися богу,
И пошлет он благодать!

12

К смиренькой своей овечке
Принесет чертеж, размер,
Пробу пороху в мешочке.
Благодати я пример!
Хоть без книжного ученья
И псалтырь один читал,
А директор просвещенья,
И с звездою генерал!»

13

Слыша речь сию невежды,
Сумасброда я жалел
И малейшия надежды
К излеченью не имел.
Наш Пустелин недалеко
Там, в чулане, заседал
И, горе́ возведши око,
Исповедь свою читал:

14

«Как, меня лишать свободы
И сажать в безумный дом?
Я подлец уже с природы,
Сорок лет хожу глущом,
И Наглицкий вечно мною,
Как тряпицей черной, трет;
Как кривою кочергою,
Загребает или бьет!»

15

«Ба! Зачем здесь князь Пытнирский?
Крокодил, а с виду тих!
Это что?» — «Устав алжирский
О печатании книг!»
Вкруг него кнуты, батоги
И Трусовский — ноздри рвать...
Я — скорей давай бог ноги!
Здесь не место рассуждать.

16

«Что за страшных двух соседов
У стены ты приковал?»
«Это пара людоедов!—
Надзиратель отвечал.—
Вельзевуловы обноски,
Их давно бы истребить,
Да они как черви — плоски:
Трудно их и раздавить!»

17

Я дрожащими шагами
Через залу перешел
И увидел над дверями
Очень четко: «Сей отдел
Прозаистам и поэтам,
Журналистам, авторáм;
Не по чину, не по летам
Здесь места — по нумерам».

18

Двери настежь надзиратель
Отворя, мне говорит:
«Нумер первый, ваш приятель
К<аченовск>ий здесь сидит.
Букву Э на эшафоте
С торжеством и лики жжет;
Ум его всегда в работе:
По крюкам стихи поет;

19

То кавыки созерцает,
То, обнюхивая, гниль
Духу роз предпочитает;
То сметает с книжек пыль
И, в восторге восклицая,
Набивает ею рот:
«Сор славянский! пыль родная!
Слаще ты, чем мед из сот!»

20

Вот на розовой цепочке
Спичка М<алик>ов, в слезах,
Разрумяненный, в веночке,
В ярко-планшевых чулках,
Прижимает веник страстно,
Ищет граций здешних мест
И, мяуча сладострастно,
Размазню без масла ест.

21

Нумер третий: на лежанке
Истый Г<линк>а восседит;
Перед ним дух русский в склянке
Неоткупорен стоит.
«Книга Кормчая» отверста,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверх устремлены.

22

«О Расин! откуда слава?
Я тебя, дружка, поймал:
Из российского «Стоглава»
«Федру» ты свою украл.
Чувств возвышенных сиянье,
Выражений красота,
В «Андромахе» — подражанье
«Погребению кота».

23

«Ты ль, Хлыстов? — к нему вошедши,
Вскрикнул я.— Тебе ль здесь быть?
Ты дурак, не сумасшедший,
Не с чего тебе сходить!»
«В Буало я смысл добавил,
Лафонтена я убил,
А Расина переправил!» —
Быстро он проговорил.

24

И читать мне начал оду...
Я искусно ускользнул
От мучителя; но в воду
Прямо из огня юркнул.
Здесь старик, с лицом печальным,
Букв славянских красоту —
Мажет золотом сусальным
Пресловутую фиту.

25

И на мебели повсюду
Коронованное кси,
Староверских книжек груду
И в окладе ик и пси,
Том, в сафьян переплетенный,
Тредьяковского стихов
Я увидел, изумленный,—
И узнал, что то Ш<ишк>ов.

26

Вот Сладковский. Восклицает:
«Се, се россы! Се сам Петр!
Се со всех сторон зияет
Молния из тучных недр!
И чрез Ворсклу, при преправе,
Градов на суше творец
С драгостью пошел ко славе,
А поэме сей — конец!»

27

Вот Ж<уковск>ий! В саван длинный
Скутан, лапочки крестом,
Ноги вытянувши чинно,
Черта дразнит языком.
Видеть ведьму воображает:
То глазком ей подмигнет,
То кадит, и отпевает,
И трезвонит, и ревет.

28

Вот Картузов! Он зубами
Бюст грызет Карамзина;
Пена с уст течет ручьями,
Кровью грудь обагрена!
И напрасно мрамор гложет,
Только время тратит в том,—
Он вредить ему не может
Ни зубами, ни пером!

29

Но С<таневи>ч, в отдаленье
Усмотрев, что это я,
Возопил в остервененье:
«Мир! Потомство! за меня
Злому критику отмстите,
Мой из бронзы вылив лик,
Монумент соорудите:
Я велик, велик, велик!»

30

Чудо! Под окном на ветке
Крошка Б<атюшк>ов висит
В светлой проволочной клетке;
В баночку с водой глядит
И поет он сладкогласно:
«Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись на дно — ужасный
Крокодил на нем лежит».

31

Вот И<змайл>ов! Автор басен,
Рассуждений, эпиграмм,
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам:
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями —
Мир квартальных есть мой мир».

32

Вот Плутов — нахал в натуре,
Из чужих лоскутьев сшит.
Он — цыган в литературе,
А в торговле книжной — жид.
Вспоминая о прошедшем,
Я дивился лишь тому,
Что зачем он в сумасшедшем,
Не в смирительном дому?

33

Тут кто? «Плутова собака
Забежала вместе с ним».
Так, Флюгарин-забияка
С рыльцем мосичьим своим,
С саблей в петле... «А французской
Крест ужель надеть забыл?
Ведь его ты кровью русской
И предательством купил!»

34

«Что ж он делает здесь?»— «Лает,
Брызжет пеною с брылей,
Мечется, рычит, кусает
И домашних и друзей».
«Да на чем он стал помешан?»
«Совесть ум свихнула в нем:
Все боится быть повешен
Или высечен кнутом!»

35

Вот в передней раб-писатель,
К<арази>н-хамелеон!
Филантроп, законодатель.
Взглянем: что марает он?
Песнь свободе, деспотизму,
Брань и лесть властям земным,
Гимн хвалебный атеизму
И акафист всем святым.

36

Вот Грузинцев! Он в короне
И в сандалиях, как царь;
Горд в мишурном он хитоне,
Держит греческий букварь.
«Верно, ваши сочиненья?» —
Скромно сделал я вопрос.
«Нет, Софокловы творенья!» —
Отвечал он, вздернув нос.

37

Я бегом без дальних сборов...
«Вот еще!» — сказали мне.
Я взглянул. Максим Невзоров
Углем пишет на стене:
«Если б, как стихи Вольтера,
Христианский мой журнал
Расходился. Горе! вера,
Я тебя бы доконал!»

38

От досады и от смеху
Утомлен, я вон спешил
Горькую прервать утеху;
Но смотритель доложил:
«Ради вы или не ради,
Но указ уж получён;
Вам нельзя отсель ни пяди!»
И указ тотчас прочтен:

39

«Тот Воейков, что бранился,
С Гречем в подлый бой вступал,
Что с Булгариным возился
И себя тем замарал,—
Должен быть, как сумасбродный,
Сам посажен в Желтый Дом.
Голову обрить сегодни
И тереть почаще льдом!»

Выслушав, я ужаснулся,
Хлад по жилам пробежал,
И, проснувшись, не очнулся
И не верил сам, что спал.
Други, вашего совету!
Без него я не решусь;
Не писать — не жить поэту,
А писать начать — боюсь!

1814—1830

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,—
И, словом, бедными Ногами,
Как шашками, вертишь».
«Молчите, дерзкие,— им Голова сказала,—
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,—
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;

Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто все болтает.

1803

БУРЦОВУ

ПРИЗЫВАНИЕ НА ПУНШ

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зе́ркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не вели́кий господин.
Он гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелём!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Бело́мраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они по́лны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся в круговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых бо́ев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы

Сражение при Малом Ярославце 1812 г
Барельеф Ф П Толстого Гипс
1816 г
Государственный музей А С Пушкина Москва

И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И «Георгья» за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К ко́ням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

ГУСАРСКИЙ ПИР

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от *ура*
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
Бурцов, брат, что́ за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися!—
Вот мой дружеский совет.

1804

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка-Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка-Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

1815

ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастие найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;

Друг твой в поле появи́тся,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1816

ЭЛЕГИЯ VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею;
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

1817

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по́ полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг вали́тся...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что́ вижу? Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

ОТВЕТ

Я не поэт, я партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песни запевало!

1826

ПОЛУСОЛДАТ

«Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой
И клики вторятся горами,

И все кипит, и все гремит;
А я меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вкруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Севкане?

Бывало, слово: *друг, явись!*—
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый *выродком* глущами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вкруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз [1], нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом.

[1] Заоблачная гора, на границе Эриванской области.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека [1] груда снеговая...

На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

1826

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О, кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

1827

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Элегия

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!

[1] Одна из высочайших гор Кавказского хребта.

Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

ВАЛЬС

Ев. Д. З⟨олотаре⟩вой

Кипит поток в дубраве шумной,
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольно,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так, бурей вальса не сокрыта,
Так, от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

1834

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской —
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час воздыхаючи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма сопостат,
Равенства оратор,—
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон —
Вроде бородавки.

Для него славнее бой
Карбонаров бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?..

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?..

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Все шипит да свищет.

Что ж? Быть может, старины
Он бежал приманок?
Звезды, ленты и чины
Пре́зрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял,
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах:
Свечи да кенкеты,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих:

Все исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой;

И козявка-егоза —
Девка пожилая,
И рябая стрекоза —
Сплетня записная;

И в очках сухой паук —
Длинный лазоронп,
И в очках плюгавый жук —
Разноситель вони;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе,
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч — клоп,
Муж... женоподобный,—

Все вокруг стола — и скок
В кипеть совещанья
Утопист, идеолóг,
Президент собранья,

Старых барынь духовни́к,
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В малепький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum![1]

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам и царям —
Всем приходит жутко!

Все, что есть,— всё пыль и прах!
Все, что процветает,—
С корнем вон! — Ареопаг
Так определяет.

[1] Господь с вами! *(лат.)*

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России — боже мой!—
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но назло врагам она
Все живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос,— она
Чхнет — и вон букашка!

1836

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не прийдет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи середней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица,— по них ли я невеста?

Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навертываться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вкруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла;
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

⟨1805⟩

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,—
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

⟨1807⟩

ЛАРЧИК

Случается передко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,

Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

⟨1807⟩

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!»
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшися с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая — как знатный дворянин.

⟨1807⟩

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свесть.
В лесу кого набресть,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей, он без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям

В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, вооруху!» —
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врозь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

⟨1807⟩

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня,— сказал он с удивленьем,—
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»

«То правда,— отвечал хозяин с умиленьем,—
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведеньем».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

⟨1808⟩

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».
«Смотрите же,— кричит один,— не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер
Подымем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазаных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мненье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

⟨1808⟩

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на до́бычу стремится;
Но, делу дать хотя закопный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!»
«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,—
Ягненок говорит. «Так это был твой брат».
«Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

⟨1808⟩

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей сообща ловить,
И что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером.—
И пачетверо он оленя раздирает.—
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

⟨1808⟩

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:

И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же попляши!»

⟨1808⟩

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит —
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О плуты! — Слон кричит,— какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволенье?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зи́ме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;
Да и того им жаль отдать».
«Ну, то-то ж,— говорит им Слон,— смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».

⟨1808⟩

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться,—
Ей шавка говорит,— тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает».
«Эх, эх! — ей Моська отвечает.—
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

⟨1808⟩

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;

Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

⟨1808⟩

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,

Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули;
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что́ завтрак, что́ обед, что́ ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто́ ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные,— вещал им с неба глас,—
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан — так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

〈1809〉

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы,—
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбрелись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! — начал Лев,— по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь — хоть это мне и больно,—
Не прав и я!
Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда,— кто без греха? —

Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,—
Того бы в жертву и принесть,
И было бы богам то более угодно».
«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты,—
Лисица говорит,— в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То прийдет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».
Окончила Лиса; за ней на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могши ссуды,
Из стога у попа я клок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принесть богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасть и нравы от заразы!

Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

⟨1809⟩

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

⟨1809⟩

СИНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не давывал секретарям.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

⟨1811⟩

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет,— говорит,— что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина! — приятель отвечал,—
На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет;
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А все чуден и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за домы:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка,— тут перервал мой Лжец,—
Чем на́ мост нам идти, поищем лучше броду».

⟨1811⟩

Два казака верхами
Литография А О Орловского
1820 г
Государственный музей А С Пушкина Москва

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

⟨1811⟩

ГУСИ*

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).

Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретяся с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
«А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их. «Да наши предки...»—
«Знаю,
И все читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«Да наши предки Рим спасли!»
«Все так, да вы что сделали такое?»
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Басню эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздразнить.

⟨1811⟩

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась;
И из гостей домой
Пришла свинья свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
Свинью спросил пастух.—
Ведь и́дет слух,
Что все у богачей лишь бисер да жемчу́г;
А в доме так одно богатее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.

Я не приметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

⟨1811⟩

СОВЕТ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Все дело слажено; повещено собранье,
Как ночь настанет на дворе;
И наконец в мучном ларе
Открыто заседанье.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.

Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю губит».
А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

⟨1811⟩

КВАРТЕТ

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки,—
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка.—
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осел,— мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй,— говорят,— возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!»
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней,—
Им отвечает Соловей,—
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

⟨1811⟩

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,—
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те,—
Им снизу отвечали,—
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?

Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,—
Не станет дерева, ни вас».

⟨1811⟩

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит.—
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

⟨1812⟩

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом,
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат,— огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

⟨1812⟩

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору,—
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

⟨1812⟩

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет,—
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью,
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

⟨1812⟩

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска недоедала,
Ночей недосыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой,—
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

(1813)

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,—
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

⟨1813⟩

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
«Соседушка, я сыт по горло».— «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
«Я три тарелки съел».—«И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что́ за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»

Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян.— Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

⟨1813⟩

ФОРТУНА И НИЩИЙ

С истертою и ветхою сумой
Бедняжка-нищенький под оконьем таскался
И, жалуясь на жребий свой,
Нередко удивлялся,
Что люди, живучи в богатых теремах,
По горло в золоте, в довольстве и сластях,
Ка́к их карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, без пути алкая
И нового богатства добывая,
Лишаются нередко своего
Всего.
Вон бывший, например, того хозяин дому
Пошел счастливо торговать;
Расторговался в пух. Тут, чем бы перестать
И достальной свой век спокойно доживать,
А промысел оставить свой другому,—
Он в море корабли отправил по весне;
Ждал горы золота; но корабли разбило:

Сокровища его все море поглотило;
Теперь они на дне,
И видел он себя богатым, как во сне.
Другой, тот в откупа пустился
И нажил было миллион,
Да мало: захотел его удвоить он,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи таких примеров есть;
И поделом: знай честь!
Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
И говорит ему:
«Послушай, я помочь давно тебе желала;
Червонцев кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только с уговором:
Все будет золото, в суму что попадет,
Но если из сумы что на пол упадет,
То сделается сором.
Смотри ж, я наперед тебя остерегла:
Мне велено хранить условье наше строго,
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтоб вынести она могла».
Едва от радости мой Нищий дышит
И под собой земли не слышит!
Расправил свой кошель, и щедрою рукой
Тут полился в него червонцев дождь златой:
Сума становится уж тяжеленька.
«Довольно ль?»—«Нет еще».—«Не треснула б».—«Не бойсь».
«Смотри, ты Крезом стал».— «Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось».
«Эй, полно! Посмотри, сума ползет уж врозь».
«Еще щепоточку». Но тут кошель прорвался,
Рассыпалась казна и обратилась в прах,
Фортуна скрылася: одна сума в глазах,
И Нищий пищеньким по-прежнему остался.

(1813)

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополье причиняли,

Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донесть!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно;
Так, верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что́ ж? как подходить к Реке поближе стали
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

⟨1813—1814⟩

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там.

⟨1814⟩

КРЕСТЬЯНИН И РАЗБОЙНИК

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник да корову
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брел домой проселочным путем,
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй,— всплачется Крестьянин,— я пропал,
Меня совсем ты доконал!
Год целый я купить коровушку сбирался:
Насилу этого дождался дня».
«Добро, не плачься на меня,—
Сказал, разжалобясь, Разбойник.—
И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

⟨1814⟩

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
«Да разве там он?» — «Там».— «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

⟨1814⟩

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль,— говорит,— средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

⟨1814⟩

КОМАР И ПАСТУХ

Пастух под тенью спал, надеяся на псов.
Приметя то, змея из-под кустов
Ползет к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало,
Но, сжалися над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил.
Проснувшися, Пастух змею убил;
Но прежде Комара спросонья так хватил,
Что бедного его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же с ним случится,
Что с Комаром.

⟨1814⟩

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то, в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,

Кому из них идти приличней наперед?
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и немалом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вот Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю;
Ты зла — твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь без вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперед смирней».
С тех пор клеветники в аду почетней змей.

〈1814〉

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! — говорит она,— и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на́ волос нет в них».

Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

⟨1815⟩

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись,
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом,
Ни на кого не лают днем —
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может,— говорит Полкан,— приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спить без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
«А что же? это дело! —
Барбос ответствует ему.—
Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:

Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши времена! —
Вскричал Полкан,— дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!
Тут повар, на беду, из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся,—
Лишь только клочья вверх летят:
Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей льзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа,—
А только кинь им кость, так что твои собаки!

⟨1815⟩

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.

Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает?
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй,— говорит,— за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

⟨1815⟩

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

⟨1815⟩

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой.
«Смотри-ка,— говорит,— кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

(1815)

ТУЧА

Над изнуренною от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ее не освежа одною,
Она большим дождем над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горою.
«Что́ сделала добра
Ты щедростью такою? —
Сказала ей Гора.—
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

(1815)

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однако ж у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный двор
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нем довольство и простор.
Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица —
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно;
Лисой к нему приложено
Все: и старанье и уменье.
Смотрели, видели: строенье — загляденье!
А сверх того, все есть, чего ни спросишь тут:
Корм под носом, везде натыкано насесток,
От холоду и жару есть приют,
И укромонные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчас повеленье:
На новоселье кур немедля перевесть.
Но есть ли польза в перемене?
Нет, кажется, и крепок двор,
И плотен и высок забор —
А кур час от часу все мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
Тое ж Лису-злодейку.
Хоть правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.

⟨1815⟩

ВОЛК И ЛИСИЦА

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы этой басней поясним,
Затем что истина сноснее вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
«Что, кумушка, беды! — он говорит.—
Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!»
«Неужли?» — «Право, так».— «Бедняжка куманек!
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».
А куму не сенца, хотелось бы мяснова —
Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошел без ужина домой.

⟨1816⟩

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у льва просился волк.
Стараньем кумушки-лисицы
Словцо о нем замолвлено у львицы.
Но так как о волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит лев на лицы,
То велено звериный весь народ

Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин чином собраны:
Но против волка нет ни слова,
И волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были?
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

⟨1816⟩

СЛОН В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И так, как водится, пошли догадки,
Чем в милость втерся Слон?
Не то красив, не то забавен он;
Что за прием, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы,— говорит, вертя хвостом, Лисица,—
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы».— «Или, сестрица,—
Сказал Медведь,— хотя бы по когтям
Он сделался случайным,
Никто того не счел бы чрезвычайным:
Да он и без когтей, то́ всем известно нам,
Да не вошел ли он в случай клыками?»
Вступился в речь их Вол:
«Уж не сочли ли их рогами?»
«Так вы не знаете,— сказал Осел,
Ушами хлопая,— чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал —
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

⟨1816⟩

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает;
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный,—
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

⟨1816⟩

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней весной переменила».
Однако ж Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь, ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

⟨1818⟩

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудяся над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот и́дет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
«В том,— отвечал сосед,—
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

⟨1818⟩

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умо́лку,
В том, верно, мало толку,
Кто де́лов истинно, тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

⟨1819⟩

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил:
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.
А он — дивит
Свой только муравейник.

⟨1819⟩

МЕДВЕДЬ В СЕТЯХ

Медведь
Попался в сеть.
Над смертью издали шути как хочешь смело:
Но смерть вблизи — совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и от драки,
Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогатины, и ружья, и собаки:
Так драка не по нем.
Вот хочет Мишка взять умом
И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
Я проступился пред тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль веришь клеветам напрасным на медведей,
Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!
Я, например, пошлюсь на всех соседей,
Что изо всех зверей мне только одному
Никто не сделает упрека,
Чтоб мертвого я тронул человека».
«То правда,— отвечал на то ловец ему,—
Хвалю к усопшим я почтение такое;
Зато, где случай ты имел,
Живой уж от тебя не вырывался цел.
Так лучше бы ты мертвых ел
И оставлял живых в покое».

⟨1819⟩

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин по́звал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,

Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур недосчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

⟨1821⟩

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу ворон говорит,—
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».

«Неблагодарная!— примолвил Дуб ей тут,—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки, и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

⟨1821—1823⟩

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» —
Лисица, встретяся с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого урода;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?» —
Лиса Осла перерывает.
«Вот-на! — Осел ей отвечает.—
А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.

⟨1821—1823⟩

ЗМЕЯ И ОВЦА

Змея лежала под колодой
И злилася на целый свет;
У ней другого чувства нет,
Как злиться: создана уж так она природой.
Ягненок в близости резвился и скакал;
Он о Змее совсем не помышлял.
Вот, выползши, она в него вонзает жало:
В глазах у бедняка туманно небо стало;
Вся кровь от яду в нем горит.
«Что сделал я тебе?» — Змее он говорит.
«Кто знает? Может быть, ты с тем сюда забрался.
Чтоб раздавить меня,— шипит ему Змея.—
Из осторожности тебя караю я».
«Ах, нет!» — он отвечал и с жизнью тут расстался.

В ком сердце так сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствует оно
И ненависть одну ко всем питает,
Тот всякого своим злодеем почитает.

⟨1821—1823⟩

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мясца — и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой

По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча-судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: караул!

⟨1821—1823⟩

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!»
«Ну, каково, приятель, поживаешь?»
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
И по миру пошел с тех пор».
«Ка́к так? Плохая, кум, игрушка!»
«Да так! О рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошел дать корму лошадям;
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я тож о рождестве пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры калека».
«Пеняйте на себя, друзья! —
Сказал им сват Степан.— Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечою худо;
Да вряд, не хуже ль и впотьмах».

⟨1821—1823⟩

И А Крылов «Ларчик»
Рис А П Сапожникова к изданию 1834 г , часть I

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живешь,
С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
«На счастье грех роптать,— Жужутка отвечает,—
Мой господин во мне души не част;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?»— «Я,— отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос,—
Живу по-прежнему: терплю и холод
И голод,
И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случа́й попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно! —
С насмешкой отвечал Жужу.—
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

⟨1821—1823⟩

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать,
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю.
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же? — продолжает Кошка,—
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! —
С насмешкою она спросила.—
Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье ты вовсе не искусен:
Все без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

⟨1821—1823⟩

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он и́дет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару, кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев:
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев,—
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?»
«О мудрый царь! — Мужик ответствовал,— оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

⟨1821—1823⟩

ЛЕВ СОСТАРЕВШИЙСЯ

Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.
А что всего больней,
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:

То гордый конь его копытом крепким бьет,
То зубом волк рванет,
То острым рогом вол боднет.
Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,
Лишь изъявляя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее:
«О боги! — возопил, стеная, Лев тогда,—
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла,
Все легче, чем терпеть обиды от осла».

⟨1821—1823⟩

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых невзлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! — сказал, насупяся, Медведь,—
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:

Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягняток;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что наконец
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки?
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

⟨1821—1823⟩

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.
На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам —
Они не заперты никак.
«Ахти! — подумают,— бедняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться,—
Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых
И трудно до него добиться:
А то он рад последним поделиться».

Видать случалось часто мне,
Как доступ не легок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
Мироны ж сами в стороне.

⟨1829—1830⟩

ЛЕВ, СЕРНА И ЛИСА

По дебрям гнался Лев за Серной;
Уже ее он настигал
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней сытный, верный.
Спастись, казалось, ей нельзя никак:
Дорогу обоим пересекал овраг;
Но Серна легкая все силы натянула —
Подобно из лука стреле,
Над пропастью она махнула —
И стала супротив на каменной скале.
Мой Лев остановился.
На эту пору друг его вблизи случился:
Друг этот был — Лиса.
«Как! — говорит она,— с твоим проворством, силой
Ужели ты уступишь Серне хилой!
Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, верно, перескочишь.
Поверь же совести и дружбе ты моей:
Не стала бы твоих отваживать я дней,
Когда б не знала
И крепости и легкости твоей».
Тут кровь во Льве вскипела, заиграла:
Он бросился со всех четырех ног;
Однако ж пропасти перескочить не мог:
Стремглав слетел и — до смерти убился
А что ж его сердечный друг?
Он потихохоньку в овраг спустился
И, видя, что уж Льву ни лести, ни услуг
Не надо боле,
Он, на просторе и на воле,
Справлять поминки другу стал,
И в месяц до костей он друга оглодал.

⟨1829—1830⟩

БЕЛКА

У Льва служила Белка.
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан — между тем все время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит перед Львом зубки́ свои сквозь слез.
Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки знай себе щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит — нельзя никак:
На службу Льву ее то кличут, то толкают.
Вот Белка наконец уж стала и стара
И Льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

⟨1829—1830⟩

ЩУКА

На Щуку подан в суд допос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,

Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила,—
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
Так утопить ее в реке».— «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

⟨1829—1830⟩

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
И так себя, казалось, смирно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропáсть не мог —
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слыхал);
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, соком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород,—
Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным все толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну, так, что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок и далек.

⟨1829—1830⟩

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной».— «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он»,— Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана».
«Ну, попытайся ж у Демьяна».
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка».
«Беги ж, вон там живет Трофим».
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягненка!»
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!»
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!»
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил,—
Сказал тут Васька Волку,—
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы,— сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни».

⟨1829—1830⟩

ЛЕЩИ

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде,
Лещи водились.
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось им, катились.
Как вдруг
К ним барин напустить велел с полсотни щук.
«Помилуй! — говорит его, то слыша, друг,—
Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждать от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?»
«Не трать своих речей,—
Боярин отвечал с улыбкою,— все знаю;
Да только ведать я желаю,
С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

⟨1829—1830⟩

ПАСТУХ

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.
«И не диковина,— твердит народ,—
Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поваренок, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи:
Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянет его весь свет;
Обшарили весь лес,— а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то — Савва.

⟨1832⟩

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хоро́м,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая,— спросил тут Дрозд,— нельзя ли
Сказать, что́ делаешь ты здесь?»
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да,— улетая, Дрозд сказал,— то ясно мне,
Что ты бежишь, а все на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как Белка в колесе.

(1832)

ЛИСА

Зимой, ранехонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
А между тем авось и оттепель придет,
Так хвост от проруби оттает.

Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит — и день светает,
Народ шевéлится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец! —
Кричит Лиса.— Спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился —
И в спáсенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост:
Он нáчисто отгрыз ей хвост.
Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

⟨1832⟩

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спáсенье Овец,—
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ,—
Примеры эти не забыты,—
Которые ходили близко стад
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет,

То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор,—
Хоть говорят, Волкам и не спускают,—
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

⟨1832⟩

ДВА МАЛЬЧИКА

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!»
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Хоть, кажется, они и недалеко,
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!»
«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я все придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся —
И досыта каштанов наедимся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног,
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался
И Феде наконец вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть,—
Не перечесть!
Найдется чем и поживиться,
И с другом поделиться.
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них — скорлупки не видали!

⟨1833⟩

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!»
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова».
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни, что твой соловей!»
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,—
Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

⟨1834⟩

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее,— умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,

То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
«Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал
Да все подписывал, что он ни подавал».
«Скорей же в рай его!» — «Как! где же справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! — отвечал Эак,—
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник — был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью,—
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

⟨1834⟩

СОВЕТ ДРУЗЬЯМ

Faut-il être tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir...[1]

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вкруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приближьтесь, сядьте и внемлите
Совету музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь — миг! недолго веселиться,
Недолго нам и в счастье жить!
Недолго — но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:

[1] Можно ль быть столь мимолетным,—
Я сказал бы наслажденью...
(франц.)

Мечта — прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?
Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тению густой
С прекрасной нимфой молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовию одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакх веселой
Густое здесь вино нам льет,
А тут, в одежде тонкой, белой
Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!

Но нет! Бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Губит и радость и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! — и всё со мной!
Но парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною,—
О чем же мне теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,
Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.

⟨1806⟩

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

⟨1807⟩

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный,
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?

Помнишь ли, о друг мой нежной,
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! Ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась — я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
И амуры на часах.
Все в безмолвии глубоком,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

〈1810〉

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени приютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

⟨1810⟩

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой,
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах

Минутны радости вкусила.
Любовь в мечтах златых мне счастие сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!

⟨1810⟩

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарки[1]

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! — и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном севере для сердца нет отрад!

Все смерть похитила, все алчная пожрала —
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!

Все тщетно пред тобой — и власть, и волхованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!

Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье
И все с Лаурою в минуту потерял!

⟨1810⟩

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,

[1] Сонет «Rotta è l'alta colonna e'l verde lauro».

Вкушает сладкий сон взамену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною.

Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов.
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают.
Он счастлив — я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря — пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыбарь, спешишь на брег уединенной!
Там, сети преклонив ко утлой ладие
(Вот все от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы!

Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
В изгнанье горестном утеха дней моих,
О лира, возбуди бряцаньем струн златых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой нощи,
Объятый трепетом, склонился на гранит ..
И надо мною тень Лауры пролетит!

⟨1810⟩

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!
Тезей на берегах Коцита не страдает,—
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.

Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
С ним друг его, Пилад... под лезвием мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
Бессмертный образец героев и друзей!
Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

⟨1811—1812⟩

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новоселье
Смиренно здесь и там
Расставил по углам,
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар!
О лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,

Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях,
И вкруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской

И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвевают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листами,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И все любовью дышит
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
А Лила почивает

На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нéктар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье

Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Стстят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? Ты пред ними,
Парнасский исполин.
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам,
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То Древню Русь и нравы
Владимира времян
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасной,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной

О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О лары и пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И негу, и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от непастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливцы,

Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие — стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы

И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут,—
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листами повилик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых!

⟨1811—1812⟩

К ДАШКОВУ

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали

И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,

Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем,—
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

⟨1813⟩

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод, и берег опустелый,
И на брегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копья водрузили.
Из снега возросли бесчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь младой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

⟨1813⟩

И А Крылов «Кот и Повар»
Рис А П Сапожникова к изданию 1934 г , часть I

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propertius[1]

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум, и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов,—
Все сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И все небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал,— о воин, вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! Ответствуй, милый брат!
Или протекшее все было сон, мечтанье;
Все, все — и бледный труп, могила и обряд,

[1] Души усопших не призрак: не все кончается смертью;
Бледная тень ускользает, скорбный костер победив.
Проперций (лат.).

Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! Пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез — и сон покинул очи.

Все спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казалися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

⟨1814⟩

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давно желанных скал.
Проснулся он: и что ж? отчизны не познал.

⟨1814⟩

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.

В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград,—
Все в неистовой прельщает,
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

⟨1815⟩

ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им Древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастием, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена Фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает

Под говором древес, пустынных птиц и вод,—
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки,—
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастия с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, стоит, дивится и немеет.

〈1815〉

МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.

Хранитель-гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

⟨1815⟩

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно, от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

⟨1815⟩

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май весслый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!

Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приближится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего,
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

⟨1815⟩

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к творцу!
Мужайся, будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый неизменной?

Он! он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

⟨1815⟩

К ДРУГУ

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его; я сердца дань принес
На прах его красноречивой.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненье чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям —
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так все здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвны пребывали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает,—

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом вопросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен:
Ногой надежною ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

〈1815〉

ЭЛЕГИЯ

Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенник небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.

Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю
Под новым бременем печали!
Как странник, брошенный из недра ярых волн,
На берег дикий и кремнистый
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Валы ревущие и молнии змиисты,
Объявшие кругом свинцовый небосклон;
Рукою трепетной он мраки вопрошает,
Ногой скользит над пропастями он,
И ветер буйный развевает
Молений глас его, рыдания и стон...
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последний сердца друг!
Опора сладкая, надежда, утешенье
Средь вечных скорбей и недуг!
Хранитель-ангел мой, оставленный мне богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного... и благости творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль гибели, иль славного венца.
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях:
И в мире, и в войне, во всех земных краях
Твой образ следовал с любовию за мною;
С печальным странником он неразлучен стал.
Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою
И Сейна по цветам льет сребряный кристалл,
Как часто средь толпы и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен,
Я пенье забывал волшебное сирен
И мыслил о тебе лишь в горести сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.

Места прелестные и в дикости своей,
О камни Швеции, пустыни скандинавов,
Обитель древняя и доблестей и нравов!
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальные скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
    Сквозь тонки утренни туманы
На зе́ркальных водах пустынной Троллетаны.
Исполненный всегда единственно тобой,
С какою радостью ступил на брег отчизны!
«Здесь будет,— я сказал,— душе моей покой.
Конец трудам, конец и страннической жизни».
Ах, как обманут я в мечтании моем!
Как снова счастье мне коварно изменило
    В любви и дружестве... во всем,
        Что сердцу сладко льстило.
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствиям конец — печалям никогда!
В твоем присутствии страдания и муки
    Я сердцем новые познал.
    Они ужаснее разлуки,
Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоем молчании, в прерывном разговоре,
    В твоем унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
    Следы сердечного терзанья...

Нет, нет! Мне бремя жизнь! Что в ней без упованья?
        Украсить жребий твой
Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
    В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, слазу, суеты протекшие и горе —
Все, все у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упованья,
Без дружбы, без любви — без идолов моих?..
    И муза, сетуя, без них
    Светильник гасит дарованья.

⟨1815⟩

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронтгейма вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, ярясь, хлестали,
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный, по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полно́чи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —

Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

⟨1816⟩

* * *

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!

⟨1817—1818⟩

* * *

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцелуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал...
Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела
И — слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?»
«Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь».

⟨1817—1818⟩

* * *

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна!
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекраєна!
Вверяйся челноку! плыви!

⟨1817—1818⟩

К ТВОРЦУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал,—
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант не мой удел!
Но я для муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

⟨1818⟩

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Авроpиных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.

⟨1819⟩

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них — не знаю.

⟨1819—1820⟩

* * *

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.

⟨1821⟩

ИЗРЕЧЕНИЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

⟨1821⟩

ПЕРУАНЕЦ К ИСПАНЦУ

Рушитель милой мне отчизны и свободы,
О ты, что, посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных земле пример явил,
Всего священного навек меня лишил!
Доколе, в варварствах не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней!
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? какой закон? Одной рукой природы
Ты сотворен, и я, и всей земли народы.
Но ты сильней меня; а я — за то ль, что слаб,
За то ль, что черен я,— и должен быть твой раб?
Погибни же сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно;
Где слабость есть порок, а сила — все права!
Где поседевшая в злодействах голова
Бессильного гнетет, невинность поражает
И кровь их на себе порфирой прикрывает!

Итак, закон тебе нас мучить право дал?
Почто же у меня он все права отнял?
Почто же сей закон, тираново желанье,
Ему дает и власть и меч на злодеянье,
Меня ж неволит он себя переродить,
И что я человек, велит мне то забыть?
Иль мыслишь ты, злодей, состав мой изнуряя,
Главу мою к земле мученьями склоняя,
Что будут чувствия во мне умерщвлены?
Ах, нет,— тираны лишь одни их лишены!..

Хоть жив на снедь зверей тобою я простру́ся,
Что равен я тебе... Я равен? нет, стыжуся.
Когда с тобой, злодей, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебе подобным быть!
Я дикий человек и простотой несчастный;
Ты просвещен умом, а сердцем тигр ужасный,
Моря и земли рок тебе во власть вручил;
А мне он уголок в пустынях уделил,
Где, в простоте души, пороков я не зная,
Любил жену, детей и, больше не желая,
В свободе и любви я счастье находил.
Ужели сим в тебе я зависть возбудил?
И ты, толпой рабов и громом окруженный,
Не прямо, как герой,— как хищник в ночь презренный
На безоруженных, на спящих нас напал.
Не славы победить, ты злата лишь алкал;
Но, страсть грабителя личиной покрывая,
Лил кровь, нам своего ты бога прославляя;
Лил кровь, и как в зубах твоих свирепых псов
Труп инки трепетал,— на грудах черепов
Лик бога твоего с мечом ты водружаешь
И лик сей кровию невинных окропляешь.

Но что? и кровью ты свирепств не утолил;
Ты ад на свете сем для нас соорудил
И, адскими меня трудами изнуряя,
Желаешь, чтобы я страдал не умирая;
Коль хочет бог сего, немилосерд твой бог!
Свиреп он, как и ты, когда желать возмог
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, детей, свободы и покою —
Всего на свете сем за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который нас, создав, и греет, и питает [1],
И мой унылый дух на месть одушевляет!..

Так, варвар, ты всего лишить меня возмог;
Но права мстить тебе ни ты, ни сам твой бог,
Хоть громом вы себя небесным окружите,
Пока я движуся — меня вы не лишите.
Так, в правом мщении тебя я превзойду;
До самой подлости, коль нужно, низойду;

[1] Перуанцы боготворили солнце.

Яд в помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду все мрачное смертей ужасных царство
И жесточайшую из оных изберу,
Да ею грудь твою злодейску раздеру!

Но, может быть, при мне тот грозный час свершится,
Как братий всех моих страданье отомстится.
Так, некогда придет тот вожделенный час,
Как в сердце каждого раздастся мести глас;
Когда рабы твои, тобою угнетенны,
Узря представшие минуты вожделенны,
На все отважатся, решатся предпринять
С твоею жизнию неволю их скончать.
И не толпы рабов, насильством ополченных,
Или наемников, корыстью возбужденных,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавших мщением за бремя их цепей.
Видал ли тигра ты, горящего от гладу
И сокрушившего железную заграду?
Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цепь влачу в неволе злой,
Я знамя вольности развею пред друзьями;
Сражусь с твоими я крылатыми громами,
По грудам мертвых тел к тебе я притеку
И из души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый раб, наш каждый гневный воин,
Попрет тебя пятой — ты гроба недостоин!
Твой труп в дремучий лес, во глубину пещер,
Рыкая, будет влечь плотоядущий зверь;
Иль, на песке простерт, пред солнцем он истлеет,
И прах, твой гнусный прах, ветр по полю развеет.

Но что я здесь вещал во слепоте моей?..
Я слышу стон жены и плач моих детей:
Они в цепях... а я о вольности мечтаю!..
О братия мои, и ваш я стон внимаю!
Гремят железа их, влачась от вый и рук;
Главы преклонены под игом рабских мук.
Что вижу?.. очи их, как огнь во тме, сверкают;
Они в безмолвии друг на́ друга взирают...
А! се язык их душ, предвестник тех часов,
Когда должна потечь тиранов наших кровь!

1805

К N N

Когда из глубины души моей угрюмой,
Где грусть одна живет в тоске немой,
Проступит мрачная на бледный образ мой
И осенит чело мне черной думой,—
На сумрачный ты вид мой не ропщи:
Мое страдание свое жилище знает;
Оно сойдет опять во глубину души,
Где, нераздельное, безмолвно обитает.

1819

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И все уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает,—
Так все проходит здесь, явление на миг;
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Оне, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? Крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей,
И дух ваш заключат в гробах без упованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! Новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся, в ничтожность погруженный.
Как всемогущий перст цветок животворит!
Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснет человек: у бога мертвых нет!

1819

ВОЕННЫЙ ГИМН ГРЕКОВ

Сочинение Риги

Воспряньте, Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем;
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О тени славные уснувших
Героев, мудрецов!
О геллины веков минувших,
Восстаньте из гробов!
При звуке наших труб летите
Вождями ваших чад;
Вам к славе путь знаком — ведите
На семихолмный град!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О Спарта, Спарта, мать героев!
Что рабским сном ты спишь?
Афин союзница, услышь
Клич мстительных их строев!
В ряды! и в песнях призовем
Героя Леонида,
Пред кем могучая Персида
Упала в прах челом.
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

Воспомним, братья, Фермопилы
И за свободу бой!
С трехстами храбрых — персов силы
Один сдержал герой;
И в битве, где пример любови
К отчизне — вечный дал,
Как лев он гордый — в волны крови
Им жертв раздранных пал!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

1821

А. С. ПУШКИНУ

ПО ПРОЧТЕНИИ СКАЗКИ ЕГО О ЦАРЕ САЛТАНЕ И ПРОЧ.

Пушкин, Протей
Гибким твоим языком и волшéбством твоих песнопений!
Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной соловей!
Байрона гений иль Гете, Шекспира —
Гений их неба, их нравов, их стран:
Ты же, постигнувший таинство русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский Баян!
Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец *несравненный*.

1832

ДУМА

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою;
В путь жизни пошел одинок;
Прошел одинок его — тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоли,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок;
Печален мой жребий, удел мой жесток!

1832

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ,
НАПИСАННАЯ ВО ВРЕМЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ К СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром;
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы́, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.
Идут, сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

В крови омоченны знамена
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут, влекомы жаждой дани,—
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов божьих лепоту!
Идут — и след их пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,

Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь — где узы плена,
Иль смерть — где росские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны:
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружью, дети тишины!
Теперь, сей час же мы, о други!
Скуем в мечи серпы и плуги:
На бой теперь — иль никогда!
Замедлим час — и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно:
Для всех равно близка беда!

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга
И матерь в бой — своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь!

1812

ПЛАЧ ПЛЕНЕННЫХ ИУДЕЕВ

На реках вавилонских тамо
седохом и плакахом, внегда
помянути нам Сиона.

Псалом 136

Когда, влекомы в плен, мы стали
От стен сионских далеки,
Мы слез ручьи не раз мешали
С волнами чуждыя реки.

В печали, молча, мы грустили
Всё по тебе, святой Сион;
Надежды редко нам светили,
И те надежды были — сон!

Замолкли вещие орга́ны,
Затих веселый наш тимпан.
Напрасно нам гласят тираны:
«Воспойте песнь сионских стран!»

Сиона песни — глас свободы!
Те песни слава нам дала!
В них тайны мы поем природы
И бога дивного дела!

Немей, орга́н наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!

Увы, неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

⟨1822⟩

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам
сладок и приятен!
Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала.
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипучи воды.

Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой.
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной:
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

⟨1825⟩

ЖАТВА

Густая рожь стоит стеной!
Леса вкруг нивы, как карнизы,
И всё окинул ветер сизый
Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосья
Младых косцов и сельских жниц;
Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь златого лета,
Небесным кормится огнем,

И жадно пьет разливы света,
И зреет, утопая в нем...
Так горний пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

〈1826〉

* * *

Из шелку и мочал шнур нашей жизни вьется:
Кто плакал поутру, тот к вечеру смеется.

〈1826〉

ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу,— такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж при́дет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате
Все ту же песню запевал!..

<1826>

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка-Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря?..*

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?!*

Ты не гнула крепкой, выи
В бедовой своей судьбе,
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

⟨1840⟩

В ЗАЩИТУ ПОЭТА

Два *я* боролися во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги
С самим собой, в себе самом.
Несправедливо мыслят, нет!
И порицают лиры сына
За то, что будто *гражданина*
Условий не снесет поэт...

Пусть не по нем и мир наш внешний,
Пусть, по мечтам, он и *нездешний*,
А где-то всей душой гостит;
Зато, вскипевши в час досужный,
Он стих к стиху придвинет дружный,
И брызнет рифмою жемчужной,
И высоко заговорит!..
И говор рифмы музыкальной
Из края в край промчится дальный,
Могучих рек по берегам
От хижин мирных к городам,
В дома вельмож... И под палаткой,
В походном часто шалаше,
Летучий стих, мелькнув украдкой,
С своею музыкою сладкой
Печалью ляжет на душе.
И в дни борьбы, и сеч, и шума
Отрадно-радужная дума
Завьется у младых бойцов,
По свежим лаврам их венцов.
И легче станет с жизнью битва
И труд страдальца под крестом,
Когда холодная молитва
Зажжется пламенным стихом!
Не говори: «Поэт спокойным
И праздным гостем здесь живет!»
Он буквам мертвым и нестройным
И жизнь, и мысль, и строй дает...

⟨1846⟩

ГРУСТЬ НА КОРАБЛЕ

Ветр нам противен, и якорь тяжелый
Ко́ дну морскому корабль приковал.
Грустно мне, грустно, тоскую день целый;
Знать, невеселый денек мне настал.

Скоро минуло отрадное время;
Смерть все пресе́кла, наш не́званый гость;
Пала на сердце кручина, как бремя:
Может ли буре противиться трость?

С жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милых не видел в глаза.
Рано с утра поднялась непогода:
Смолкни хоть к полдню, лихая гроза!

Что ж? может, сча́стливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде;
Чур, ретивое, себя не убей.

1814

ПЕВЕЦ

Из Гете

В стольном Киеве великом
Князь Владимир пировал;
Окружен блестящим ликом,
В светлой гридне заседал.

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г
Акварель К И Кольмана
1830-е годы
Государственный Исторический музей Москва

Всех бояр своих премудрых,
Всех красавиц лепокудрых,
Сильных всех богатырей
Звал он к трапезе своей.

За дубовый стол саха́рных
Сорок яств принесены;
Меду сладкого янтарных
Сорок чаш опразднены —
Всех живит веселье ново;
Изронил златое слово
Князь к гостям: «Пошлем гонца,—
Грустен пир, где нет певца».

Молвил князь; гонец поспешный
Скоро в путь, скорей — назад,
И певец на пир утешный,
Вдохновенный с ним Услад.
Вещий перст живые струны
Всколебал; гремят перуны;
Зверем рыщет он в леса,
Вьется птицей в небеса.

Бодры юноши внимали,
Быстрый взор в певца вперя;
Девы красные вздыхали,
Робким оком долу зря.
Князь, чудясь искусству дивну,
Повелел златую гривну
С цепью бисерной принесть —
Песней сладких в мзду и честь.

«Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в наряде сем богатом
В брань текут богатыри;
Им бояр укрась почтенных,
Власти бременем стягченных;
Воин — меч, а судия —
Щит державы твоея.

Я пою, как птица в поле,
Оживленная весной;
Я пою: чего мне боле?
Песнь от сердца — дар драгой.

Если ж хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу,—
Пусть почтит меня княжна
Кубком светлого вина».

Налит кубок: «Будьте здравы,
Гости честные, всегда;
Обо мне во дни забавы
Вспомяните иногда.
Дом ваш полон всем, и сами
Вы любимы небесами:
Благодарны ж будьте им,
Сколько гость ваш вам самим».

1814

УБИЙЦА

В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терём высокий,
Беленая труба.

Ни в чем не скуден дом богатый:
Ни в хлебе, ни в вине,
Ни в мягкой рухляди камчатой,
Ни в золотой казне.

Хозяин, староста окру́га,
Родился сиротой,
Без рода, племени и друга,
С одною нищетой.

И с нею век бы жил детина,
Но сжалился мужик:
Взял в дом и как родного сына
Взрастил его старик.

Большая чрез село дорога;
Он постоялый двор
Держал, и с помощию бога
Нажив его был скор.

Но как от злых людей спастися?
Убогим быть — беда;
Богатым — пуще берегися
И горшего вреда.

Купцы приехали к ночлегу
Однажды ввечеру
И рано в путь впрягли телегу
Назавтра поутру.

Недолго спорили о плате,
И со двора долой;
А сам хозяин на полате
Удавлен той порой.

Тревога в доме; с понятыми
Настигли и нашли:
Они с пожитками своими
Хозяйские свезли.

Нет слова молвить в оправданье,
И уголовный суд
В Сибирь сослал их в наказанье,
В работу медных руд.

А старика меж тем с моленьем
Предав навек земле,
Приемыш получил с именьем
Чин старосты в селе.

Но что чины, что деньги, слава,
Когда болит душа?
Тогда ни почесть, ни забава,
Ни жизнь не хороша.

Так из последней бьется силы
Почти он десять лет;
Ни дети, ни жена не милы,
Постыл весь белый свет.

Один в лесу день целый бродит,
От встречного бежит,
Глаз напролет всю ночь не сводит
И все в окно глядит.

Особенно когда день жаркий
Потухнет в ясну ночь
И светит в небе месяц яркий,—
Он ни на миг не прочь.

Все спят; но он один садится
К косящету окну.
То засмеется, то смутится
И смотрит на луну.

Жена приметила повадки,
И страшен муж ей стал,
И не поймет она загадки
И просит, чтоб сказал.

«Хозяин! что не спишь ты ночи?
Иль ночь тебе долга?
И что на месяц пялишь очи,
Как будто на врага?»

«Молчи, жена, не бабье дело
Все мужни тайны знать:
Скажи тебе — считай уж смело,
Не стерпишь не сболтать».

«Ах, нет! вот бог тебе свидетель,
Не молвлю ни словца;
Лишь всё скажи, мой благодетель,
С начала до конца».

«Будь так — скажу во что б ни стало.
Ты помнишь старика;
Хоть на кущов сомненье пало,
Я с рук сбыл дурака».

«Как ты!» — «Да так: то было летом,
Вот помню, как теперь.
Неза́долго перед рассветом;
Стояла настежь дверь.

Вошел я в и́збу, на полате
Спал старый крепким сном;
Надел уж пе́тлю, да некстати
Тронул его узлом.

Проснулся, черт, и видит: худо!
Нет в доме ни души.
«Убить меня тебе не чудо,
Пожалуй, задуши.

Но помни слово: не обидит
Без казни ввек злодей;
Есть там свидетель, он увидит,
Когда здесь нет людей».

Сказал — и указал в окошко.
Со всех я дернул сил,
Сам испугавшися немножко,
Что кем он мне грозил,—

Взглянул, а месяц тут проклятый
И смотрит на меня.
И не устанет; а десятый
Уж год с того ведь дня.

Да полно, что! гляди, плешивый!
Не побоюсь тебя;
Ты, видно, сроду молчаливый:
Так знай же про себя».

Тут староста на месяц снова
С усмешкою взглянул;
Потом, не говоря ни слова,
Улегся и заснул.

Не спит жена: ей страх и совесть
Покоя не дают.
Судьям доносит страшну повесть,
И за убийцей шлют.

В речах он сбился от боязни,
Его опутал бог,
И, не стерпевши тяжкой казни,
Под нею он издох.

Казнь божья вслед злодею рыщет;
Обманет пусть людей,
Но виноватого бог сыщет —
Вот песни склад моей.

1815

* * *

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами,—
Вот клятва каждого из нас...

⟨1816—1820(?)⟩

А. С. ПУШКИНУ
ПРИ ПОСЫЛКЕ «СТАРОЙ БЫЛИ»

Вот старая, мой милый, быль,
А может быть, и небылица;
Сквозь мрак веков и хартий пыль
Как распознать? Дела и лица —
Все так темно, пестро, что сам,
Сам наш историограф почтенный,
Прославленный, пренагражденный,
Едва ль не сбился там и сям.
Но верно, что с большим стараньем,
Старинным убежден преданьем,
Один ученый наш искал
Подарков, что певцам в награду
Владимир щедрый раздавал;
И, вообрази его досаду,
Ведь не нашел. Конь, верно, пал;
О славных латах слух пропал:
Французы ль, как пришли к Царьграду
(Они ведь шли в Ерусалим
За гроб Христов, святым походом,
Да сбились, и случилось им
Царьград разграбить мимоходом),
Французы ли, скажу опять,
Изволили в числе трофеев
Их у наследников отнять
Да, по обычаю злодеев,
В парижский свой музеум взять;

Иль время, лет трудившись двести,
Подъело ржавчиной булат,
Но только не дошло к нам вести
Об участи несчастных лат.
Лишь кубок, говорят, остался
Один в живых из всех наград;
Из рук он в руки попадался,
И даже часто невпопад,
Гулял, бродил по белу свету;
Но к настоящему поэту
Пришел, однако, на житье.
Ты с ним, счастливец, поживаешь,
В него ты через край вливаешь
Свое волшебное питье,
В котором Вакха лоз огнистых
Румяный, сочный, вкусный плод
Раство́рен свежестию чистых,
Живительных Кастальских вод.

Когда, за скуку в утешенье,
Неугомонною судьбой
Дано мне будет позволенье,
Мой друг, увидеться с тобой,—
Из кубка, сделай одолженье,
Меня питьем своим напой;
Но не облей неосторожно:
Он, я слыхал, заворожен,
И смело пить тому лишь можно,
Кто сыном Фебовым рожден.
Невинным опытом сначала
Узнай — правдив ли этот слух:
Младых романтиков хоть двух
Проси отведать из бокала;
И если, капли не пролив,
Напьются милые свободно,
Тогда и слух, конечно, лжив,
И можно пить кому угодно;
Но если, боже сохрани,
Замочат пазуху они,—
Тогда и я желанье кину,
В урок поставлю их беду
И вслед Ринальду-паладину
Благоразумием пойду:
Надеждой ослеплен пустою,

Опасным не прельщусь питьем
И, в дело не входя с судьбою,
Останусь лучше при своем;
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь
И тихую беседу нашу
Бейронским пеньем огласишь.

1828

СОНЕТ

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто, тёрновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы,—
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

К ВРЕМЕНЩИКУ

Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем, с низкими страстьми и подлою душой,
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова

Родившись, сограждáн спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положенье,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленье.
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

⟨1820⟩

НА СМЕРТЬ БЕЙРОНА

О чем средь ужасов войны
Тоска и траур погребальный?
Куда бегут на зов печальный
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб средь храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вкруг его кипит
Толпа шумящего народа;
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит,
Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,
Как будто йдут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Бейрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобратит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные армады,
Возникнет новый Карфаген...
Но сердца подвиг благородный
Пребудет для души младой
В могиле Бейрона святой
Всегда звездою путеводной.

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет
И гордым внукам гордо скажет:
«Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,
Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он все под солнцем разгадал;
К гоненьям рока равнодушен,
Он гению лишь был послушен,
Властей других не признавал.
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила.

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой,—
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе грек:
«Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады».

⟨1824⟩

* * *

Я ль буду в роковое время
Позорить Гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

⟨1824⟩

СТАНСЫ

К А. Б<ЕСТУЖЕ>ВУ

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

<1824>

<ПОСВЯЩЕНЬЕ А. А. БЕСТУЖЕВУ ИЗ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»>

Как странник грустный, одинокий,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистной
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне;

Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

⟨1824⟩

* * *

Заплатимте тому презрением холодным,
Кто хладен может быть к страданиям народным,
Старайтесь разгадать цель жизни человека,
Постичь дух времени и назначенье века.

⟨1824 или 1825⟩

К N N

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я незнаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христиáнин и не раб,
Прощать обид я не умею,

Мне не любовь твоя нужна,
Занятья ждут меня иные:
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

⟨1824 или 1825⟩ —

БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил;
Но от того́, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь *порой теснится целый свет*,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует — не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом,
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

1825

СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Под словом «Сибирь» разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум *был принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных висельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири.

Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы

представляют сего казака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим; он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею.

В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото спа
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613 г.) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги.—
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок.—
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.

За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите,— не бойтесь!» — «Ну то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!—
Вошед, проворчал так сармат молодой.—
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за по́лночь!.. Сном крепким объяты.
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».

«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою, и с матерью хилой?»
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали,— что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят, не шелохнясь, и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за́ другом и́дут в молчанье сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели ветвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели,
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захолустье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал.—

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев,—
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали —
И сабли над старцем, свистя, засверкали.—
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

1822

ЧЕРЕП

Was grinsest du mir, hohler Schädel, her?
Als dass dein Hirn, wie meines, einst verwirret
Den leichten Tag gesucht und in der Dämmrung schwer,
Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.

Goethe's «Faust» [1]

Кончины памятник безгробной!
Скиталец-череп, возвести:
В отраду ль сердцу ты повержен на пути
Или уму загадкой злобной?

Не ты ли — мост, не ты ли — первый след
По океану правды зыбкой?
Привет ли мне иль горестный завет
Мерцает под твоей ужасною улыбкой?

Где утаен твой заповедный ключ,
Замок бессмертных дум и тленья?
В тебе угас ответный луч,
Окрест меня туман сомненья.

[1] Что скалишь зубы на меня, пустой череп? Не хочешь ли сказать, что некогда твой мозг, подобно моему, в смятении искал радостных дней и в тяжких сумерках, жадно стремясь к истине, печально заблуждался? «*Фауст*» *Гете (нем.).— Ред.*

Ты жизнию кипел, как праздничный фиал,
Теперь лежишь разбитой урной;
Венок мышления увял,
И прах ума развеял вихорь бурный!

Здесь думы в творческой тиши
Роилися, как звезды в поднебесной.
И молния страстей сверкала из души
И радуга фантазии прелестной.

Здесь нежный слух вкушал воздушный пир,
Восхи́щен звуков стройным хором;
Здесь отражался пышный мир,
Бездонным поглощенный взором.

Где ж знак твоих божественных страстей,
И сил, и замыслов, грань мира облетевших?
Здесь только след презрительных червей,
Храм запустения презревших!

Где ж доблести? Отдай мне гроба дань,
Познаний светлых темный вестник!
Ты ль бытия таинственная грань?
Иль дух мой — вечности ровесник?

Молчишь! Но мысль, как вдохновенный сон,
Летает над своей покинутой отчизной,
И путник, в грустное мечтанье погружен,
Дарит тебя земле мирительною тризной.

⟨1828⟩

РАЗЛУКА

О дева, дева,
Звучит труба!
Румянцем гнева
Горит судьба!
Уж сердце к бою
Замкнула сталь,
Передо мною
Разлуки даль.
Но всюду, всюду,

Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли;
И вечно, вечно —
Клянусь, сулю!—
Моей сердечной
Не разлюблю.
Ни день истомы,
И страх, и месть,
Ни битвы громы,
Ни славы лесть,
Ни кубок пенной,
Ни шумный хор,
Ни девы пленной
Манящий взор...
. . . . . .

1829

ОЖИВЛЕНИЕ

Чуть крылатая весна
Радостью повеет,
Оживает старина,
Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
Осеняя вежды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

⟨1829⟩

ОСЕНЬ

Пал туман на море синее,
Листопада первенéц,
И горит в алмазах инея
Гор безлиственный венец.

Тяжко ходят волны хладные,
Буйно ветр шумит крылом.
Только вьются чайки жадные
На помории пустом.

Только блещет за туманами,
Как созвездие морей,
Над сыпучими полянами
Стая поздних лебедей.

Только с хищностью упорною
Их медлительный отлет
Над твердынею подзорною
Дикий беркут стережет.

Все безжизненно, безрадостно
В померкающей дали,
Но страдальцу как-то сладостно
Увядание земли.

Как осеннее дыхание
Красоту с ее чела,
Так с души моей сияние
Длань судьбины сорвала.

В полдень сумраки вечерние —
Взору томному покой,
Общей грустью тупит терние
Память родины святой!

Вей же песней усыпительной,
Перелетная метель,
Хлад забвения мирительный,
Сердца тлеющего цель!

Между мною и любимого
Безнадежное «прости!»,
Не призвать невозвратимого,
Дважды сердцу не цвести.

Хоть порой улыбка нежная
Озарит мои черты,
Это — радуга наснежная
На могильные цветы!

⟨1831⟩

* * *

Я за морем синим, за синею далью
Сердце свое схоронил.
Я тоской о былом, ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь от людей заградил.

И крепок мой сон. Не разбит, не расколот
Щит мой. Но во мраке ночей
Мнится порой, расступился мой холод,
И снова я ожил, и снова я молод
Взглядом прелестных очей.

1834

<АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ А. БЕСТУЖЕВА И К. РЫЛЕЕВА>

* * *

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!

Где читают Pucelle
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

⟨1823(?)⟩

* * *

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

⟨1823(?)⟩

* * *

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ,
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все про все давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорил нас вконец.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой-ой-ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

⟨1823(?)⟩

К ПУШКИНУ И ДЕЛЬВИГУ

Из Царского Села

Нагнулись надо мной родимых вязов своды,
Прохлада тихая развесистых берез!
Здесь нам знакомый луг; вот роща, вот утес,
На верх которого, сыны младой свободы,
Питомцы, баловни и Феба и Природы,
Бывало, мы рвались сквозь густоту древес
И слабым ровный путь с презреньем оставляли!
О, время сладкое, где я не знал печали!
Ужель навеки мир души моей исчез
И бросили меня воздушные мечтанья?
Я радость нахожу в одном воспоминанье,
Глаза полны невольных слез!
Увы, они прошли, мои весенни годы!
Но — не хочу тужить: я снова, снова здесь!
Стою над озером, и зе́ркальные воды
Мне кажут холм, лесок, и мост, и берег весь,
И чистую лазурь безоблачных небес!
Здесь часто я сидел в полу́ночном мерцанье,
И надо мной луна катилася в молчанье!
Здесь мирные места, где возвыше́нных муз,
Небесный пламень их и радости святые,
Порыв к великому, любовь к добру впервые
Узнали мы и где наш тройственный союз,
Союз младых певцов, и чистый и священный,
Волшебным навыком, судьбою заключенный,
Был дружбой утвержден!

Чита Острог
Акварель Н А. Бестужева Фрагмент
1820—1830-е годы
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Ленинград

И будет он для нас до гроба незабвенен!
Ни радость, ни страданье,
Ни нега, ни корысть, ни почестей исканье —
Ничто души моей от вас не удалит!
И в песнях сладостных, и в славе состязанье
Друзей-соперников тесней соединит!
Зачем же нет вас здесь, избранники харит?
Тебя, о Дельвиг мой, поэт, мудрец ленивый,
Беспечный и в своей беспечности счастливый?
Тебя, мой огненный, чувствительный певец
Любви и доброго Руслана,
Тебя, на чьем челе предвижу я венец
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?
О други! почему не с вами я брожу?
Зачем не говорю, не спорю здесь я с вами,
Не с вами с башни сей на пышный сад гляжу?
Или, сплетясь руками,
Зачем не вместе мы внимаем шуму вод,
Биющих искрами и пеною о камень?
Не вместе смотрим здесь на солнечный восход,
На потухающий на крае неба пламень?
Мне здесь и с вами все явилось бы мечтой,
Несвязным, смутным сновиденьем,
Все, все, что встретил я, простясь с уединеньем,
Все, что мне ясность, и покой,
И тишину души младенческой отъяло
И сердце мне так больно растерзало!
При вас, товарищи, моя утихнет кровь,
И я в родной стране забуду на мгновенье
Заботы, и тоску, и скуку, и волненье,
Забуду, может быть, и самую любовь!

1818

ГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Века шагают к славной цели —
Я вижу их,— они идут!
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О, радость! грянул час, веселый час свободы!

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!
Услышь, судьба, мои молитвы —
Пошли и мне, пошли минуту первой битвы!

И пусть я первою стрелою
Сражен, всю кровь свою пролью,—
Счастлив, кто с жизнью молодою
Простился в пламенном бою,
Кто убежал от уз и скуки
И славу мог купить за миг короткой муки.

Ничто, ничто не утопает
В реке катящихся веков —
Душа героев вылетает
Из позабытых их гробов,
И наполняет бардов струны,
И на тиранов шлет народные перуны.

1821

К АХА́ТЕСУ

Аха́тес, Аха́тес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг,— полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам!

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой —
И если паду я, паду как герой.

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышенных сердцах;
Эллада бросает оковы во прах!
Ахáтес! нас предки зовут,—
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы прéзрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат,
В тот сумрачный, пламенный пир:
«Что любим свободу», поверит нам мир!

1821

ТЕНЬ РЫЛЕЕВА

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы —
Во тьме, на узничном одре, лежал
Певец, поклонник пламенный свободы.
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастия искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые —
Не позлатить железных вам оков!
Тогда (то не был сон) во мрак темницы
Небесное видение сошло —
Раздался звук торжественной цевницы —
Испуганный певец подъял чело:
На облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.

«Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,

Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью —
И ты, я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье —
Поверь, не жертвовал ты снам:
Надеждам будет исполненье!»
Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы —
Воздвиг певец восторженные взоры —
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой.

1827

<ИЗ ПОЭМЫ «ДАВИД»>

Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Наводит скорбь чужой страны река,
Душа рыдает от ее журчанья,
И брег уныл, и влага не сладка:
В изгнаннике безмолвном и печальном
Туземцу непостижная тоска;
Он там оставил сердце в крае дальном,
Там для него все живо, все цветет;
А здесь... не все ли в крове погребальном,
Не все ли вянет здесь, не все ли мрет?
Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Изгнанник иго тяжкое несет.

<1829>

КЛЕН

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь ка́мней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою —
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне — поговорю с тобою
О милой сердцу стороне;

О времени, когда, подобно птице,
Жилище вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с брегов смиренной Авиноры,
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно вдаль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья,—
И покачали головой!

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицалось ими мне.
Не ты ль последний в мраке заточенья
Мой друг в угрюмой сей стране?

1832

МОРЕ СНА

Мне ведомо море, седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман.
Над ним лучезарный не катится щит;
Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
Его не боится отважный пловец;
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шепот и сладостный плеск,

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге — будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон мне милые лица глядят
И речи приветные слух веселят.

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь! удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

По-прежнему льется живой разговор;
По-прежнему светится дружеский взор...
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив —
И слышится мне неотрадный призыв...
Развеялось все — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня.

1832

РОДСТВО СО СТИХИЯМИ

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,
Когда завывает и ломится лес,—
Я так бы и ринулся в волны небес.

Доне́льзя постыли мне тина и прах;
Мне там в золотых погулять бы порах;
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Все дале и дале и путь бы простер
Я в бездну, туда, за сафирный шатер!
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил!

1834

19 ОКТЯБРЯ

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет.

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она того меня лишает дара,
С которым дух мой неразрывно слит.
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!
Теперь пора! Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.

Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?

1838

УЧАСТЬ РУССКИХ ПОЭТОВ

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму.
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

1845

БАЛ

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся,
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился,
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза — весь содрогнулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали.

Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

* * *

Что мы, о боже? В дом небесный,
Где сын твой ждет земных гостей,
Ты нас ведешь дорогой тесной,
Путем томительных скорбей,
Сквозь огнь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание твое;
Но для чего, о бесконечный!
Вложил ты мысль разлуки вечной
В *одноночно́е* бытие?

⟨1826(?)⟩

СОН ПОЭТА

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках;
И песнь, незнаемую в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народный,
Но — не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца.
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

⟨1826—1827⟩

ТРИЗНА

Ф. Ф. Вадковскому

Утихнул бой Гафурский. По волнам
Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
Убитым в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священный,
И, мрачные, воссели пред холмом,
И внемлют арфе вдохновенной:

СКАЛЬД

Утешьтесь о павших! Они в облаках
Пьют юных Валкирий живые лобзанья.
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветают преданья.
Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенник жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

1828

* * *

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

⟨1828—1829(?)⟩

* * *

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней?—
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Дикие кони стреножены,
Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
Видят Русь во сне.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Шепчут деревья над юртами,
Стража окликает страж,—
Вещий голос сонным слышится
С родины святой.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Зыблется, светом объятая,
Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения,
Под навесом юрт.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Спите, равнины угрюмые!
Вы забыли, как поют.
Пробудитесь! Песни вольные
Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь.

1830

СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударяя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь, но чувства живые
В диком напеве блещут красой.

Кто же напевы чехинь услышит,
Звучные песни сладостных дев,—
Дышит любовью, славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.
Девы! согласно что́ не поете
Песни святой минувших времен,
В голос единый что́ не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ. СТАРШАЯ ДЕВА

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана,—
Славой гремит, но грустно поет.
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле!
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши с меньшими сестрами,
И хоровод веди за собой!
Дружно сплетая руки с руками,
Сладкую песнь с ними запой!

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как день, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

⟨1830(?)⟩

* * *

Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит — еще мы живы!

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны,—
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите! на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их!.. Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний.

Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огнь во глубине сердец,
Пять жертв встают пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог!.. А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

1831

* * *

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их!.. Как я, ты жал им руку
И передал мне дружный разговор,
Душе моей знакомый с давних пор.
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их вдаль... Лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

1836

* * *

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Не тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем,
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомных прах разбросит по ущельям.

1837

УСТАВ СТОЛОВОЙ

Подражание Панару

В столовой нет отлик местам.
Как повар твой ни будь искусен,
Когда сажаешь по чинам,
Обед твой лакомый невкусен.
Равно что верх стола, что низ,
Нет старшинства у гастронома:
Куда попал, тут и садись,
Я и в гостях хочу быть дома.

Простор локтям: от тесноты
Не рад и лучшему я блюду;
Чем дале был от красоты,
Тем ближе к ней я после буду.
К чему огромный ряд прикрас
И блюда расставлять узором?
За стол сажусь я не для глаз
И сыт желаю быть не взором.

Спаси нас, боже, за столом
От хлопотливого соседа:
Он потчеваньем, как ножом,
Пристанет к горлу в час обеда.
Не в пору друг тошней врага!
Пусть каждый о себе хлопочет,
И сам свой барин и слуга:
По воле пьет и ест, как хочет.

Мне жалок пьяница-хвастун,
Который пьет не для забавы:
Какой он чести ждет, шалун?
Одно бесславье пить из славы.
На ум и взоры ляжет тьма,
Когда напьешься без оглядки,—
Вино пусть нам придаст ума,
А не мутит его остатки.

Веселью будет череда;
Но пусть и в самом упоенье
Рассудка легкая узда
Дает веселью направленье.
Порядок есть душа всего!
Бог пиршеств по уставу правит;
Толстой, верховный жрец его,
На путь нас истинный наставит:

Гостеприимство — без чинов,
Разнообразность — в разговорах,
В рассказах — бережливость слов,
Холоднокровье — в жарких спорах,
Без умничанья — простота,
Веселость — дух свободы трезвой,
Без едкой желчи — острота,
Без шутовства — соль шутки резвой.

1817

ПРОЩАНИЕ С ХАЛАТОМ

Прости, халат! товарищ неги праздной,
Досугов друг, свидетель тайных дум!
С тобою знал я мир однообразный,
Но тихий мир, где света блеск и шум
Мне в забытье не приходил на ум.
Искусства жить недоученный школьник,
На поприще обычаев и мод,
Где прихоть-царь тиранит свой народ,
Кто не вилял? В гостиной я невольник,
В углу своем себе я господин,
Свой меря рост не на чужой аршин.
Как жалкий раб, платящий дань злодею,
И день и ночь, в неволе изнурясь,

Вкушает рай, от уз освободясь;
Так, сдернув с плеч гостиную ливрею
И с ней ярмо взыскательной тщеты,
Я оживал, когда, одет халатом,
Мирился вновь с покинутым Пенатом.
С тобой меня чуждались суеты,
Ласкали сны и нянчили мечты.
У камелька, где яркою струею
Алел огонь, вечернею порою,
Задумчивость, красноречивый друг,
Живила сон моей глубокой лени.
Минувшего проспувшиеся тени
В прозрачной тьме толпилися вокруг;
Иль в будущем, мечтаньем окрилепный,
Я рассекал безвестности туман,
Сближая даль, жил в жизни отдаленной
И, с истиной перемешав обман,
Живописал воздушных замков план.
Как я в твоем уступчивом уборе
В движеньях был портного не рабом,
Так мысль моя носилась на просторе
С надеждою и памятью втроем.
В счастливы дни удачных вдохновений,
Когда легко, без ведома труда,
Стих под перо ложился завсегда
И рифма, враг невинных наслаждений,
Хлыстовых бич, была ко мне добра;
Как часто, встав с Морфеева одра,
Шел прямо я к столу, где муза с лаской
Ждала меня с посланьем или сказкой,
И вымыслом, нашептанным вчера.
Домашний мой наряд ей был по нраву:
Прием ее, чужд светскому уставу,
Благоволил небрежности моей.
Стих вылетал свободней и простей;
Писал шутя, и в шутке легкокрылой
Работы след улыбки не пугал.
Как жалок мне любовник муз постылый,
Который нег халата не вкушал!
Поклонник мод, как куколка одетый
И чопорным восторгом подогретый,
В свой кабинет он входит, как на бал.
Его цветы — румяны и белила,
И, обмакнув в душистые чернила

Перо свое, малюет мадригал.
Пусть грация жеманная в уборной
Дарит его улыбкою притворной
За то, что он выказывал в стихах
Слог расписной и музу в завитках;
Но мне пример: бессмертный сей неряха —
Анакреон, друг красоты и Вакха,
Поверьте мне, в халате пил и пел;
Муз баловень, харитами изнежен,
И к одному веселию прилежен,
Играя, он бессмертие задел.
Не льщусь его причастником быть славы,
Но в лени я ему не уступлю:
Как он, люблю беспечности забавы,
Как он, досуг и тихий сон люблю.
Но скоро след их у меня простынет:
Забот лихих меня обступит строй,
И ты, халат! товарищ лучший мой,
Прости! тебя неверный друг покинет.
Теснясь в рядах прислуженцев властей,
Иду тропой заманчивых сетей.
Что ждет меня в пути, где под туманом
Свет истины не различишь с обманом?
Куда слепец, неопытный слепец,
Я набреду? где странствию конец?
Как покажусь я перед трон мишурный
Владычицы, из своенравной урны
Кидающей подкупленной рукой
Дары свои на богомольный рой,
Толпящийся с кадилами пред нею?
Заветов я ее не разумею,—
Притворства чужд и принужденья враг,
От юных дней ценитель тихих благ.
В неловкости, пред записным проворством
Искусников, воспитанных притворством,
Изобличит меня мой каждый шаг.
И повичок еще в науке гибкой:
Всем быть подчас и вместе быть ничем,
И шею гнуть с запасною улыбкой
Под золотой, но тягостный ярем;
На поприще, где беспрестанной сшибкой
Волнуются противников ряды,
Оставлю я на торжество вражды,
Быть может, след моей отваги тщетной

И неудач постыдные следы.
О мой халат, как в старину приветный!
Прими тогда в объятия меня,
В тебе найду себе отраду я.
Прими меня с досугами, мечтами,
Венчавшими весну мою цветами.
Сокровище благ прежних возврати;
Дай радость мне, уединясь с тобою,
В тиши страстей, с спокойною душою,
И, не краснев пред тайным судиею,
Бывалого себя в себе найти.
Согрей во мне в холодном принужденье
Остывший жар к благодеяньям муз,
И гений мой, освободясь от уз,
Уснувшее разбудит вдохновенье.
Пусть прежней вновь я жизнью оживу,
И, сладких снов в волшебном упоенье
Переродясь, пусть обрету забвенье
Всего того, что видел наяву.

1817

ПЕРВЫЙ СНЕГ

В 1817 году

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб

Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сóсне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой,—
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!

Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылию окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

1819

НЕГОДОВАНИЕ

К чему мне вымыслы? к чему мечтанья мне
И нектар сладких упоений?
Я раннее прости сказал младой весне,
Весне надежд и заблуждений!
Не осушив его, фиал волшебств разбил;
При первых встречах жизнь в обманах обличил
И призраки принес в дань истине угрюмой;
Очарованья цвет в руках моих поблек,
И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венок.
Но, льстивых лжебогов разоблачив кумиры,
Я правде посвятил свой пламенный восторг;
Не раз из непреклонной лиры
Он голос мужества исторг.
Мой Аполлон — негодованье!
При пламени его с свободных уст моих
Падет бесчестное молчанье
И загорится смелый стих.
Негодование! огонь животворящий!
Зародыш лучшего, что я в себе храню,
Встревоженный тобой, от сна встаю
И, благородною отвагою кипящий,
В волненье бодром познаю
Могущество души и цепу бытию.
Всех помыслов моих виновник и свидетель,
Ты от немой меня бесчувственности спас;
В молчанье всех страстей меня твой будит глас:
Ты мне и жизнь и добродетель!
Поклонник истины в лета,
Когда мечты еще приятны,—
Взывали к ней мольбой и сердце и уста,
Но ветер разносил мой глас, толпе невнятный.
Под знаменем ее владычествует ложь;
Насильством прихоти потоптаны уставы;
С ругательным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство председит в собрании вельмож.
Отцов народов зрел господствующих страхом,
Советницей владык — губительную лесть;
Печальную главу посыпав скорбным прахом,
Я зрел: изгнанницей поруганную честь,
Доступным торжищем — святыню правосудья,
Служенье истине — коварства торжеством,

Законы, правоты священные орудья,
Щитом могучему и слабому ярмом.
Зрел промышляющих спасительным глаголом,
Ханжей, торгующих учением святым,
В забвенье бога душ — одним земным престолам
Кадящих трепетно, одним богам земным.
Хранители казны народной,
На правый суд сберитесь вы;
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?
Где подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбил их разврат.
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы;
На хищный ваш алтарь в усердии слепом
Народ имущество и жизнь свою приносит;
Став ваших прихотей угодливым рабом,
Отечество от чад вам в жертву жертвы просит.
Но что вам? Голосом алкающих страстей
Мать вопиющую вы дерзко заглушили;
От стрел раскаянья златым щитом честей
Ожесточенную вы совесть оградили.
Дни ваши без докук и ночи без тревог.
Твердыней, правде неприступной,
Надменно к облакам вознесся ваш чертог.
И непорочность, зря дней ваших блеск
преступный,
Смущаясь, говорит: «Где ж он? где ж казни бог?
Где ж судия необольстимый?
Что ж медлит он земле суд истины изречь?
Когда ж в руке его заблещет ярый меч
И поразит порок удар неотразимый?»
Здесь у подножья алтаря,
Там у престола в вышнем сане
Я вижу подданных царя,
Но где ж отечества граждане?
Для вас отечество — дворец,
Слепые властолюбья слуги!
Уступки совести — заслуги!
Взор власти — всех заслуг венец!
Нет! нет! не при твоем, отечество! зерцале
На жизнь и смерть они произнесли обет:
Нет слез в них для твоих печалей,
Нет песней для твоих побед!

Им слава предков без преданий,
Им нем заветный гроб отцов!
И колыбель твоих сынов
Им не святыня упований!
Ищу я искренних жрецов
Свободы, сильных душ кумира —
Обширная темница мира
Являет мне одних рабов.
О ты, которая из детства
Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье — тщетный дар,
Свобода! пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал;
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных устрашал.
В век лучший вознесясь от мрачной сей юдоли,
Свидетель нерожденных лет —
Свободу пел одну на языке неволи,
В оковах был я, твой поэт!
Познают песнь мою потомки!
Ты свят мне был, язык богов!
И мира гордые обломки
Переживут венцы льстецов!
Но где же чистое горит твое светило?
Здесь плавает оно в кровавых облаках,
Там бедственным его туманом обложило,
И светится едва в мерцающих лучах.
Там нож преступный изуверства
Алтарь твой девственный багрит;
Порок с улыбкой дикой зверства
Тебя злодействами чести.
Здесь власть в дремоте закоснелой,
Даров небесных лютый бич,
Грозит цепьми и мысли смелой,
Тебя дерзающей постичь.
Здесь стадо робкое ничтожных
Витии поучений ложных
Пугают именем твоим;
И твой сообщник — просвещенье
С тобой, в их наглом ослепленье,
Одной секирою разим.

Там хищного господства страсти
Последнею уловкой власти
Союз твой гласно признают;
Но под щитом твоим священным
Во тьме народам обольщенным
Неволи хитрой цепь куют.
Свобода! о младая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между граждан и троном,
Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного власть.
Ты снимешь роковую клятву
С чела, поникшего к земле,
И пахарю осветишь жатву,
Темнеющую в рабской мгле.
Твой глас, будитель изобилья,
Нагие степи утучнит,
Промышленность распустит крылья
И жизнь в пустыне водворит;
Невежество, всех бед виновник,
Исчезнет от твоих лучей,
Как ночи сумрачный любовник
При блеске утренних огней.
Он загорится, день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед, вам, истины жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный! вам, отступники природы!
Вам, притеснители! вам, низкие льстецы!
Но мне ли медлить? Грязную их братью
Карающим стихом я ныне поражу;
На их главу клеймо презренья положу
И обреку проклятью.
Пусть правды мстительный Перун
На терпеливом небе дремлет,
Но мужественный строй моих свободных струн
Их совесть ужасом объемлет.

Пот хладный страха и стыда
Пробьет на их челе угрюмом,
И честь их распадется с шумом
При гласе правого суда.
Страж пепла их, моя недремлющая злоба
Их поглотивший мрак забвенья разорвет
И, гневною рукой из недр исхитив гроба,
Ко славе бедственной их память прикует.

1820

РУССКИЙ БОГ

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог грудей и <...> отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всех с аннепской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.

1828

К СТАРОМУ ГУСАРУ

Эй да служба! эй да дядя!
Распотешил, старина!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодые ночи наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.

Будто мы не устарели —
Вьется локон вновь в кольцо;
Будто дружеской артели
Все ребята налицо.

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь — словно гусли,
Разыграются стихи.

Так и скачут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки смеются,
И задергало плечо.

Подмывает, как волною.
Душу грешника прости!
Подпоясавшись, с тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти.

Черт ли в *тайнах идеала*,
В *романтизме* и *луне* —
Как усатый запевала
Запоет по старине.

Буйно рвется стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок,
Иль Моэта из бутылки
Брызжет хладный кипяток!

С одного хмельного духа
Закружится голова,
И мерещится старуха,
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что ныне чинно
В шапке, в теплых сапогах,
И проводит дни *невинно*
На воде и на водах,—

Но Двенадцатого года
Веселáя голова,
Как сбиралась непогода,
А ей было трын-трава!

Но Пятнадцатого года,
В шумных кликах торжества,
Свой пожар и блеск похода
Запивавшая Москва!

Весь тот мир, вся эта шайка
Беззаботных молодцов
Ожили, мой ворожайка!
От твоих волшебных слов.

Силой чар и зелий тайных
Ты из старого кремня
Высек несколько случайных
Искр остывшего огня.

Бью челом, спасибо, дядя!
Спой еще когда-нибудь,
Чтобы мне, тебе подладя,
Стариной опять тряхнуть.

1832

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Колокольчик, замотайся,
Зазвени-ка, загуди!
Пыль, волнуйся, подымайся!
Что-то будет впереди!

Не сидится мне на месте;
Спертый воздух давит грудь:
Как жених спешит к невесте,
Я спешу куда-нибудь!

Даль — невеста под фатою!
Даль — таинственная даль!
Сочетаешься с тобою —
И в жене невесты жаль!

⟨1833⟩

ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в почную тьму?

На веселье, иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он, не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника ширы
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

⟨1834⟩

Я ПЕРЕЖИЛ

Я пережил и многое и многих,
И многому изведал цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.

Тройка
Литография А О Орловского
1820 г
Государственный музей А С Пушкина Москва

Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.
Не заношусь вперед мечтою жадной,
Надежды глас замолк,— и на пути,
Протоптанном действительностью хладной,
Уж новых мне следов не провести.
Как ни тяжел мне был мой век суровый,
Хоть житницы моей запас и мал,
Но ждать ли мне безумно жатвы новой,
Когда уж снег из зимних туч напал?
По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,—
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.

⟨1837⟩

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСКОГО

Грустно видеть, Русь святая,
Как в степенные года
Наших предков удалая
Изнемечилась езда.

То ли дело встарь: телега,
Тройка, ухарский ямщик;
Ночью дуешь без ночлега,
Днем же — высунув язык.

Но зато как все кипело
Беззаботным удальством!
Жизнь — копейка! бей же смело,
Да и ту поставь ребром!

Но как весело, бывало,
Раздавался под дугой
Голосистый запевало,
Колокольчик рассыпной;

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалеть,
То-то песни заунывны
Он начнет, сердечный, петь!

Север бледный, север плоский,
Степь, родные облака —
Все сливалось в отголоски,
Где слышна была тоска;

Но тоска — струя живая
Из родного тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска.

Сердце сердцу весть давало,
И из тайной глубины
Все былое выкликало
И все слезы старины.

Не увидишь, как проскачешь,
И не чувствуешь скачков,
Ни как сердцем сладко плачешь,
Ни как горько для боков.

А проехать ли случится
По селенью в красный день?
Наш ямщик приободрится,
Шляпу вздернет набекрень.

Как он гаркнет, как присвистнет
Горячо по всем по трем,—
Вороных он словно вспрыснет
Вдохновительным кнутом.

Тут знакомая светлица
С расписным своим окном;
Тут его душа-девица
С подаренным перстеньком.

Поравнявшись, он немножко
Вожжи в руки приберет,
И растворится окошко,—
Словно солнышко взойдет.

И покажется касатка,
Белоликая краса.
Что за очи! за повадка!
Что за русая коса!

И поклонами учтиво
Разменялися они,
И сердца в них молчаливо
Отозвалися сродни.

А теперь, где эти тройки?
Где их ухарский побег?
Где ты, колокольчик бойкий,
Ты, поэзия телег?

Где ямщик наш, на попойку
Вставший с темного утра
И загнать готовый тройку
Из полтины серебра?

Русский ям молчит и чахнет,
От былого он отвык;
Русским духом уж не пахнет,
И ямщик уж не ямщик.

Дух заморский и в деревне!
И ямщик, забыв кабак,
Распивает чай в харчевне
Или курит в ней табак.

Песню спеть он не сумеет,
Нет зазнобы ретивой,
И на шляпе не алеет
Лента девицы милóй.

По дороге, в чистом поле
Колокольчик наш заглох,
И, невиданный дотоле,
Молча тащится, трёх-трёх,

Словно чопорный германец
При ботфортах и косе,
Неуклюжий дилижанец
По немецкому шоссе.

Грустно видеть, воля ваша,
Как, у прозы под замком,
Поэтическая чаша
Высыхает с каждым днем;

Как все то, что веселило
Иль ласкало нашу грусть,
Что сыздетства затвердило
Наше сердце наизусть,

Все поверья, все раздолье
Молодецкой старины —
Подъедает своеволье
Душегубки-новизны.

Нарядились мы в личины,
Сглазил нас недобрый глаз,
И Орловского картины —
Буква мертвая для нас.

Но спасибо, наш кудесник,
Живописец и поэт,
Малодушным внукам вестник
Богатырских оных лет!

Русь былую, удалую
Ты потомству передашь:
Ты схватил ее живую
Под народный карандаш.

Захлебнувшись прозой пресной,
Охмелеть ли захочу
И с мечтой из давки тесной
На простор ли полечу,—

Я вопьюсь в твои картинки
Жаждой чувств и жаждой глаз,
И творю в душе поминки
По тебе, да и по нас!

⟨Между 1832 и 1838 гг.⟩

САМОВАР

Семейству П. Я. Убри

Отечества и дым нам сладок и приятен.
Державин

Приятно находить, попавшись на чужбину,
Родных обычаев знакомую картину,
Домашнюю хлеб-соль, гостеприимный кров
И сень, святую сень отеческих богов,—
Душе, затертой льдом, в холодном море света,
Где на родной вопрос родного нет ответа,
Где жизнь обрядных слов один пустой обмен,
Где ты везде чужой, у всех — monsieur NN.
У тихой пристани приятно отогреться,
И в лица ближние доверчиво всмотреться,
И в речи вслушаться, в которых что-то есть
Знакомое душе и дней прошедших весть.

Дни странника листам разрозненным подобны,
Их разрывает дух насмешливый и злобный;
Нет связи: с каждым днем всё сызнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродством поверий, чувств, созвучьем впечатлений
И милой давностью привычных отношений.
В нас ум — космополит, но сердце — домосед:
Прокладывать всегда он любит новый след,
И радости свои все в будущем имеет;
Но сердце старыми мечтами молодеет,
Но сердце старыми привычками живет
И радостней в тени прошедшего цветет!
О, будь благословен, кров светлый и приютный,
Под коим как родной был принят гость минутный!
Где беззаботно мог он сердце развернуть
И си́ротство его на время обмануть!
Где любовался он с сознаньем и участьем
Семейства милого согласием и счастьем
И видел, как цветут в безоблачной тиши
Младые радости родительской души;
Оттенки нежные и севера и юга,
Различьем прелестей и сходством друг на друга
Они любовь семьи и дому красота.
Одна — таинственна, как тихая мечта
Иль ангел, облаком себя полузакрывший,

Когда, ко праху взор и крылья опустивши,
На рубеже земли и неба он стоит
И, бедствиям земным сочувствуя, грустит.
И много прелести в задумчивости нежной,
В сей ясности, средь бурь житейских безмятежной,
И в чистой кротости, которыми она,
Как тихим заревом, тепло озарена!
Другая — радостно в грядущее вступая
И знающая жизнь по первым утрам мая,
На празднике весны в сиянье молодом
Свежеет розою и вьется мотыльком.
А *третья* — младший цвет на отрасли семейной,
Пока еще в тени и прелестью келейной
Растет и, на сестер догадливо смотря,
Ждет, скоро ль светлым днем взойдет ее заря?

У вас по-русски здесь — тепло и хлебосольно,
И чувству и уму просторно и привольно;
Не дует холодом ни в душу, ни в плеча,
И сердце горячо, и печка горяча.
Хоть вы причислены к Германскому Союзу,
Германской чинности вы сбросили обузу.
За стол не по чинам садитесь, и притом
И лишний гость у вас не лишний за столом.
Свобода — вот закон домашнего устава:
Охота есть — болтай! и краснобаю слава!
На ум ли лень найдет — немым себе сиди
И за словом в карман насильно не ходи!
Вот день кончается в весельях и заботах;
Пробил девятый час на франкфуртских воротах;
Немецкой публики восторг весь истощив,
Пропела Лёве ей последний свой мотив;
Уж пламенный Дюран оставил поле брани,
Где, рыцарь классиков, сражался он с Гернани;
И, пиво осушив и выкурив табак,
Уж Франкфурт, притаясь, надел ночной колпак.
Но нас еще влечет какой-то силой тайной
В знакомый тот приют, где с лаской обычайной
Вокруг стола нас ждет любезная семья.
Я этот час люблю,— едва ль не лучший дня,
Час поэтический средь прозы черствых суток,
Сердечной жизни час, веселый промежуток
Между трудом дневным и ночи мертвым сном.
Все счеты сведены,— в придачу мы живем;

Забот житейских нет, как будто не бывало:
Сегодня с плеч слегло, а *завтра* не настало.
Час дружеских бесед у чайного стола!
Хозяйке молодой и честь и похвала!
По-православному, не на манер немецкий,
Не жидкий, как вода или напиток детский,
Но Русью веющий, но сочный, но густой,
Душистый льется чай янтарною струей.
Прекрасно!.. Но один встречаю недостаток:
Нет, быта русского неполон отпечаток.
Где ж самовар родной, семейный наш очаг,
Семейный наш алтарь, ковчег домашних благ?
В нем льются и кипят всех наших дней преданья,
В нем русской старины живут воспоминанья;
Он уцелел один в обломках прежних лет,
И к внукам перешел неугасимый дед.
Он русский рококо, нестройный, неуклюжий,
Но внутренно хорош, хоть некрасив снаружи;
Он лучше держит жар, и под его шумок
Кипит и разговор, как прыткий кипяток.
Как много тайных глав романов ежедневных,
Животрепещущих романов, задушевных,
Которых в книгах нет — как сладко ни пиши!
Как много чистых снов девической души,
И нежных ссор любви, и примирений нежных,
И тихих радостей и сладостно мятежных —
При пламени его украдкою зажглось
И с облаком паров незримо разнеслось!
Где только водятся домашние пенаты,
От золотых палат и до смиренной хаты,
Где медный самовар, наследство сироты,
Вдовы последний грош и роскошь нищеты,—
Повсюду на Руси святой и православной
Семейных сборов он всегда участник главный.
Нельзя родиться в свет, ни в брак вступить нельзя,
Ни «здравствуй!», ни «прощай!» не вымолвят друзья,
Чтоб, всех житейских дел конец или начало,
Кипучий самовар, домашний запевало,
Не подал голоса и не созвал семьи.

. . . . . .

Поэт сказал — и стих его для нас понятен:
«Отечества и дым нам сладок и приятен!»
Не самоваром ли — сомненья в этом нет —
Был вдохновлен тогда великий наш поэт?

И тень Державина, здесь сетуя со мною,
К вам обращается с упреком и мольбою
И просит, в честь ему и православью в честь,
Конфорку бросить прочь и — самовар завесть.

1838

ЛЮБИТЬ. МОЛИТЬСЯ. ПЕТЬ

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

⟨1839⟩

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля!
Тени легкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Весел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной
Гаснут звезды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! волшебной песни звуки
Вылетают из окна.

Пой, красавица певица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

⟨1840⟩

БАХЧИСАРАЙ

Ночью при иллюминации

Из тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мне,
И наяву прозрели очи,
Что только видится во сне,

Здесь ярко блещет баснословный
И поэтический восток;
Свой рай прекрасный, хоть греховный,
Себе устроил здесь пророк.

Сады, сквозь сумрак, разноцветно
Пестреют в лентах огневых,
И прихотливо и приветно
Облита блеском зелень их.

Красуясь стройностию чудной,
И тополь здесь, и кипарис,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноград повис.

Обвитый огненной чалмою,
Встает стрельчатый минарет,
И слышится ночною тьмою
С него молитвенный привет.

И негой, полной упоенья,
Ночного воздуха струи
Нам навевают обольщенья,
Мечты и марева свои.

Вот одалиски легким роем
Воздушно по саду скользят:
Глаза их пышут страстным зноем
И в душу вкрадчиво глядят.

Чуть слышится их тайный шепот
В кустах благоуханных роз;
Фонтаны льют свой свежий ропот
И зыбкий жемчуг звонких слез.

Здесь, как из недр волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства мир разнообразный.
Снов фантастических игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханского двора.

Здесь многих таинств, многих былей
Во мраке летопись слышна,
Здесь диким прихотям и силе
Служили молча племена;

Здесь, в царстве неги, бушевало
Немало смут, домашних гроз;
Здесь счастье блага расточало,
Но много пролито и слез.

Вот стены темного гарема!
От страстных дум не отрешась,
Еще здесь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не может
Младой сопернице своей,
И тень ее еще тревожит
Живая скорбь минувших дней.

Невольной роковою страстью
Несется тень ее к местам,
Где жадно предавалась счастью
И сердца ненадежным снам.

Где так любила, так страдала,
Где на любовь ее в ответ
Любви измена и опала
Ее скосили в цвете лет.

Во дни счастливых вдохновений
Тревожно посетил дворец
Страстей сердечных и волнений
Сам и страдалец и певец.

Он слушал с трепетным вниманьем
Рыданьем прерванный не раз
И дышащий еще страданьем
Печальной повести рассказ.

Он понял раздраженной тени
Любовь, познавшую обман,
Ее и жалобы, и пени,
И боль неисцелимых ран.

Пред ним Зарема и Мария —
Сковала их судьбы рука —
Грозы две жертвы роковые.
Два опаленные цветка.

Он плакал над Марией бедной:
И образ узницы младой,
Тоской измученный и бледный,
Но светлый чистой красотой.

И непорочность и стыдливость
На девственном ее челе
И безутешная тоскливость
По милой и родной земле.

Ее молитва пред иконой,
Чтобы от гибели и зла
Небес царица обороной
И огражденьем ей была,—

Все понял он! Ему не ново
И вчуже сознавать печаль
И пояснять нам слово в слово
Сердечной повести скрижаль.

Марии девственные слезы,
Как чистый жемчуг, он собрал,
И свежий кипарис и розы
В венок посмертный он связал.

Но вместе и Заремы гневной
Любил он ревность, страстный пыл.
И отголосок задушевный
В себе их воплям находил.

И в нем борьба страстей кипела,
Душа и в нем от юных лет
Страдала, плакала и пела,
И под грозой созрел поэт.

Он передал нам вещим словом
Все впечатления свои,
Все, что прозрел он за покровом,
Который скрыл былые дни.

Тень и его здесь грустно бродит,
И он, наш Данте молодой,
И нас по царству теней водит,
Даруя образ им живой.

Под плеск фонтана сладкозвучный
Здесь плачется его напев,
И он — сопутник неразлучный
Младых бахчисарайских дев.

⟨1867⟩

* * *

Все сверстники мои давно уж на покое,
И младшие давно сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забытый каторжник на каторге земной?

Не я ли искупил ценой страданий многих
Все, чем пред промыслом я быть виновным мог?
Иль только для меня своих законов строгих
Не властен отменить злопамятливый бог?

1872

* * *

Куда девались вы с своим закатом ясным,
Дни бодрой старости моей!
При вас ни жалобой, ни ропотом напрасным
Я не оплакивал утраты юных дней.

Нет, бремя поздних лет на мне не тяготело,
Еще я полной жизнью жил;
Ни ум не увядал, ни сердце не старело,
Еще любил я все, что прежде я любил.

Не чужды были мне налеты вдохновенья,
Труд мысли, светлые мечты,
И впечатлительность, и жертвоприношенья
Души, познавшей власть и прелесть красоты.

Как ветр порывистый ломает дуб маститый,
Так и меня сломил недуг.
Все радости земли внезапной тьмой покрыты
Во мне, и все кругом опустошилось вдруг.

С днем каждым жизни путь темней и безнадежней,
Порвались струны бытия:
Страдающая тень, обломок жизни прежней,
Себя, живой мертвец, переживаю я.

Из жизни уцелеть могли одни мученья,
Их острый яд к груди прирос.
И спрашиваю я: где ж благость провиденья?
И нет ответа мне на скорбный мой вопрос.

⟨1874—1875⟩

* * *

Пью по ночам хлорал запоем,
Привыкший к яду Митридат,
Чтоб усладить себя покоем
И сном, хоть взятым напрокат.

Мне в тягость жить; хочу забыться,
Хочу не знать, что я живу,
Хочу от жизни отрешиться
И от всего, что наяву.

Ничтожества сон непробудный!
Затишье по тревожном дне!
Возмездьем будь за подвиг трудный,
За жизнь, столь тягостную мне.

⟨1876⟩

ЗАГАДКА

Меня за книгу засадили,
С трудом читается она:
В ней смесь и вымысла и были,
Плох вымысел, и быль скучна.

Как много в книге опечаток!
Как много непонятных мест!
Сил и охоты недостаток
Читать ее в один присест.

Пред догорающей лампадой
И в ожиданье темноты
Читаю с грустью и досадой
Ее последние листы.

Все это опыт, уверяют,
Терпенье надобно иметь,
И в ободренье обещают,
Что будет *продолженье впредь*.

Благодарю! С меня довольно!
Так надоел мне первый том,
Что мне вперед и думать больно,
Что вновь засяду на втором.

〈1876〉

ЦВЕТОК

Зачем не увядаем мы,
Когда час смерти наступает,
Как с приближением зимы
Цветок спокойно умирает?

К нему природы благ закон,
Ему природа мать родная:
Еще благоухает он,
Еще красив и увядая.

Его иссохшие листки
Еще хранят свой запах нежный,
Он дар нам памятной руки
В день слез разлуки безнадежной.

Его мы свято бережем
В заветной книге дум сердечных,
Как весть, как песню о былом,
О днях так грустно скоротечных.

Для нас он памятник живой,
Хотя он жизнью уж не дышит,
Не вспрыснут утренней росой
И в полночь соловья не слышит.

Как с другом, с ним мы говорим
О прошлом, нам родном и общем,
И молча вместе с ним грустим
О счастье, уж давно усопшем.

Цветку не тяжек смертный час:
Сегодня нас он блеском манит,
А завтра нам в последний раз
Он улыбнется и увянет.

А нас и корчит, и томит
Болезнь пред роковой могилой,
Нам диким пугалом грозит
Успенья гений белокрылый.

Мертвящий холод в грудь проник,
Жизнь одичала в мутном взоре,
Обезображен светлый лик,
Друзьям и ближним в страх и горе.

А там нас в тесный гроб кладут,
Опустят в мраки подземелья
И сытной пищей предадут
Червям на праздник новоселья.

В предсмертных муках и в борьбе
Неумолимой, беспощадной
Как позавидую тебе,
Цветок мой милый, ненаглядный!

Будь ласковой рукой храним,
Загробным будь моим преданьем,
И в память мне друзьям моим
Еще повей благоуханьем.

1876

* * *

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,
Всю исповедь, всю боль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв наш родной
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,
Я холю свой халат с любовью и почетом.

⟨Между 1875 и 1877 гг.⟩

* * *

В воспоминаниях ищу я вдохновенья,
Одною памятью живу я наизусть,
И радости мои не чужды сожаленья,
И мне отрадою моя бывает грусть.

Жизнь мысли в нынешнем; а сердца жизнь в минувшем.
Средь битвы я один из братьев уцелел:
Кругом умолкнул бой, и на поле уснувшем
Я занят набожно прибраньем братских тел.

Хоть мертвые, но мне они живые братья:
Их жизнь во мне, их дней я пасмурный закат,
И ждут они, чтоб в их загробные объятья
Припал их старый друг, их запоздавший брат.

⟨1877⟩

ПИРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На все взглянул я верным оком.
Душа полна была сует,
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачен,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон,
Я не скажу: все в мире сон!
Не все мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком,
Но никогда еще, друзья,
Обманут не был я желудком.

Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин,—
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему
Земля усеяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди веселостей вседневных,
Не знает он душевных нужд,
Не знает он и мук душевных.
Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;

Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачат;
Икой храбрец, в отцовский дом
Явясь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом;
О бог стола, о добрый Ком,
В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться; но, ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;
Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружен.
Еще не сели; всё в молчанье;
И каждый гость вблизи стола
С веселой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданье,
И сквозь прозрачный, легкий пар
Сияют лакомые блюды,
Златых плодов, десерта груды...
Зачем удел мой слабый дар!
Но так весной ряды курганов
При пробужденных небесах
Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.

Садятся гости. Граф и князь —
В застольном деле все удалы,
И осушают, не ленясь,
Свои широкие бокалы;
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса:
Смешались быстро голоса;
Собранье глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.
Тут все торжественно встает,
И каждый гость, как муж толковый,
Узнать в гостиную идет,
Чему смеялся он в столовой.

Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Немудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени древес, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блестки острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищалися на нем
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталем;
И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Ай.

Его звездящаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как пылкий ум, не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей:
«Певцы пируют! — восклицали,—
Слепая чернь, благоговей!»

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
«Что потакать мечте унылой,—
Кричали вы.— Смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!»
Вздохнув, рассеянно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшие уста
«Бог с ней!» невнятно лепетали.

И где ж изменница-любовь?
Ах, в ней и грусть — очарованье!
Я испытать желал бы вновь
Ее знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой,—
И каждый с ропотом вздохнул,
И брату руку протянул,
И вдаль побрел своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздною мечтой
Теперь былое пролетает
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминает.

О, если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой темной осененный,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,
Мой брат по музам и по лени,
Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет,
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынничий обед
Не будет лакомый, но сытый.
Веселый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели;
Что ни ласкало в старину,

Что прежде сердцем ни владело —
Подобно утреннему сну,
Все изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни за веселой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей,—
Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет;
Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим?
Пирам! В безжизненные лета
Душа остылая согрета
Их утешением живым.
Пускай навек исчезла младость —
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Еще заглянет в угол наш.

1820

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

⟨1820⟩

К ⟨О Н Ш И⟩ Н У

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья;
Живой источник сладострастья
Дарован в нем его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?

Бездейственность души счастливцев тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? Все раны, все недуги,
Все расслабление души твоей больной;
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

⟨1820⟩

У Н Ы Н И Е

Рассеивает грусть пиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговою,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобресть, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен.

⟨1821⟩

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! о край, всегда любимый!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке размерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие труды.

Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде;
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней Фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У брега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

⟨1821⟩

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь

Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

⟨1821⟩

ДЕЛЬВИГУ

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущеньям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На бренную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

⟨1821⟩

РИМ

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немым развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?
Град пышный, где твои чертоги?
Где сильные твои, о родина мужей?

Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времен
Стоишь в позорище племен,
Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому еще грозишь с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?

1821

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

⟨1821⟩

ПОЦЕЛУЙ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

⟨1822⟩

ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

1823

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов,—

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

⟨1823⟩

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастия в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги,

Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастие похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

⟨1823⟩

ИСТИНА

О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья —
Мне первый опыт рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я дольний жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала.— Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Петербург Вид на Биржу
Гравюра В Патерсена
1807 г
Государственныи музей А С Пушкина Москва

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостья роковая!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не пайду;
Покинь меня, кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть и все, что сердцу мило,
Забыть придется мне,

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

⟨1823⟩

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты прáва, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

⟨1823⟩

ОПРАВДАНИЕ

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,

Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовию пылал?
Нет, милая! когда в уединенье
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моем воображенье,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости младой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты все еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

⟨1824⟩

ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльный!

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постепенный тленья.
Ужасный вид! как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное созданье,
О человек! уверься наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум, и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит;
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

⟨1824⟩

УВЕРЕНИЕ

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.

Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

1824

К...

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!

⟨1824—1825⟩

АВРОРЕ Ш.....

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит с тихою тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

⟨1825⟩

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Спов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

〈1825〉

НАДПИСЬ

Взгляни на лик холодный сей.
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

〈1826〉

ЭПИГРАММА

Не трогайте парнасского пера,
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам не много в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.
Любовь ли вам оставить в забытьи
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летийские струи —
На пальчиках чернила остаются.

1826

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит все существованья сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальной
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор...
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

⟨1827⟩

ЭПИГРАММА

И ты поэт, и он поэт;
Но меж тобой и им различие находят:
Твои стихи в печать выходят,
Его стихи — выходят в свет.

⟨1827⟩

К***

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Ее тафтяные цветы,—

Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк!
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок.

Когда по ребрам крепко стиснут
Пегас удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим хлыстом.

⟨1827⟩

ЭПИГРАММА

Как сладить с глупостью глупца?
Ему впопад не скажешь слова;
Другого проще он с лица,
Но мудреней в житье другого.
Он всем превратно поражен,
И все навыворот он видит:
И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.

⟨1827⟩

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятья своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуяся, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Все на земле движением дышало,
Все на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещенье!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?

Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всесильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влеченья,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в Эмпирей и в Хаос уносила
Живая мысль на крылиях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блеянье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу

Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синея, вился
И жертвою чистительной дымился.

<1827>

СТАНСЫ

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах —
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

1827

СМЕРТЬ

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболепною мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косой.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

⟨1828⟩

СТАРИК

Венчали розы, розы Леля,
Мой первый век, мой век младой:
Я был счастливый пустомеля
И девам нравился порой.
Я помню ласки их живые,
Лобзанья, полные огня...
Но пролетели дни младые;
Они не смотрят на меня!
Как быть? У яркого камина,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.
Пускай венок, сплетенный Лелем,
Не обновится никогда,—
Года, увенчанные хмелем,
Еще прекрасные года.

⟨1828⟩

* * *

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик,
Доратов ли, Шекспиров ли двойник —
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!

<1828>

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

<1828>

БАЛ

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров.
В роскошных перьях и цветах,
С улыбкой мертвой на устах,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки светские сидят
И на блестящий вихорь зала
С тупым вниманием глядят.

Кружатся дамы молодые,
Не чувствуют себя самих;
Драгими камнями у них
Горят уборы головные;
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;
Одежды легкие, как дым,
Их легкий стан обозначают.
Вокруг пленительных харит
И суетится и кипит
Толпа поклонников ревнивых;
Толкует, ловит каждый взгляд;
Шутя несчастных и счастливых
Вертушки милые творят.

В движенье всё. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Гусар крутит свои усы,
Писатель чопорно острится,
И оба правы: говорят,
Что в то же время можно дамам,
Меняя слева взгляд на взгляд,
Смеяться справа эпиграммам.
Меж тем и в лентах и в звездах,
Порою с картами в руках,
Выходят важные бояры,
Встав из-за ломберных столов,
Взглянуть на мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.

Но гости глухо зашумели,
Вся зала шепотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей».— «Ужели?»
«В кадрили весело вертясь,
Вдруг помертвела!» — «Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею?» — «Бог весть,
Мигрень, конечно!.. В сюрах шесть».
«Что с ней, кузина? танцевали
Вы в ближней паре, видел я?
В кругу пристойном не всегда ли
Она как будто не своя?»

Злословье правду говорило.
В Москве меж умниц и меж дур
Моей княгине чересчур
Слыть Пенелопой трудно было.
Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит,
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?

Но как влекла к себе всесильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбалися умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец черных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая фее самовластной
Не уступила б из харит?

Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленье слезы те;
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте?

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом ее заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает,—
Ладью пловца водоворот
Так на погибель увлекает!
Беги ее: нет сердца в ней!
Страшися вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюбленных взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар — не жар любви.

Так, не сочувствия прямого
Могуществом увлечена —
На грудь роскошную она
Звала счастливца молодого;
Он пересоздан был на миг
Ее живым воображеньем;
Ей своенравный зрелся лик,
Она ласкала с упоеньем
Одно видение свое.
И гасла вдруг мечта ее:
Она вдалась в обман досадный,
Ее прельститель ей смешон,
И средь толпы Лаисе хладной
Уж неприметен будет он.

В часы томительные ночи,
Утех естественных чужда,
Так чародейка иногда
Себе волшебством тешит очи:
Над ней слились из облаков
Великолепные чертоги;
Она на троне из цветов,
Ей угождают полубоги.
На миг один восхищена
Живым виденьем она;
Но в ум приходит с изумленьем,
Смеется сердца забытью
И с тьмой сливает мановеньем
Мечту блестящую свою.

Чей образ кисть нарисовала?
Увы! те дни уж далеко,
Когда княгиня так легко
Воспламенялась, остывала!
Когда, питомице прямой
И Эпикура и Нинoны,
Летучей прихоти одной
Ей были ведомы законы!
Посланник рока ей предстал;
Смущенный взор очаровал,
Поработил воображенье,
Слиял все мысли в мысль одну
И пролил страстное мученье
В глухую сердца глубину.

Красой изнеженной Арсений
Не привлекал к себе очей:
Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе; в очах
Беспечность мрачная дышала,
И не улыбка на устах —
Усмешка праздная блуждала.
Он незадолго посещал
Края чужие; там искал,
Как слышно было, развлеченья
И снова родину узрел;
Но, видно, сердцу исцеленья
Дать не возмог чужой предел.

Предстал он в дом моей Лаисы,
И остряков задорный полк
Не знаю как пред ним умолк —
Главой поникли Адонисы.
Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца,
И, сколько ни был хлацно-сжатым
Привычный склад его речей,
Казался чувствами богатым
Он в глубине души своей.

Неодолимо, как судьбина,
Не знаю, что в игре лица,
В движенье каждом пришлеца
К нему влекло тебя, о Нина!
С него ты не сводила глаз...
Он был учтив, но хладен с нею.
Ее смущал он много раз
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она ль не знала, как в крови
Родить мятежное волненье,
Как в чувства дикий жар вдохнуть...
И всемогущее мгновенье
Его повергло к ней на грудь.

Мои любовники дышали
Согласным счастьем два-три дни;
Чрез день-другой потом они
Несходство в чувствах показали.
Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась; но суровый,
Унылый часто зрелся он:
Пред ним летал мятежный сон;
Всегда рассеянный, судьбину,
Казалось, в чем-то он винил,
И, прижимая к сердцу Нину,
От Нины сердце он таил.

Неблагодарный! Им у Нины
Все мысли были заняты:
Его любимые цветы,
Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В ее покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких легкий пар —
Животворило всё желанья,
Вливало в сердце томный жар.

Вотще! Он предан был печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противных беглый спор
Лицо явило. «Что с тобою,—
Она сказала,— что твой взор
Все полон мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я боле в сердце не таю:
Печаль с тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебе тяжка, тебе докучна
Любовь безумная моя!

Скажи, за что твое презренье?
Скажи, в сердечной глубине
Ты нечувствителен ко мне
Иль недоверчив? Подозренье
Я заслужила. Старины
Мне тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Один кумир на долгий срок
Поработить его не мог;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашнего дня.—
Мне вверить сердце безрассудно,
Ты прав, но выслушай меня.

Беги со мной: земля велика!
Чужбина скроет нас легко,
И там безвестно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мне Италию порой
Хвалил с блестящим увлеченьем;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньем;
Там солнце пышно, там луна
Восходит, сладости полна;
Там вьются лозы винограда,
Шумят лавровые леса,—
Туда, туда! с тобой я рада
Забыть родные небеса.

Беги со мной! Ты безответен!
Ответствуй, жребий мой реши.
Иль нет! зачем? Твоей души
Упорный холод мне приметен;
Молчи же! не нуждаюсь я
В словах обманчивых,— довольно!
Любовь несчастная моя
Мне свыше казнь... но больно, больно!..»
И зарыдала. Возмущен
Ее тоской: «Безумный сон
Тебя увлек,— сказал Арсений,—
Невольный мрак души моей —
След прежних жалких заблуждений
И прежних гибельных страстей.

Его со временем рассеет
Твоя волшебная любовь;
Нет, не тревожься, если вновь
Тобой сомненье овладеет!
Моей печали не вини».
День после, мирною четою,
Сидели на софе они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла к плечу его.
На ближний столик, в думе скрытной
Облокотясь, Арсений наш
Меж тем по карточке визитной
Водил небрежный карандаш.

Давно был вечер. С легким треском
Горели свечи на столе,
Куприн мрамор в дальней мгле
Кой-где блистал неверным блеском.
Молчал Арсений, Нина тож.
Вдруг, тайным чувством увлеченный,
Он восклицает: «Как похож!»
Проснулась Нина: «Друг бесценный,
Похож! Ужели? мой портрет!
Взгляпуть позволь... Что ж это? Нет!
Не мой — жеманная девчонка
Со сладкой глупостью в глазах,
В кудрях мохнатых, как болонка,
С улыбкой сонной на устах!

Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсем...»
Лицо княгини между тем
Покрыла бледность гробовая.
Ее дыханье отошло,
Уста застыли, посинели;
Увлажил хладный пот чело,
Непомертвелые блестели
Глаза одни. Вещать хотел
Язык мятежный, но коснел,
Слова сливались в лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,
И наконец ее страданье
Свободный голос обрело:

«Арсений, видишь, я мертвею;
Арсений, дашь ли мне ответ!
Знаком ты с ревностию?.. Нет!
Так ведай, я знакома с нею,
Я к ней способна! В старину,
Меж многих редкостей Востока,
Себе я выбрала одну...
Вот перстень... с ним я выше рока!
Арсений! мне в защиту дан
Могучий этот талисман;
Знай, никакое злоключенье
Меня при нем не устрашит.
В глазах твоих недоуменье,
Дивишься ты! Он яд таит».

У Нины руку взял Арсений.
«Спокойна совесть у меня,—
Сказал,— но дожил я до дня
Тяжелых сердцу откровений.
Внимай же мне. С чего начну?
Не предавайся гневу, Нина!
Другой дышал я в старину,
Хотела то сама судьбина.
Росли мы вместе. Как мила
Малютка Олинька была!
Ее мгновеньями иными
Еще я вижу пред собой
С очами темно-голубыми,
С темно-кудрявой головой.

Я называл ее сестрою,
С ней игры детства я делил;
Но год за годом уходил
Обыкновенной чередою.
Исчезло детство. Притекли
Дни непонятного волненья,
И друг на друга возвели
Мы взоры, полные томленья.
Обманчив разговор очей.
И, руку Олиньки моей
Сжимая робкою рукою:
«Скажи,— шептал я иногда,—
Скажи, любим ли я тобою?»
И слышал сладостное *да*.

В счастливый дом, себе на горе,
Тогда я друга ввел. Лицом
Он был приятен, жив умом;
Обворожил он Ольгу вскоре.
Всегда встречались взоры их,
Всегда велся меж ними шепот.
Я мук язвительных моих
Не снес — излил ревнивый ропот.
Какой же ждал меня успех?
Мне был ответом детский смех!
Ее покинул я с презреньем,
Всю боль души в душе тая.
Сказал «прости» всему: но мщеньем
Сопернику поклялся я.

Всечасно колкими словами
Скучал я, досаждал ему,
И по желанью моему
Вскипела ссора между нами:
Стрелялись мы. В крови упав,
Навек я думал мир оставить;
С одра восстал я телом здрав,
Но сердцем болен. Что прибавить?
Бежал я в дальние края;
Увы! под чуждым небом я
Томился тою же тоскою.
Родимый край узрев опять,
Я только с милою тобою
Душою начал оживать».

Умолк. Бессмысленно глядела
Она на друга своего,
Как будто повести его
Еще вполне не разумела;
Но от руки его потом
Освободив тихонько руку,
Вдруг содрогнулася лицом,
И все в нем выразило муку.
И, обессилена, томна,
Главой поникнула она.
«Что, что с тобою, друг бесценный?»—
Вскричал Арсений. Слух его
Внял только вздох полустесненный.
«Друг милый, что ты?» — «Ничего».

Еще на крыльях торопливых
Промчалось несколько недель
В размолвках бурных, как досель,
И в примиреньях несчастливых.
Но что же, что же напослед?
Сегодня друга нет у Нины,
И завтра, послезавтра нет!
Напрасно, полная кручины,
Она с дверей не сводит глаз
И мнит: он будет через час.
Он позабыл о Нине страстной;
Он не вошел, вошел слуга,
Письмо ей подал... миг ужасный!
Сомненья нет: его рука!

«Что медлить,— к ней писал Арсений,—
Открыться должно... Небо! в чем?
Едва владею я пером,
Ищу напрасно выражений.
О Нина! Ольгу встретил я;
Она поныне дышит мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смешною.
Удел решен. По старине
Я верен Ольге, верной мне.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до поздних дней;
В нем понесу я наказанье
Ошибок юности моей».

Для своего и для чужого
Незрима Нина; всем одно
Твердит швейцар ее давно:
«Не принимает, нездорова!»
Ей нужды нет ни в ком, ни в чем;
Питье и пищу забывая,
В покое дальнем и глухом
Она, недвижная, немая,
Сидит и с места одного
Не сводит взора своего.
Глубокой муки сон печальный!
Но двери пашут, растворясь:
Муж не весьма сентиментальный,
Сморкаясь громко, входит князь.

И вот садится. В размышленье
Сначала молча погружен,
Ногой потряхивает он;
И наконец: «С тобой мученье!
Без всякой грусти ты грустишь;
Как погляжу, совсем больна ты;
Ей-ей! с трудом вообразишь,
Как вы причудами богаты!
Опомниться тебе пора.
Сегодня бал у князь-Петра:
Забудь фантазии пустые
И от людей не отставай;
Там будут наши молодые,
Арсений с Ольгой. Поезжай.

Ну что, поедешь ли?» — «Поеду»,—
Сказала, странно оживясь,
Княгиня. «Дело,— молвил князь,—
Прощай, спешу я в клоб к обеду».
Что, Нина бедная, с тобой?
Какое чувство овладело
Твоей болезненной душой?
Что оживить ее умело,
Ужель надежда? Торопясь,
Часы летят; уехал князь;
Пора готовиться княгине.
Нарядами окружена,
Давно не бывшими в помине,
Перед трюмо стоит она.

Уж газ на ней, струясь, блистает;
Роскошно, сладостно очам
Рисует грудь, потом к ногам
С гирляндой яркой упадает.
Алмаз мелькающих серег
Горит за черными кудрями;
Жемчуг чело ее облег
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущен,
То видим, то невидим он.
Над головою перья веют;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелеют,
То дремлют в локонах у ней.

Меж тем (к какому разрушенью
Ведет сердечная гроза!)
Ее потухшие глаза
Окружены широкой тенью
И на щеках румянца нет!
Чуть виден в образе прекрасном
Красы бывалой слабый след!
В стекле живом и беспристрастном
Княгиня бедная моя,
Глядяся, мнит: «И это я!
Но пусть на страшное виденье
Он взор смущенный возведет,
Пускай узрит свое творенье
И всю вину свою поймет».

Другое тяжкое мечтанье
Потом волнует душу ей:
«Ужель сопернице моей
Отдамся я на поруганье!
Ужель спокойно я снесу,
Как, торжествуя надо мною,
Свою цветущую красу
С моей увядшею красою
Сравнит насмешливо она!
Надежда есть еще одна:
Следы печали я сокрою
Хоть вполовину, хоть на час...»
И Нина трепетной рукою
Лицо румянит в первый раз.

Она явилася на бале.
Что ж возмутило душу ей?
Толпы ли ветреных гостей
В ярко блестящей, пышной зале,
Беспечный лепет, мирный смех?
Порывы ль музыки веселой,
И, словом, этот вихрь утех,
Больным душою столь тяжелый?
Или двусмысленно взглянуть
Посмел на Нину кто-нибудь?
Иль лишним счастием блистало
Лицо у Ольги молодой?
Что б ни было, ей дурно стало,
Она уехала домой.

Глухая ночь. У Нины в спальной,
Лениво споря с темнотой,
Перед иконой золотой
Лампада точит свет печальный,
То пропадет во мраке он,
То заиграет на окладе;
Кругом глубокий, мертвый сон!
Меж тем в блистательном наряде,
В богатых перьях, жемчугах,
С румянцем странным на щеках,
Ты ль это, Нина, мною зрима?
В переливающейся мгле
Зачем сидишь ты недвижима,
С недвижной думой на челе?

Дверь заскрипела, слышит ухо
Походку чью-то на полу;
Перед иконою, в углу,
Стал и закашлял кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Из тьмы к лампаде потянулась;
Светильню тронула слегка,
Светильня сонная очнулась,
И свет нежданный и живой
Вдруг озаряет весь покой:
Княгини мамушка седая
Перед иконою стоит,
И вот уж, набожно вздыхая,
Земной поклон она творит.

Вот поднялась, перекрестилась;
Вот поплелась было домой;
Вдруг видит Нину пред собой,
На полпути остановилась.
Глядит печально на нее,
Качает старой головою:
«Ты ль это, дитятко мое,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сном,
Горюя бог знает о чем!
Вот так-то ты свой век проводишь,
Хоть от ума, да неумно;
Ну, право, ты себя уходишь,
А ведь грешно, куда грешно!

И что в судьбе твоей худого?
Как погляжу я, полон дом
Не перечесть каким добром;
Ты роду-звания большого;
Твой князь приятного лица,
Душа в нем кроткая такая,—
Всечасно вышнего творца
Благословляла бы другая!
Ты позабыла бога... да,
Не ходишь в церковь никогда;
Поверь, кто господа оставит,
Того оставит и господь;
А он-то духом нашим правит,
Он охраняет нашу плоть!

Не осердись, моя родная;
Ты знаешь, мало ли о чем
Мелю я старым языком,
Прости, дай ручку мне». Вздыхая,
К руке княгининой она
Устами ветхими прильнула —
Рука ледяно-холодна.
В лицо ей с трепетом взглянула —
На нем поспешный смерти ход;
Глаза стоят и в пене рот...
Судьбина Нины совершилась,
Нет Нины! ну так что же? нет!
Как видно, ядом отравилась,
Сдержала страшный свой обет!

Уже билеты роковые,
Билеты с черною каймой,
На коих бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражают взгляд;
Где сухощавые Сатурны
С косами грозными сидят,
Склонясь на траурные урны;
Где кости мертвые крестом
Лежат разительным гербом
Под гробовыми головами,—
О смерти Нины должну весть
Узаконенными словами
Спешат по городу разнесть.

В урочный день, на вынос тела,
Со всех концов Москвы большой
Одна карета за другой
К хоромам князя полетела.
Обсев гостиную кругом,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потом
Возникло томное жужжанье;
Оно росло, росло, росло
И в шумный говор перешло.
Объятый счастливым забвеньем,
Сам князь за дело принялся
И жарким богословским преньем
С хозяйкой каким-то занялся.

Богатый гроб несчастной Нины,
Священством пышным окружен,
Был в землю мирно опущен;
Свет не узнал ее судьбины.
Князь, без особого труда,
Свой жребий вышней воле предал.
Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак, с желудочной тоски
Скропал на смерть ее стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.

1825—1828

ФЕЯ

Порою ласковую Фею
Я вижу в обаянье сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? странно и во сне
Непокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,
Которым, злобно смышлена,
Их отравит иль уничтожит.
Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотоле
Наш бедный ум порабощен,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!

⟨1829⟩

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов.

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

⟨1829⟩

В АЛЬБОМ

Альбом походит на кладбище:
Для всех открытое жилище,
Он также множеством имен
Самолюбиво испещрен.

Увы! народ добросердечный
Равно туда или сюда
Несет надежду жизни вечной
И трепет Страшного суда.
Но я, смиренно признаюся,
Я не надеюсь, не страшуся,
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю.
Философ я; у вас в глазах
Мое ничтожество я знаю.

⟨1829⟩

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье!
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет —
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках.

⟨1829⟩

МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

<1829>

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И, красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда;
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небосклон.

Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!

1829

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.

Интерьер кабинета
Рис неизвестного художника Черная акварель
1830-е годы
Государственный музей А С Пушкина Москва

Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал;
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотел.

1831

* * *

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седою мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёт?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.

Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О, провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

<1831 (?)>

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
Все дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

* * *

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных брегах, по склону их русла;
Ель величавая стоит, где возросла,

Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путем неведомая сила
Влечет. Бродячий ветр не волен, и закон
Его летучему дыханью положен.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем,
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желания со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не ее ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

(1833)

* * *

Наслаждайтесь: все проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

(1834)

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?

Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?
Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

⟨1834⟩

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

⟨1834⟩

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радует ее
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенье мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

〈1834〉

* * *

Вот верный список впечатлений
И легкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его — не гений.

Подобен он скрыжали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный —
Все, что творим мы под луной.
Я много строк моих, о Лета!
В тебе желал бы окунуть
И утаить их как-нибудь
И от себя и ото света...
Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли,
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое —
Покой, домашние отрады.
И, погружен в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

<1834 (?)>

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;

В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт,— идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поет, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подъемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонил:

Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. голос волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошию свет,
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

⟨1835⟩

НЕДОНОСОК

Я из племени духóв,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце — радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним, как облачкó;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет
И до облак, свод небесный
Омрачивших, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянуся ли на землю —
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу кроюсь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу, как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

⟨1835⟩

БОКАЛ

Полный влагой искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин,—
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Все твое, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;

Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк —
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченье
Общежительных страстей —
В одиноком упоенье
Мгла падет с его очей!

⟨1835⟩

ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла вится вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.

Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой,—

Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой,—

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем,—
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,

Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сровняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей,—
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1836—1837

* * *

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

⟨1837⟩

* * *

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области — сияния и тьмы —
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек.

⟨1839⟩

* * *

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

1839

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

〈1839〉

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

〈1840〉

МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно.

Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

⟨1840⟩

* * *

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

⟨1840⟩

РИФМА

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа, жадного восторгов мусикийских,—
В нем вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил, и славословил он
Или оплакивал народную фортуну,
И устремлялися все взоры на него,
И силой слова своего

Вития властвовал народным произволом,—
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет форума!..
Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет,
Велика ль творческая дума.
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг иль высший дар?
Реши вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею лаской поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

⟨1840⟩

РОПОТ

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

⟨1841⟩

АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной,
Ты ли, долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?

Омовен ее водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

⟨1841⟩

СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет,

Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

⟨1841⟩

* * *

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

〈1841〉

* * *

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит,—

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудию восстонет,

И тихий гроб твой посетит,
И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — но сложится певцу
Канон намеднишним Зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.

〈1843〉

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,—
К ее сынам еще взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, по прав;
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

<1843(?)>

* * *

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический Древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?

Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне долы, леса благовонны,
Снятся упадших чертогов колонны!

<1843(?)>

* * *

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий находъ,
Сей сладкий трепет вдохновенья,—
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу! Боюся я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

<1844>

* * *

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.
О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

1844

ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбачья качается в море,—
С брегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

1844

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я.—
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

〈1814〉

К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.

Не забудь края златые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

〈Между 1814 и 1819 гг.〉

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери,—

Тот в советах не мудрствует; на́ стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассевает от взоров,— и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

⟨1815(?)⟩

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!

О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф,—
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.

Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

⟨1821(?)⟩

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия,—
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл,—
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного *люблю*
Не повторяйте ей!

⟨1821 или 1822⟩

ВДОХНОВЕНИЕ

Сонет

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И, пре́зренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Сонет

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с каменой сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовию пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил,
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

1822

СОНЕТ

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже *нет*
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость.

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822

Портрет неизвестной.
Рис. П. Ф. Соколова. Итальянский карандаш, сангина.
1810-е годы.
Государственная Третьяковская галерея. Москва.

РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне,— и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

1823

РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя,—
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

С. Д. П<О Н О М А Р Е В>О Й
(ПРИ ПОСЫЛКЕ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСПАНИИ», СОЧ. БУЛГАРИНА)

Сонет

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.

Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.

Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье,

Устам — коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк власов,
И всю тебя одел в очарованье!

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья-пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги,
В лесе звери лютые,
Да не люди!

1824

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны младые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенесть.

1824

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли, у младой,
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли, у младой,
Жар-колечко на руке,
У меня ли, у младой,
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: они их, друг к другу склонясь, именами срослися.
Нимфы дерев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладби́ще к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

ЭПИЛОГ

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Все искал душою я.
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.

1828

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой живит;
Вместе с любовницей юношу мучит, маня непрестанно
В лучший и лучший мир, новой и новой красой;

Мужа степенного лавром иль веткой дубовой прельщает,
Бедному ж старцу она тщетным ничем не блестит!
Нет! на земле опустевшей кажет печальную урну
С прахом потерянных благ, с надписью: в небе найдешь.

(1829)

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман;
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко».

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать».

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчанье
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданье
Протекает ночь моя.

〈1830 или 1831〉

* * *

Пусть нам даны не навсегда
И жизнь, и жизни наслажденье,
Пусть, как падучая звезда,
Краса блестит одно мгновенье,
Да будет так! Закон богов
Без ропота благословляю,
А все на путь мой я цветов,
Как жизнь минутных, рассыпаю.

〈?〉

* * *

Когда крылам воображенья
Ты вдохновенный миг отдашь,
Прости земные обольщенья,
Схвати, художник, карандаш.

Богами на сие мгновенье
Весь озаряется дух наш,
Ты вскрикнешь: в тайне я творенья
Постигнул помысл, боги, ваш.

〈?〉

* * *

Нет, я не ваш, веселые друзья,
Мне беззаботность изменила.
Любовь, любовь к молчанию меня
И к тяжким думам приучила.

Нет, не сорву с себя ее оков!
В ее восторгах неделимых,
О, сколько мук! О, сколько сладких снов!
О, сколько чар неодолимых!

〈?〉

ПЕСНЯ

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим;
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Здесь нет ни скиптра, ни оков.
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!»
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

1823

ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим,
Ты не мешай!

1823

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,

Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

1823

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть?
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О, витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,

И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Все пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана,—
То грозная рать победителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит.
То, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана,—
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

1824

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

1824

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода,—
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

1825

НАСТОЯЩЕЕ
6 АПРЕЛЯ 1825

Элегия

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера,—
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

1825

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю

Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

1825

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

1825

ЭЛЕГИЯ

Свободен я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

1825

* * *

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не милость царственного взгляда,
Не золото и не звезда!
Служа несозданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?

Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

1825

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

1825

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;

У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или, путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленье пропадет.

1825

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые,—
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

1826

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе!
И славой прадедов горжусь!
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья,—
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений [1]
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

1826

[1] Аспидная доска, на которой стихи пишут.

КНЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены,—
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало́ вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

1827

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним долы,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый,

И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует, разгульна и вольна;
Где, весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, студенчески шумна,—

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано;
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

1829

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

1829

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...

Тщетно! бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
У́брал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830

КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает,
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится,
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

1831

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье
И знаешь свой благословенный путь;

Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово,—

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай саха́рных уст порока
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих;
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным,—
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет,
Дрожащий страхом и стыдом!

1831

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне,—
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,

В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней;
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

1832

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами.
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась,
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!

Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен

Был ее войнский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

1835

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет, грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

1839

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумье, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,

Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно,— резва, удала.

1840

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный,—
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

⟨1841⟩

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странáх я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный,
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841

САМПСОН

А. С. Хомякову

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья Филистимской земли,
Себе на потеху они — и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила.
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему,—
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Самсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Самсон;
Но выросли кудри его, но смирился
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели,— и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Самсона!» И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Самсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

1846

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Фантазия

П. А. Плетневу

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Все спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо:
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет,—
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной ночи не гневите!..
О! свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

〈1825〉

НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи́ отдана;
Штыками могилу копали:
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе —
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

⟨1825⟩

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна,
Одна, на городской стене;

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил,—
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

1825

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв—ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1827

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Будут жилы мои;
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!
Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщу чела моего,
И, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Неподвижен и смел
Встречу миг роковой
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.
Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою,
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух
Стариков оживит;
И пройдет по устам
Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
«Ты достойный прапрадедов сын!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разольем
Пыл вражды боевой.
Победим, поразим
И врагам отомстим!
Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я, недвижим и смел,
Встречу миг роковой!

⟨1828⟩

ПЕСНЬ ПОГИБАЮЩЕГО ПЛОВЦА

1

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

2

Все чернее
Свод надзвездный,
Все страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!

Как заклятый,
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

3

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод —
Вздох пустынный
Разнесет!

4

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой,—
И расстаться
Мне с мечтой!

5

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы,—
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

6

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

7

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любови
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!

8

Парус белый,
Перелетный,
Якорь смелый,
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей!

9

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?

Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!

10

Все чернее
Свод надзвездный;
Все страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет—
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

⟨1828⟩

ОСУЖДЕННЫЙ

Нас было двое — брат и я...
А. П[ушкин]

1

Я осужден! К позорной казни
Меня закон приговорил!
Но я печальный мрак могил
На плахе встречу без боязни,—
Окончу дни мои, как жил!

2

К чему раскаянье и слезы
Перед бесчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мне слышать вопли, и угрозы,
И гул проклятий за собой?

3

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел!..

4

Не розы светлого Пафо́са,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине,—
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

5

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Как холод с южною весной
Или фантазия поэта
С унылой северной луной!

6

Мои утраченные годы
Текли, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илистой земли.

7

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон;
Но быстрый бег остановлен,
И мне размах холодной стали
Готовит праведный закон.

8

Взойдет она, взойдет, как прежде,
Заутра ранняя звезда,—
Проснется неба красота,—
Но я!.. Я небу и надежде
Скажу: «Простите навсегда!»

9

Взгляну с улыбкою печальной
На этот мир, на этот дом,
Где я был с счастьем незнаком,
Где я, как факел погребальный,
Горел в безмолвии ночном.

10

Где, может быть, суровой доле
Я чем-то свыше обречен!
Где я страстями заклеймен,—
Где чем-то свыше, поневоле,
Я был на время заключен!

11

Где я... Но что?.. Толпа народа
Уже кипит на площади...
Я слышу: «Узник, выходи!»
Готов — иду!.. Прости, природа,
Палач, на казнь меня веди!..

(1828)

ПРОВИДЕНИЕ

Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений
Своих отцов
Враг утеснений,
Как царь духов,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал.
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера

Не созданы,—
Гордыне смелой
Они смешны.
Злодей созрелый,
В виду смертей
В когтях чертей —
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,
Как хладный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!
Печать проклятий —
Удел моих
Подземных братий,
Тиранов злых
Себя самих —
Уже клеймилась
В моем челе;
Душа ко мгле
Уже стремилась...
Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий.
Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень,—
И в думе лютой
Все решено;
Еще минута,
И... свершено!..
Но вдруг нежданный
Надежды луч,
Как свет багряный,

Блеснул из туч.
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил,—
И Каин новый
В душе суровой
Творца почтил.
Непостижимый,
Неотразимый,
Он снова влил
В грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Он снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!
Гори ж, сияй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!

1828

ПЕСНЯ

У меня ль, молодца́,
Ровно в двадцать лет
Со бела со лица
Спал румяный цвет,
Черный волос кольцом
Не бежит с плеча;
На ремне золотом
Нет грозы-меча,
За железным щитом
Нет копья-огня,
Под черкесским седлом

Нет стрелы-коня;
Нет перстней дорогих
Подарить милóй!
Без невесты жених,
Без попа налой...
Расступись, расступись,
Мать сыра-земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!
Лишь по ней, по милóй,
Красен белый свет;
Без милóй, дорогой
Счастья в мире нет!

⟨1830—1831⟩

АХАЛУК

Ахалук мой, ахалук,
Ахалук демикотонный,
Ты работа нежных рук
Азиатки благосклонной!
Ты родился под иглой
Атагинки чернобровой,
После робости суровой
И любви во тьме ночной.
Ты не пышной пестротою,
Цветом гордых узденей,
Но смиренной простотою,
Цветом северных ночей,
Мил для сердца и очей...
Черен ты, как локон длинный
У цыганки кочевой;
Мрачен ты, как дух пустынный —
Сторож урны гробовой;
И серебряной тесьмою,
Как волнистою струею
Дагестанского ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалме,
Никогда луна во тьме,
Ни чело твое, о База, —

Это бледное чело,
Это чистое стекло,
Споря в живости с опалом,
Под ревнивым покрывалом —
Не сияли так светло.
Ах, серебряная змейка,
Ненаглядная струя —
Это ты, моя злодейка,
Ахалук суровый — я!

⟨1832⟩

НЕГОДОВАНИЕ

Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное,
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось от очей!
Ты не светишь мне по-прежнему,
Не горишь в моей груди —
Предан року неизбежному
Я на жизненном пути.
Тучи мрачные, громовые
Над главой моей висят,
Предвещания суровые
Дух унылый тяготят.
Как я много драгоценного
В этой жизни погубил!
Как я идола презренного —
Жалкий мир боготворил!
С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовию ревнивою
Исступленного жреца,
Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудка луч божественный
На безумство променял!
Как преступник, лишь окованный

Правосудною рукой,—
Грозен ум, разочарованный
Светом истины нагой!
Что же?.. Страсти ненасытные
Я таил среди огня,
И друзья — злодеи скрытные —
Злобно предали меня!
Под эгидою ласкательства,
Под личиною любви,
Роковой кинжал предательства
Потонул в моей крови!
Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов
И, попранному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле?
Между тем как притеснители —
Властелины на земле!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи,—
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумир!
Вашу внутренность голодную
Не насытит целый мир!
Ваши зубы кровожадные
Блещут лезвием косы —
Так грызитесь, плотоядные,
До последнего, как псы!..

⟨1834⟩

САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой

Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я шутя
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

⟨1834⟩

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Разлюби меня, покинь меня,
Доля-долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная!

Не припомню я счастливых дней —
Не знавал я их с младенчества!
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества!

Слышал я, что будто божий свет
Я увидел с тихим ропотом,
А потом житейских бурь и бед
Не избегнул горьким опытом.

Рано, рано ознакомился
Я на море с непогодою;
Поздно, поздно приготовился
В бой отчаянный с невзгодою!

Закатилася звезда моя,
Та ль звезда моя туманная,
Что следила завсегда меня,
Как невеста нежеланная!

Не ласкала, не лелеяла,
Как любовница заветная,—
Только холодом обвеяла,
Как изменница всесветная!

⟨1835—1836⟩

ПОСЛАНИЕ К Р〈ОЖАЛИ〉НУ

Я молод, друг мой, в цвете лет,
Но я изведал жизни море,
И для меня уж тайны нет
Ни в пылкой радости, ни в горе.
Я долго тешился мечтой,
Звездам небесным слепо верил
И океан безбрежный мерил
Своею утлою ладьей.
С надменной радостью, бывало,
Глядел я, как мой смелый челн
Печатал след свой в бездне волн.
Меня пучина не пугала:
«Чего страшиться? — думал я,—
Бывало ль зеркало так ясно,
Как зыбь морей?» Так думал я
И гордо плыл, забыв края.
И что ж скрывалось под волною?
О камень грянул я ладьею,
И вдребезги моя ладья!
Обманут небом и мечтою,
Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался,
Тебя с восторгом я обнял,
Поверил снова наслажденьям
И с хладной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья.

1825

К ПУШКИНУ

Известно мне: доступен гений
Для гласа искренних сердец.
К тебе, возвышенный певец,
Взываю с жаром песнопений.
Рассей на миг восторг святой,
Раздумье творческого духа
И снисходительного слуха
Младую музу удостой.
Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный поэт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет
И тень всемирныя печали,
Хвалебным громом прозвучали
Твои стихи ему вослед.
Ты дань принес увядшей силе
И славе на его могиле
Другое имя завещал.
Ты тише, слаще воспевал
У муз похищенного галла.
Волнуясь песнею твоей,
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:
К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец:
Он наш — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель хладеющие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас,
К знакомым думам клонят нас.

Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой,
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный,
Ответно лебедь запоет
И, к небу с песнию прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.

1826

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вкруг него, в чаду утех,
Бушует ветреная младость,
Безумный крик, нескромный смех
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все спокойно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья —
Все тайна в нем, все в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства...

Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь —
Душа, без страха, без искусства,
Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах...
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом —
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов;
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья.

1826

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас;
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалека,—
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривый!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на все глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

1826

МОЯ МОЛИТВА

Души невидимый хранитель,
Услышь моление мое!
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям;
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени,
Да взор холодный их не встретит,
Да луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

1826

ИТАЛИЯ

Италия, отчизна вдохновенья!
Придет мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я люблю твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой по воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю

И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.
Как весело в нем утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О мир сует! тогда от мыслей прочь!
В объятьях нег и в творческом покое
Я буду жить в минувшем средь певцов,
Я вызову их сонмы из гробов!
Тогда, о Тасс! твой мирный сон нарушу,
И твой восторг, полуденный твой жар
Прольет и жизнь, и песней сладких дар
В холодный ум и в северную душу.

1826

ЭЛЕГИЯ

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огнь в груди моей зажгла.
Но этот огнь томительный, мятежный,
Он не горит любовью тихой, нежной,—
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

⟨1826 или 1827⟩

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла...
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран,
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье,—
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тебя в прощанье не забуду:
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь

Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

⟨1826 или 1827⟩

* * *

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,
Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу,—
Мне тайный голос отвечал,—
Но дай им выбор и свободу,
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный —
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,
Как сон туманный, пролетят
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд,—
Смирится гордое желанье
Весь мир обнять в единый миг,
И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья.

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,

То пыл страстей, то жар любви
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжет тень,
Уныло вечер воспевает
И утром весело встречает
В румяном небе светлый день.

⟨1826 или 1827⟩

* * *

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

⟨1827(?)⟩

Я ЕСМЬ

Да будет! — был глагол творящий
Средь бездн ничтожества немых:
Из мрака смерти — свет живящий
Ответствует на глас — и вмиг
Из волн ожившего эфира
Согласные светила мира
По гласу времени летят,
Стихии жизнию кипят,
Хор тварей звуками немыми
Ответ творящему воздал;
Но человек восстал над ними
И первым словом отвещал:
Я есмь! — и в сей глагол единый, совершенной
Слился нестройный тварей хор,
И глас гармонии был отзыв во вселенной,
И примирен стихий раздор.
И звук всесильного глагола
Достиг до горнего престола,
Отколе глас творящий был:
Ответу внял от века сущий,
И в нем познал свой глас могущий,
И рекшего благословил.

Мир бысть — прошли века, но в каждое мгновенье
Да будет! — оглашает свет,
И человек за все творенье
Дает творящему ответ.

Быстрей, чем мысль в своем паренье,
Века ответ его передают векам;
Так на крылах грозы ужасной
Несется гром далекогласной
По неизмерным небесам
От облаков ко облакам.
Сим гласом жизни и свободы
Наук воздвигнут светлый храм,
Открыты тайны в нем природы
И светит истина очам.
Так мудрость малый сонм предводит
Любимцев избранных ея
И по ступеням бытия
К началу вечному возводит.
Сим гласом в роковой борьбе
Муж доблести исполнен жаром,
Соперник мстительной судьбе,
Ответствует ее ударам.
Судьба бесщадная разит
И силе смертной изумилась;
Над жертвой смерть остановилась;
Гремит косой, и глас гремит.
Ни звук времен его не заглушит.
Великих нет, но подвиги их живы!
Над мраком воспарил их дух,
И славы дальние отзывы
Потомства поражают слух.

Сим гласом держится святая прав свобода!
Я есмь! — гремит в устах народа
Перед престолами царей,
И чтут цари в законе строгом
Сей глас, благословенный богом.
В раздорах царств, на поле прей
Велик, и силен, и возвышен,
Во звуке гневного оружия он слышен!
Стеклись два воинства: где глас в сердцах сильней,
Одушевлен любовью, раздается,
Победа там несется!
Но выше он гремит, согласнее, звучней,
В порывах творческого чувства,
Им создан дивный мир искусства —
И с неба красота в лучах
Пред взором Гения явилась

Александринский театр. Фрагмент панорамы «Невский проспект».
Литография П. Иванова с оригинала В. С. Садовникова.
1835 г.
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва.

И в звуках, образах, словах
Чудесной силой оживилась.
Как в миг созданья вечный бог
Узрел себя в миророжденье,
Так смертный человек возмог
Познать себя в своем творенье.

Греми сильней, о мощный глас!
И ныне, и в веках грядущих
Звучи дотоле, как, слиясь
Со звуками миров, в ничтожество падущих,
Ты возгремишь в последний раз.

<1825>

ГЛАГОЛ ПРИРОДЫ

Гром грянул! Внемлешь ли глаголу
Природы гневной — сын земли?
Се! духи и горе и долу
Ее вещанья разнесли!
Она язык свой отрешает,
Громами тесный полнит слух
И человека вопрошает:
Не спит ли в нем бессмертный дух?

Мой дух — не спи! — на зов природы
Ответ торжественный воспой,
Что ты, небесный страж свободы,
Не дремлешь, праздный и немой.
И с благозвучными громами
Земные песни согласи
И вместе с горними духами
Ее глаголы разнеси.

Проснитесь, негой усыпленны!
В великий испытанья миг.
О, горе! вас глагол вселенны
В дремоте леностной застиг.
Вы вняли, вы затрепетали,
Страшитесь — не на суд ли вас?
Какой бы вы ответ сказали,
Когда б пробил вам грозный час?

Мой дух! там *он* седит за тучей!
Завесу неба раздери
И прямо с верою могучей
К престолу славы воспари.
И, в огневую багряницу
Облекшись, ангелом сияй,
И громоносную десницу
У милосердого лобзай.

〈1825〉

СОН

Мне бог послал чудесный сон:
Преобразилася природа,
Гляжу — с заката и с восхода,
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных
В порфирах огненно-янтарных —
И над воскреснувшей землей
Чета светил по небокругу
Течет во сретенье друг другу.
Все дышит жизнию двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы —
И кровь ключом двойным течет
По жилам божия творенья,
И мир удвоенный живет
В едином миге два мгновенья.

И с сердцем грудь полуразбитым
Дышала вдвое у меня,—
И *двум* очам полузакрытым
Тяжел был свет *двойного* дня.
Мой дух предчувствие томило:
Ударит полдень роковой,
Найдет светило на светило,
И сокрушительной войной
Небесны огласятся своды,
И море смерти и огня
Польется в жилы всей природы:
Не станет мира и меня...

И на последний мира стон
Последним вздохом я отвечу.
Вот вижу роковую встречу,
Полудня слышу вещий звон:
Как будто молний миллионы
Мне опаляют ясный взор,
Как будто рвутся цепи гор,
Как будто твари слышны стоны...
От треска рухнувших небес
Мой слух содрогся и исчез.
Я бездыханный пал на землю.
Прошла гроза — очнулся — внемлю:
Звучит гармония небес,
Как будто надо мной, незримы,
Егову славят серафимы.
Я пробуждался ото сна —
И тихо открывались очи,
Как звезды в мраке бурной ночи,—
Взглянул горé: прошла война;
В долинах неба осиянных
Не видел я двух солнцев бранных —
И вылетел из сердца страх!
Прозрел я смелыми очами
И видел: светлыми семьями
Сияли звезды в небесах.

〈1827〉

МЫСЛЬ

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но прúдет час — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком.
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана;
Не подточить его червям времен;
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потопом дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой

Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,
И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.

〈1828〉

МУДРОСТЬ

О мудрость, матерь чад небесных!
Тобой измлада вскормлен я:
Ты мне из уст твоих чудесных
Давала пищу бытия.
На персях девственных главою
Я под хранительной рукою
Невинен, чист и тих лежал;
Твоими тешимый речами,
Младенца чистыми устами
Твое млеко я принимал,
И в пламени восторгов сильных
Я в мед словес в речах обильных
Его чудесно претворял;
Под песни твоего ученья
Я сном глубоким засыпал
И мира дивные виденья
Недвижным оком созерцал.
Под солнцем истины незнойным
Полетом ровным и спокойным
По стройной пропасти светил
Мой дух восторженный парил,
И возносился он далёко,
И насыщал и слух и око.
Шумели воды, вихрь и лес,
Перуны падали с небес,
И волновались океаны,
И разверзалися волканы,

Казнила мир палач-война,
Упрямо резались народы
За призрак счастья и свободы...
И, как потопная волна,
Лилась река их теплой крови.
Но в каждом стоне бытия
Духовным слухом слышал я
Великолепный гимн любови
Во славу бога и отца,
И прерывалося стенанье,
И всесотворшего творца
Хвалило всякое дыханье.
И выше, выше я парил,
За грани вечные светил,
В чертог духов и божьей славы,
И слышал их, и видел трон,
Где восседит незримый он,
И сотряслись мои составы
И зазвучали, как тимпан:
Мне долу вторил океан,
Горé мне вторили перуны:
Мои все жилы были струны,
Я сам — хваления орган.

〈1828〉

СТАНСЫ

Когда безмолвствуешь, природа,
И дремлет шумный твой язык:
Тогда душé моей свобода,
Я слышу в ней призывный клик.

Живее сердца наслажденья,
И мысль возвышенна, светла:
Как будто в мир преображенья
Душа из тела перешла.

Ее обнял восторг спокойной,
И песни вольные живей
Текут рекою звучной, стройной,
В святом безмолвии ночей.

Когда же мрачного покрова
Ты сбросишь девственную тень,
И загремит живое слово,
И яркий загорится день:

Тогда заботы докучают
И гонит труд души покой,
И песни сердца умолкают,
Когда я слышу голос твой.

⟨1828(?)⟩

ПЕТРОГРАД

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу ее волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Петр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречен
По строителе высоком:
Для моей России он
Просвещенья будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесет
В пользу чад моих вселенна,—
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!..
Истекают реки злата,
И родится чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглися миллионы:
Всходят храмы из громад,
И чертоги, и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадший солнца луч
Или луч Петровой славы.
Что чернеет лоно вод?
Что шумят валы морские?
То дары Петру несет
Побежденная стихия.

Прилетели корабли,
Вышли чуждые народы
И России принесли
Дань наук и плод свободы.
Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
Помнит мстительное море
И да мщенья примет мзду,
Шлет на град потоп и горе.
Ополчается Нева,
Но от твердого гранита,
Не отъяв свои права,
Удаляется, сердита.

На отломок диких гор
На коне взлетел строитель;
На добычу острый взор
Устремляет победитель;
Зоркий страж своих работ
Взором сдерживает море
И насмешливо зовет:
«Кто ж из нас могучей в споре?»

1829

ТЯЖЕЛЫЙ ПОЭТ

Как гусь, подбитый на лету,
Влачится стих его без крылий;
По напряженному лицу
Текут следы его усилий.
Вот после муки голова
Стихами тяжко разродилась:
В них рифма рифме удивилась,
И шумно стреснулись слова.

Не в светлых снах воображенья
Его поэзия живет;
Не в них он ловит те виденья,
Что в звуках нам передает;
Но в душной кузнице терпенья,
Стихом, как молотом, стуча,
Кует он с дюжего плеча
Свои чугунные творенья.

⟨1829⟩

ЧТЕНИЕ ДАНТА

Что в море купаться, то Данта читать:
Стихи его тверды и полны,
Как моря упругие волны!
Как сладко их смелым умом разбивать!
Как дивно над речью глубокой
Всплываешь ты мыслью высокой:
Что в море купаться, то Данта читать.

⟨1830⟩

КЛИНОК

Не презирай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.
Мечи с красивою оправой,
В златых покояся ножнах,
Блистали тщетною забавой
На пышных роскоши пирах;
А он в порывах бурь военных
По латам весело стучал
И на главах иноплеменных
Об Руси память зарубал.
Но тяжкий меч, в ножнах забытый
Рукой слабеющих племен,
Давно лежит полусокрытый
Под едкой ржавчиной времен
И ждет, чтоб грянул голос брани,
Булата звонкого призыв,
Чтоб вновь воскрес в могущей длани
Его губительный порыв;
И там, где меч с златой оправой
Как хрупкий сломится хрусталь,
Глубоко врежет след кровавый
Его синеющая сталь.

Так не бросай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.

⟨1830⟩

К***

Когда гляжу, как чисто и зеркально
Твое чело,
Как ясен взор,— мне грустно и печально,
Мне тяжело.

Ты знаешь ли, как глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдал без возврата
Я жизнь свою!

Когда умрет пред хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремят правдивого укора
Мои уста.

Но пропою в последнее прощанье
Я песнь одну;
В ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И, слыша песнь, каким огнем согрета
И как грустна,
Узнает мир, что в ней душа поэта
Схоронена.

⟨1836⟩

РОССИИ

«Гордись! — тебе льстецы сказали.—
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!
Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озеры...»
Не верь, не слушай, не гордись!

Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись —
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!
Грозней тебя был Рим великой,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпим был огнь булата
В руках алтайских дикарей;
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.
И что же Рим? и где монголы?
И, скрыв в груди предсмертный стон,
Кует бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!
Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчанье сердца сокровенна,
Глагол творца приняла ты,—
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительной сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,

Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и, все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный вышнего покров!

1839

КИЕВ

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко песни раздалися,
В небе тих вечерний звон:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон?»

«Я оттуда, где струится
Тихий Дон — краса степей».
«Я оттуда, где клубится
Беспредельный Енисей!»

«Край мой — теплый брег Эвксина!»
«Край мой — брег тех дальних стран,
Где одна сплошная льдина
Оковала океан».

«Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов,
Там страна моя родная!»
«Мне отчизна — старый Псков».

«Я от Ладоги холодной».
«Я от синих волн Невы».
«Я от Камы многоводной».
«Я от матушки-Москвы».

Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.

Знаем мы: в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнца вечного восток.

И теперь из стран далеких,
Из неведомых степей,
От полночных рек глубоких —
Полк молящихся детей —

Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны...
Братцы, где ж сыны Волыни?
Галич, где твои сыны?

Горе, горе! их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры.

Меч и лесть, обман и пламя
Их похитили у нас;
Их ведет чужое знамя,
Ими правит чуждый глас.

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моленья и любви.

И отторженные дети,
Лишь услышат твой призыв,
Разорвав коварства сети,
Знамя чуждое забыв,

Снова, как во время оно,
Успокоиться придут
На твое святое лоно,
В твой родительский приют.

И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой,
К жизни духа, к духу жизни,
Возрожденные тобой!

1839

ВИДЕНИЕ

Как темнота широко воцарилась!
Как замер шум денного бытия!
Как сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь мир лежит в торжественном покое,
Увитый сном и дивной тишиной;
И хоры звезд, как празднество ночное,
Свои пути свершают над землей.

Что пронеслось, как вешнее дыханье?
Что надо мной так быстро протекло?
И что за звук, как арфы содроганье,
Как лебедя звенящее крыло?
Вдруг свет блеснул, полнеба распахнулось;
Я задрожал, безмолвный, чуть дыша...
О, перед кем ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? скажи, моя душа!

Ты здесь, ты здесь, владыка песнопений,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный друг, мой благодатный гений,
Опять, опять ко мне явился ты!
Все та ж весна ланиты оживленной,
И тот же блеск твоих эфирных крыл,
И те ж уста с улыбкой вдохновенной;
Все тот же ты,— но ты не то, что был.

Ты долго жил в лазурном том просторе,
И на челе остался луч небес;
И целый мир в твоем глубоком взоре,
Мир ясных дум и творческих чудес.
Прекраснее, и глубже, и звучнее
Твоих речей певучая волна;
И крепкий стан подъемлется смелее,
И звонких крыл грознее ширина.

Перед тобой с волненьем тайным страха
Сливается волнение любви.
Склонись ко мне; возьми меня из праха,
По-прежнему мечты благослови!
По-прежнему эфирным дуновеньем,
Небесный брат, коснись главы моей;
Всю грудь мою наполни вдохновеньем;
Земную мглу от глаз моих отвей!

И полный сил, торжественный и мирный,
Я восстаю над бездной бытия...
Проснись, тимпан! проснися, голос лирный!
В моей душе проснися, песнь моя!
Внемлите мне, вы, страждущие люди;
Вы, сильные, склоните робкий слух;
Вы, мертвые и каменные груди,
Услыша песнь, примите жизни дух!

(1840)

* * *

Вчерашняя ночь была так светла,
Вчерашняя ночь все звезды зажгла
Так ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющий лес,
На воды, блестящие блеском небес,
Я думал: о! жить в этом мире чудес
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна в одежде зеленых ветвей
Дубрава,

Прекрасна любовь с вечно свежим венком,
И дружбы звезда с неизменным лучом,
И песен восторг с озаренным челом,
И слава!

Взглянул я на небо — там твердь ясна:
Высоко, высоко восходит она
Над бездной;
Там звезды живые катятся в огне,
И детское чувство проснулось во мне,
И думал я: лучше нам в той вышине
Надзвездной.

⟨1841⟩

ДАВИД

Певец-пастух на подвиг ратный
Не брал ни тяжкого меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лат с Саулова плеча;
Но, духом божьим осененный,
Он в поле брал кремень простой —
И падал враг иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты — когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых —
Не налагай на правду божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом:
Ее оружье — божье слово,
А божье слово — божий гром!

⟨1844⟩

РОССИИ

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом — то божий меч!

1854

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;

Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сиянье новом и святом!

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна,— ангел бога
С огнесверкающим челом!

1854

* * *

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились,—
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у *подвига* крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья

Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

1859

* * *

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

«Дитя мое, дитятко.
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим.

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

⟨1832⟩

* * *

По по́лю, по́лю чистому,
По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От бури лишь поморщится,
Не зная, что́ волна...

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы —
Всегда в одной красе;
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

Но долго ль, долго ль реченьке
Катиться по цветам?
Ждут бездны моря светлую
В дали туманной *там*.

О поле, поле чистое,
Осиротеешь ты...
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цветы!

Ах, речка, речка светлая,
Изменчив наш удел...
На резвый бег твой по полю
Сквозь слезы я глядел:

И я жил резво, весело,
Певал в былые дни
И радости сердечные
Лишь чувствовал одни!

Но все переменяется,
Проходит все, как сон,—
И я грустить-печалиться
До гроба осужден.

⟨1834⟩

ПЕСНЯ

Не велят Ване по улице ходить;
Не велят ему красавицу любить.

Вечер Ванюшка задумавшись сидел
И частехонько на улицу глядел.

Дожидался мила друга своего
И кручинился, не видевши его.

«Ах, ужель меня сердечный друг забыл? —
Он, вздыхая, сам с собою говорил.—

Нет, не хочет красоты своей казать!
Без меня она не хочет здесь играть!

Не выходит в резвый сельский хоровод,
Не вмешается в гуляющий народ.

Знать, ей скучно, знать, печаль одна со мной!
Ах, скорее покажись, друг милый мой!»

⟨1828⟩

ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

⟨1827⟩

<ИЗ КНИГИ «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ»>

* * *

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгом искр его копыт,
Что голос бога справедливой
Над миром скоро прогремит!

Клянусь вечернею зарею
И утра блеском золотым:
Он семь небес своей рукою
Одно воздвигнул над другим!

Не он ли яркими огнями
Зажег сей беспредельный свод?
И он же легкими крылами
Парящих птиц хранит полет.

Когда же пламенной струею
Сверкают грозно небеса
Над озаренною землею —
Не бога ли блестит краса?

Без веры в бога мимо, мимо
Промчится радость бытия:
Пошлет ли он огонь без дыма
И дым пошлет ли без огня?

* * *

Уж близок день, когда печаль наляжет
На дикое преступника чело;
Когда ему гремящий голос скажет,
Куда его безумье завлекло!
Убив навек дни радости живые,
Не утолит он глада своего,
И кости лишь преступника сухие
Провозгласят о бытии его:
На них огонь струею разольется,
И от него взвивающийся дым,
О гибели предвозвещая злым,
На высотах далеко пронесется!

Но в сей же день, при стройном шуме вод,
Под тенью мирт, на ложе отдыхая,
Блаженный муж, беспечный, познает
Все радости, все наслажденья рая!

И гурия, блестящая красой,
Его дарит любви святой приветом,
И юноша, жемчужною рукой,
Ему несет златой сосуд с шербетом.

* * *

Когда в единый день творенья
Творец свой утвердил престол
И человек один из тленья,
Как будто некий бог, исшел, —

Тогда мирам сказал создатель:
«Из праха человек возник,
Но, воли гордой обладатель,
Моею властью он велик!

Почтите вы, красы земные,
Венец созданья моего
И покоритеся, стихии,
Пред мощной волею его!»

Но искуситель дерзновенный
Один главы не преклонил —
И гнев создателя вселенной
Его проклятьем поразил.

Стая сатана, исполнен страха:
«Внемли ж, о сильный бог, меня:
Его ты сотворил из праха;
Тобой я создан из огня!»

* * *

Младые отроки с мольбой
Текли к властителю вселенной:
«Мы грянем правды глас святой —
И укротим порок презренной!..»
И, укрепленные творцом,
Закон повсюду возвещали;
Но им народы не внимали,—
И, утомленные путем,
Они узрели власть порока!
Храня в сердцах творца закон,
В пещере скрылися глубокой
И все вкусили сладкий сон.
Заката час и час восхода
Для них в единый миг слились,
Века над ними пронеслись,
И изменилася природа.
Тогда, забыв о прежнем зле,
Бодрее отроки восстали:
Народы всюду ликовали,
Светлее стало на земле.

1827

‹ИЗ ПОВЕСТИ В СТИХАХ «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»›

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокую!
Певень ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче веди под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю!

‹1831›

ПОРТРЕТ

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!
Коса и кудри темно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетанье
В живом огне ее очей,
И тихий звук ее речей
Рождает негу и желанье
В груди тоскующей моей.

1828

ИНДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Катитесь! волны,
Плещите! волны,
Шуми! поток!
Быстрей бегите
И вдаль несите
Мой огонек!

Там день свежее,
Там ночь темнее,
Цветы вокруг,
И дышит нега —
И он у брега,
Мой тайный друг.

Мои гаданья,
Мои признанья
Узнает он.
Всю ночь со мною,
Рука с рукою,
Забудет сон.

Как с ним украдкой
Свиданье сладко,
Не говорю,
Его дыханье,
Его лобзанье...
Ах! я горю!

Бегите! волны,
Плещите! волны,
Шуми! поток!
Гори светлее,
Катись быстрее,
Мой огонек!..

⟨1828⟩

* * *

Печальная душа, не сетуй, не болей,
Что в мире не сошлась с наперсницей своей.
Не мысли: дружбою ты уврачуешь горе,
Не мысли, что в любви земной таится рай,
Есть слезы у тебя — пусть лучше канут в море,
Есть вздохи — ветру их летучему отдай,
Но людям ничего святого не вверяй!..

Быть может, искренним участием богата,
В объятья примешь ты страдающего брата,
Поймешь его печаль — и с горестью чужой
Ты чувства теплого сольешься полнотой,

Тоски его себе отнимешь половину
И сгладишь мрачную с чела его морщину...
Благодари судьбу, когда он, в свой черед,
Тебе участия хоть признак принесет —
И, подавя в себе все нетерпенье скуки,
Прослушает рассказ твоей сердечной муки.

<1835>

БЫЛЫЕ ДНИ

Где б ни был я — со мною, как виденья,
Былые дни,
И не дают покоя и забвенья
Душе они!

Без умолку змеиным, звонким жалом
Шипит их рой,
И каждый звук скользит мне в грудь кинжалом
Или слезой!

Могу на миг разгульным, шумным пиром
Их заглушить,
Но уж душа полна священным миром —
Не может быть!

<1837>

* * *

И на людей и на природу
Гляжу в бесчувствии немом,
Черствея сердцем год от году,
Смеюсь ребячеству во всем,

Себе, другим я в тягость ныне,
Не знаю, чем себя развлечь,
Средь многолюдства, как в пустыне,
Не жду ни с кем желанных встреч.

Пейзаж.
Акварель И. И. Киселева.
Государственная Третьяковская галерея. Москва.

И что же? К жизни не привязан,
Я сбросить жизнь бы не хотел,
Как будто в будущем указан
Какой-то лучший мне удел.

Но сердца тяжкое бесстрастье
С надеждой самою в борьбе,
И, если б мог создать я счастье,
Его не создал бы себе!

<1845>

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,—
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, мóлодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

<1830-е годы>

СОМНЕНИЕ

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду,—
Душа истомилась в разлуке;
Я стражду, я плачу,—
Не выплакать горя в слезах.
Напрасно надежда
Мне счастье гадает,
Не верю, не верю
Обетам коварным!
Разлука уносит любовь.
Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает,
И тайно и злобно
Оружия ищет рука.
Напрасно измену
Мне ревность гадает,
Не верю, не верю
Коварным наветам.
Я счастлив,— ты снова моя.
Минует печальное время,—
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

1838

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подружкою своей
Жаворонок звонкой?

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

1840

БИВАК

Темно. Ни звездочки на черном неба своде.
Под проливным дождем на длинном переходе
Промокнув до костей, до сердца, до души,
Пришли на место мы — и мигом шалаши
Восстали, выросли. Ну слава богу: дома!
И — роскошь! — вносится в отрадный мой шалаш
Сухая, свежая, упругая солома.
«А чайник что?» — «Кипит». О чай — спаситель наш!
Он тут. Идет денщик — служитель ратных станов,
И слаще музыки приветный звон стаканов
Вдали уж слышится; и чайная струя
Спешит стаканов ряд наполнить по края.
Садишься и берешь — и с сладострастной дрожью
Пьешь нектар, радость пьешь, глотаешь милость божью.
Нет, житель городской: как хочешь, величай
Напиток жалкий свой, а только он — не чай!
Нет, люди мирные,— когда вы не живали
Бивачной жизнию — вы чаю не пивали.
Глядишь: все движется, волнуется, кипит;
Огни разведены — и что за чудный вид!
Такого и во сне вы, верно, не видали:
На грунте сумрачном необозримой дали
Фигуры воинов, как тени, то черны,
То алым пламенем красно освещены,

Картинно видятся в различных положеньях,
Кругами, группами, в раскидистых движеньях,
Облиты заревом, под искрами огней,
Со всею прелестью голов их поседелых,
Мохнатых их усов, нависших их бровей,
И глаз сверкающих, и лиц перегорелых.
Забавник-шут острит — и красное словцо
И добрый, звонкий смех готовы налицо.
Кругом и крик, и шум, и общий слитный говор.
Пред нами вновь денщик: теперь уж он как повар
Явился; ужин наш готов уже совсем.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Карем!
Прекрасно! И, делим живой артелью братской,
Как вкусен без приправ простой кусок солдатский!
Поели — на лоб крест — и на солому бух!
И уж герой храпит во весь геройский дух.
О, богатырский сон! Едва ль он перервется,
Хоть гром из тучи грянь, обрушься неба твердь.
Великолепный сон! Он глубже, мне сдается,
Чем тот, которому дано названье: смерть.
Там спишь, а душу все подталкивает совесть,
А над ухом ее нашептывает повесть
Минувших дней твоих; а тут... но барабан
Вдруг грянул — и восстал, воспрянул ратный стан.

⟨1836⟩

ПЕВЕЦ

Бездомный скиталец — пустынный певец,
Один, с непогодою в споре,
Он реет над бездной, певучий пловец,
Безъякорный в жизненном море;
Все вдаль его манит неведомый свет,
Он к берегу рвется, а берега нет.

Он странен; исполнен несбыточных дум,
Бывает он весел — ошибкой;
Он к людям на праздник приходит — угрюм;
К гробам их подходит — с улыбкой;
Всеобщий кумир их — ему не кумир:
Недаром безумцем зовет его мир.

Он ищет страданий — и всюду найдет;
Он вызовет, вымыслит муки,
Взлелеет их в сердце, а там перельет
В волшебные стройные звуки,
И сам же, обманутый ложью своей,
Безумно ей верит и плачет над ней.

Мир черный бранит он — и громы со струн
Срывает карательной дланью;
Мир ловит безвредно сей пышный перун,
Доволен прекрасною бранью,—
Как будто в забаву кидает певец
Потешное пламя на мрамор сердец.

Пред девой застенчив; он к милой своей
Не смеет войти с разговором;
Он, робкий, боится приблизиться к ней,
Коснуться к ней пламенным взором;
Святое молчанье смыкает уста;
Кипучая тайна в груди заперта;

И если признаньем язык задрожит —
Певец не находит напева:
Из уст его буря тогда излетит —
И вздрогнет небесная дева.
И трепетный ангел сквозь пламя и гром
Умчится, взмахнув опаленным крылом.

Захочет ли дружбе тогда протянуть
Страдалец безбрачную руку —
На чью упадет он отверстую грудь?
Родной всему свету по звуку,
Он тонет в печальном избытке связей,
И нет ему друга, хоть много друзей.

Враги его — мелких страстишек рабы,
Завистников рой беспокойных;
Для жарких объятий кровавой борьбы
Врагов ему нету достойных:
Один, разрушитель всех собственных благ,
Он сам себе в мире достойнейший враг.

⟨1837, 1856⟩

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ

В златые дни весенних лет,
В ладу с судьбою, полной ласки,
Любил я радужные краски:
Теперь люблю я черный цвет.

Есть дева — свет души моей,
О ком все песни и рассказы:
Черны очей ее алмазы
И черен шелк ее кудрей,

Мне музы сладостный привет
Волнует грудь во мраке ночи,
И чудный свет мне блещет в очи —
И мил мне ночи черный цвет.

Темна мне скучной жизни даль;
Печаль в удел мне боги дали —
Не радость. Черен цвет печали,
А я люблю мою печаль.

Иду туда, где скорби нет,
И скорбь несу душою сильной,
И милы мне — приют могильный
И цвет могильный — черный цвет.

⟨1838, 1856⟩

* * *

Пиши, поэт! Слагай для милой девы
Симфонии сердечные свои!
Переливай в гремучие напевы
Несчастный жар страдальческой любви!
Чтоб выразить отчаянные муки,
Чтоб весь твой огнь в словах твоих изник —
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!

И он поет. Любовью к милой дышит
Откованный в горниле сердца стих.
Певец поет: она его не слышит;
Он слезы льет: она не видит их.

Когда ж молва, все тайны расторгая,
Песнь жаркую по свету разнесет
И, может быть, красавица другая
Прочувствует ее, не понимая,
Она ее бесчувственно поймет;
Она пройдет, измерит без раздумья
Всю глубину поэта тяжких дум;
Ее живой быстро-летучий ум
Поймет язык сердечного безумья,—
И, гордого могущества полна,
Перед своим поклонником она
На бурный стих порой ему укажет,
Где вся душа, вся жизнь его горит,
С улыбкою: «Как это мило!» — скажет
И, легкая, к забавам улетит.
А ты ступай, мечтатель неизменный,
Вновь расточать бесплатные мечты!
Или опять красавице надменной
Ковать венец, работник вдохновенный,
Ремесленник во славу красоты!

⟨1838, 1856⟩

ВАЛЬС

Все блестит: цветы, кенкеты,
И алмаз, и бирюза,
Люстры, звезды, эполеты,
Серьги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все в движенье: воздух, люди,
Ленты, блонды, плечи, груди,
И достойные венца
Ножки с тайным их обетом,
И страстями и корсетом
Изнуренные сердца.

Бурей вальса утомленный,
Круг, редея постепенно,
Много блеска своего
Уж утратил. Средь разгара
Откружась, за парой пара
Отпадают от него.

Это — вихрем относимый
Прах с алмазного кольца,
Пыль с жемчужной диадимы,
Осыпь с царского венца;
Это — искры звезд падучих,
Что порой в кругах летучих,
Просекая небеса,
Брызжут в области земные,
Это — блески отсыпные
Переливчато-цветные
С огневого колеса.

Вот осталась только пара,
Лишь *она* и *он*. На ней
Белый газ — подобье пара;
Он весь в черном — туч черней.
Гений тьмы и дух эдема,
Мнится, реют в облаках.
И Коперника система
Торжествует в их глазах.
Очевидно, мир вертится,
Все вращается, кружится,
Все в пределах естества —
Вечный вальс! Смычки живее
Сыплют гром; чета быстрее
В новом блеске торжества
Вьется резвыми кругами,
И плотней свились крылами
Два летучих существа.
Тщетно хочет чернокрылый
Удержать полет свой: силой
Непонятною влеком,
Как над бездной океана,
Он летит в слоях тумана,
Весь обхваченный огнем.
В сфере радужного света
Сквозь хаос и огнь и дым
Он несется, как планета,
С ясным спутником своим.
Тщетно белый херувим
Ищет силы иль заклятий
Разломить кольцо объятий;
Грудь томится, рвется речь,
Мрут бесплодные усилья,

Над огнем открытых плеч
Веют блондовые крылья,
Брызжет локонов река,
В персях места нет дыханью,
Воспаленная рука
Крепко сжата адской дланью,
А другою — горячо
Ангел, в ужасе паденья,
Держит демона круженья
За железное плечо.

⟨1840, 1856⟩

К МОЕЙ МУЗЕ

Благодарю тебя: меня ты отрывала
От пошлости земной, и, отряхая прах,
С тобой моя душа все в мире забывала
И сладко мучилась в таинственных трудах.
Сначала озарять пир юности кипучей
Влетала ты ко мне в златые дни забав,
Гремя литаврами и бубнами созвучий,
Покровы размахнув и дико разметав
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя так видели и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой убор
Был слишком прихотлив и оскорблял их взор.
Сказали: он блестящ не в меру, он изыскан,
И амброй чересчур и мускусом напрыскан,—
И ты казалась им кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Мир строг: он осудил твою младую шалость,
Твой бешеный порыв; твоих поступков малость
Он в преступление тяжелое вменил;
Ты скрылась от него, и он тебя забыл.
Но в тишине, в глуши меня ты не забыла,
И в зрелом возрасте мой угол посетила:
Благодарю тебя! Уже не молода,
Ты мне являешься не так, как в те года,—
Одета запросто, застегнута под шею,
Без колец, без серег,— но с прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной в тиши,
И сладко видеть мне, что ты не без души,

Что мир тебя считал прелестницей минутной
Несправедливо... нет! В разгульности беспутной
Не промотала ты святых даров творца;
Ты не румянила и в юности лица,
Ты от природы так красна была — и цельный
Кудрявый локон твой был локон неподдельный,
И не носила ты пришпиленной косы,
Скрученной напрокат и взятой на часы.
О нет, ты не была кокеткою презренной,
И, может быть, ко мне в приязни неизменной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мне на гроб последние цветы.

〈1854〉

ПИСЬМА

Послания милой, блаженства уроки,
Прелестные буквы, волшебные строки,
Заветные письма! Я вами богат;
Всегда вас читаю, и снова читаю,
И млею, и таю, и слезы глотаю,
И знаю насквозь, наизусть, наугад.

Любуюсь я слогом сих нежных посланий;
Не вижу тут жалких крючков препинаний;
В узлах запятых здесь не путаюсь я:
Грамматику сердца лишь вижу святую,
Ловлю недомолвки, ошибки целую
И подпись бесценную: «Вечно твоя».

Бывало, посланник, являясь украдкой,
Вручит мне пакетец, скрепленный облаткой.
Глядь: вензель знакомый. На адрес смотрю:
Так почерк неровен, так сизо чернило,
И ять не на месте... как все это мило!
«Так,— это от... знаю», а сам уж горю.

От друга, от брата — бегу, как от пугал,
Куда-нибудь в сумрак, куда-нибудь в угол,
Читаю... те смотрят; я, дух затая,
Боюсь, что и мысль мою кто-нибудь слышит;
А тут мне вопросы: кто это к вам пишет?
«Так — старый знакомый. Пустое, друзья».

В глазах моих каждая строчка струится,
И каждая буква, вгляжусь, шевелится,
Прислушаюсь: дышит и шепчет: живи!
Тут брызга с пера — род нечаянной точки —
Родимое пятнышко милой мне щечки
Так живо рисует пред оком любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки,
Без знаков, без точек — заветные строки!
Кто знает? Быть может, под рока грозой
Когда-нибудь после на каждую строчку
Сих тайных посланий я грустную точку
Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

⟨1856⟩

И ТУДА

И туда — на грань Камчатки
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британских кораблей,
И, пристав под берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы из-за морей.

И, прикрыт звериной кожей,
Камчадал на них глядит:
Гости странные похожи
На людей: такой же вид!
Только чуден их обычай:
Знать, не ведая приличий,
С злостью выехали в свет,—
В гости едут — незнакомы,
И, приехав, мечут громы
Здесь хозяевам в привет!
Огнедышащих орудий
Навезли! дымят, шумят!
«А ведь все же это — люди»,—
Камчадалы говорят.

«Камчадал! Пускай в них стрелы!
Ну, прицеливайся! Бей!
Не зевай! В твои пределы,
Видишь, вторгнулся злодей».
И дикарь в недоуменье

Слышит странное веленье:
«Как? Стрелять? В кого? В людей?»
И, ушам своим не веря:
«Нет,— сказал,— стрелу мою
Я пускаю только в зверя;
Человека я не бью».

⟨1857⟩

И НЫНЕ

Над нами те ж, как вдревле, небеса,—
И также льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал: бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой змия.
Там — зрит слепой; там — мертвый восстает.
Исайя жив, и жив Иеремия.

Не истощил господь своих даров,
Не оскудел духовной благодатью:
Он все творит,— и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.

Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознает всю животворность Слова,
Тот всюду зрит наитье божества
И слышит все, что говорит Егова,—

И, разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не распнет он Слово, как Пилат,
И не предаст он Слово, как Иуда,

И брата он, как Каин, не сразит,
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных пристыдит
И слабого и падшего подымет.

Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой змия.

⟨1860⟩

КОНЕК-ГОРБУНОК

Русская сказка в трех частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинается сказка сказываться.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращалися домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;

Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери.
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться;
Средний брат пошел сбираться,

Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу.
«Эй вы, сони! что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,
До животиков промерз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно».
И сказал ему отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему сбираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,

Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольцы завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперед,
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьется кру́гом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост,—
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван,— ему сказала,—
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри,
По три утренни зари
Выпущай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней,—
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно»,— думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,

И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?»
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать,—
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похожденье,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц ровно тоже светил,
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то что те плошки!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,

Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не смог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться:
Хоть смеяться, так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало,—
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,—
Год ли, два ли пролетело,
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игручечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшися три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.

Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольцы завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал?—
Старший среднему сказал.—
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дуриям клад дается;
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем;
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать —
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан

Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Все по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони, златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал.
Да какой вас черт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони, златогривы!»

Тут конек ему заржал.
«Не тужи, Иван,— сказал.—
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Ты на черта не клепли:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,

Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конек пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться,— дело наше;
Но возьми же ты в расчет
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай.
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублев.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.

Да к тому ж старик неможет,
Работáть уже не может;
А ведь надо ж мыкать век,—
Сам ты умный человек!»
«Ну, коль этак, так ступайте,—
Говорит Иван,— продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько.
Тут в затылке почесал,
«Эх, как темно! — он сказал.—
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... мне сдается,
Что дымок там светлый вьется...
Видишь, эвон!.. так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»

А Гаврило говорит:
«Кто петь знает, что горит!
Коль станичники пристали,—
Поминай его как звали!»

Все пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила!—
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым.—
Что за бес такой под ним!»

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле, словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что,— сказал он,— за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо огонек!»

Говорит ему конек:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою».
«Говори ты! как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;

Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, черт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни давёжа, ни погрому
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу,
Нет ни выходу, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольцы завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тер себе затылок.
«Чуден,— молвил,— божий свет,
Уж каких чудес в нем нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал прострого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает.—
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»

Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно».
«Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!»
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и сталось, царь-надежа!
И поехал я,— и что же?..
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольцы завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней поглядеть,—
Говорит он,— да не худо
И завесть такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,

И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я».
«Ну, я пару покупаю;
Продаешь ты?» — «Нет, меняю».
«Что в промен берешь добра?»
«Два пять шапок серебра».
«То есть это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?»— «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,

В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его горбатко
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить, да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской
При конюшне государской;
Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;

Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Скоро сказка сказывается,
а не скоро дело делается.

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего каурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с златой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдет.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?

У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»

Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Челки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шелк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? —
Спальник думает, вздыхая. —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить:
Лишь бы дурня уходить.

Донесу я в думе царской,
Что конюший государской —
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест».

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила,
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мертв лежит,
Сам молитвы всё творит,
Ждет суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! нешто нарочно
Прирядился плут полночный;

Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги, как ал сафьян,—
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? смотрит снова
Наш глазей на домового...
«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец.—
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетет
Гривы в косы да поет;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лег
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить».

«Говори, не прибавляя,—
Царь сказал ему, зевая.—
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не злато, не сребро —
Жароптицево перо...»
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел, такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..»
«Да и то ль еще он знает!—
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшися.— Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Ко кровати подошел,
Подал клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.

А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлися без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

«Что за челядь тут такая? —
Говорит Иван, вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана».
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать».
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся»,—
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица, поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшися: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:

В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки,—
Нет пера, да и шабалки!»
«Отвечай же! запорю!..»
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? а?» Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь.— Постой-ка, брат!..»
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю,—
Царь Ивану говорит.—
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.

Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил!—
Закричал он, утираясь.—
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? рядиться мне с тобою!—
Закричал он.— Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решетку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конек,
У его вертяся ног.—
Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек!— сказал.—
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,

Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван,— беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою».
Вот теперя ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».

Вот Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,

На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну
Что за поле! зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на окияне,
Возвышается гора
Вся из чистого сребра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,

Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймаешь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся».
«Ну, а если обожгуся? —
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан.—
Рукавички взять придется,
Чай, плутовка больно жгется».
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там, как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,—
Будто полдни наступают;
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать,—
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то — сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой

Ко пшену с вином подполз,—
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой! конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал»,—
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился!—
Говорит ему конек.—
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь».
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть!—
Говорит Иван.— Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кру́гом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулися назад.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал»,—
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» — «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали

И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошел!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решеточных сзывайте!
Заливайте! заливайте!»
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар,—
Молвил ловчий (сам со смеху
Надрываяся),— потеху
Я привез те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мед из жбана
Да читали *Еруслана*.
«Эх! — один слуга сказал,—
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять;
А уж сказки — вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж эдак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!

Расскажи, брат, расскажи!»
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка *о бобре*,
А вторая *о царе*,
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: *князь Бобыл*;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...»
«Ну, да брось ее».— «Постой!..»
«О красотке, что ль, какой?»
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?»
«Царь-девицу! — все кричали.—
О царях мы уж слыхали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок,—
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
«Говори, да правду только
И не ври, смотри, нисколько!»—
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу,—
Так он назвал Царь-девицу,—
И ее, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!»—
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу.
Сиречь молвить, Царь-девицу...»
«Что ты, что ты, бог с тобой! —
Начал царский стремянной. —
Чай, спросонков, я толкую,

Штуку выкинул такую.
Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведешь».
Царь, затрясши бородою:
«Что, рядиться мне с тобою?—
Закричал он.— Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решетку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?—
Говорит ему конек.—
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! — сказал.—
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья».

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:

«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья».
«Вот давно бы так, чем нет»,—
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана;
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей, хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза́ она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,

На котором бѣлый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
«Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То царевна подплывает.
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет,—
Знай, уж время наступает:
Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай,
И держи ее сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты ее проспишь,
Так беды не избежишь».
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился
И давай диру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслями в шатер
И садится за прибор.
«Хм! так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится,—
Рассуждает стремянной,—
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!

Тьфу ты! словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!
Не меня ведь вздернут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану».
«Ну, уж бог тебя простит!—
Горбунок ему кричит.—
Все поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица —
Меду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь».
Тут конек опять сокрылся;
А Иван сбирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслями в шатер
И садится за прибор...

Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелося поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —
Ты вдругорядь не уйдешь
И меня не проведешь».
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конек к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи ее плотней!»

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает.
За белы руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица.
Я тебя едва узрел —
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня,
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая».
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колен пред нею стал,

Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна».
«Гей! позвать ко мне Ивана!»—
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился.
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего».
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!»—
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться,—
Видишь, я хочу жениться!—
Царь со гневом закричал
И ногами застучал.—
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! по пути,—
Говорит ему царица,—
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный

И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,—
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне, Солнце — брат».
«Да смотри, в три дня назад!»—
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?»—
Говорит ему конек.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлет на окиян,—
Говорит коньку Иван.—
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спрошать кое об чем...»
Тут конек: «Сказать по дружбе,
Это службишка, не служба:
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Доселева Макар огороды копал,
а нынче Макар в воеводы попал.

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещеный мир!»
Это присказка ведется,
Сказка послее начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
«Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула.
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началася.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конек Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три

Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнет тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещай,
Да, смотри ж, не забывай!»

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?»
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы,—
Говорит киту конек,—
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые».
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?»
«Ладно, ладно, Рыба-кит!»—

Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный.
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..»—
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько воздыхает.
«Ладно, ладно, Рыба-кит!»—
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
Прыг на берег и пустился;
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землей простился,
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво,—
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян,—
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...

Что-то больно высока!»—
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы,—
Горбунок ему кричит,—
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках,
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет
И такую речь ведет:
«Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я — Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон».
«Сядь, Иванушка Петрович!—
Молвил Месяц Месяцович,—
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край,—
Все скажи мне, не утай».
«Я с земли пришел Землянской,
Из страны ведь христианской,—
Говорит, садясь, Иван,—
Переехал окиян

С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
«Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»
Так, кажися? Мастерица
Говорить красно царица;
Не припомнишь все сполна,
Что сказала мне она».
«А какая то царица?»
«Это, знаешь, Царь-девица».
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?»—
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович!—
Молвил Месяц Месяцович.—
Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,

Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Все грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?»
«Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том,
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть еще к тебе прошенье,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несет мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду.
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович!—
Молвил Месяц Месяцович,—
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится,—
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведет тебя к налою».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свиснул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришел на окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, мое прошенье?
Получу ль когда прощенье?»
«Погоди ты, Рыба-кит!»—
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:

Море сильно закипит,
Повернется Рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далекий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;

Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню на подхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря заклубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Все достать для вас готов!»
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо,—
Говорит ему Иван,—
Лучше перстень нам достань,—
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы».
«Ладно, ладно! для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы»,—
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведет:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.

Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!..»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гневись!
Мы все море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только Ерш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!»—
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И Ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.

Тут дельфины поклонились
И Ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли Ерша сыскать
И вернулися назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услыхали,
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули,—
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с Карасем.
«Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!»—
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело?—
Ерш кричит дельфинам смело.—
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!»
«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Все бы, дрянь, тебе гулять,
Все бы драться да кричать;
Дома — нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться,—
Вот тебе царев указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью...»

Крестьянский мальчик с топором и лыком.
Литография А. В. Тыранова с оригинала А. Г. Венецианова.
1820-е годы.
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва.

Долго Ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?»—
Кит со гневом закричал.
На колени Ерш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит!—
Кит державный говорит.—
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье».
«Рад стараться, Чудо-кит!»—
На коленях Ерш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь!
Царь-девицы?»— «Как не знать
Можем разом отыскать».
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

Тут, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд, по крайней мере, во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «о-о-о!».

Но, сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!» —
Крикнул Ерш со всех сердцов
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика подымают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с Карасем,
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! —
Говорит себе Иван.—
Обещался до зарницы
Вынесть перстень Царь-девицы,

А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит!—
Горбунок-конек кричит.—
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число;
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.

«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек».

Стал четвертый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит,—
«Что кольцо мое?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнесть в светлицу.
Сам пошел по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден,—
Сладкогласно молвил он,—
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но признаться,
Нам нельзя еще венчаться».
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжалься, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку взял!»
Царь со гневом закричал:

«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!»
«Пусть не станут и смеяться,
Все не можно нам венчаться,—
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?»—
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь царице отвечал.—
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмуряся, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!»
«Не пойду я за седого,—
Царь-девица молвит снова.—
Стань, как прежде, молодец,—
Я тотчас же под венец».
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить

До краев водой студеной,
А второй — водой вареной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться,—
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде вареной,
А потом еще в студеной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван.—
Нет, уж дудки, ваша милость!
Уж и то во мне все сбилось.
Не поеду ни за что!»
«Нет, Иванушка, не то,
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краев водой студеной,
А второй — водой вареной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и двух водах».
«Вишь, откуда подъезжает!—
Речь Иван тут начинает.—
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить

Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бородою:
«Что? рядиться мне с тобою!—
Закричал он.— Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,—
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесть злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?—
Говорит ему конек.—
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! — сказал.—
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конек:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,

Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб в последни с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвисну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А оттудова в студеной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошел к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера, и повара,
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялися порой.

Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.

Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь опять ему вскричал.—
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я в последни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвиснул.
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий —
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

«Эко диво! — все кричали.—
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы льзя похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,—
Бух в котел — и там сварился!

Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.

Люба ль я вам? отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем всего —
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! — все кричат.—
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царя Ивана!»

Царь царицу тут берет,
В церковь божию ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вкруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившися, народ
Что есть мочушки дерет:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями,
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

1834

* * *

Ангел светлый, ангел милый!
Ты зовешь, манишь меня —
За тобою, легкокрылый,
Унесусь далеко я!

Ты напевы райских песен
Рассыпаешь надо мной;
Ты поешь: мой мир чудесен,
Улетим туда со мной!..

Дух надежды, дух прелестный,
Я знавал тебя, знавал:
Ты когда-то, гость небесный,
Сон младенца навещал.

Ты поешь, и это пенье
Наполняет душу мне:
В ней тоска, в ней сожаленье
По далекой стороне.

1835

* * *

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фаэтон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Паука из паутины
Заказал!

1836

* * *

Меня зовет какой-то тайный голос,—
Я не могу противиться ему.

Смотрю вперед; вдали передо мною
Несется дым по серым облакам.
И что за чувство пробудилось смутно
В душе моей? Мне грустно, тяжело,
Неясное, далекое я вспомнил.

Уж к западу склонилось солнце, вечер,
Весеннею все дышит теплотой.
На улицах снег тает, и потоки,
Шумя, бегут, так весело струясь,
И тихий звон вечерний раздается...
О, что со мной! Как хорошо теперь,
Какое чувство полное, благое
И грустное теперь в душе моей,
И нет ему названия. Приходит
На память мне наш сельский мирный дом,
Наш луг, покрытый свежею травою,
И сельская прекрасная весна.

О, хорошо теперь! Прочь с ней, с землею,
И с этим светом, мелким и пустым,—
Прочь от него! К вам, чудные мгновенья,
К тебе, неясное, святое чувство,—
Чудесный край в туманных облаках.

Меня зовет какой-то тайный голос,—
Я не могу противиться ему.

1837

ПЕТРУ

Великий гений! муж кровавый!
Вдали, на рубеже родном,
Стоишь ты в блеске страшной славы,
С окровавленным топором.
С великой мыслью просвещенья
В своей отчизне ты возник,
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.
Ты думал,— быстротою взора
Предупреждая времена,—
Что, кровью политые, скоро
Взойдут науки семена!
И вкруг она лилась обильно;
И, воплям Руси не внемля,

Упорство ты сломил, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному следу,
Куда ты ей сказал: «Иди!» —
Она пошла. Ты мог победу
Торжествовать... Но погоди!
Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;
Но, в час невзгоды удаляся,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таяся,
Храня родное бытие.
И ждет он рокового часа;
И вожделенный час придет,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберет;
И снова вспыхнет взор отважный,
И вновь подвигнется рука!
Порыв младой и помысл важный
Взволнуют дух, немой пока.
Тогда к желанному пределу
Борьба достигнет — и конец
Положит начатому делу,
Достойный, истинный венец!

Могучий муж! Желал ты блага,
Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага,
И дух высокий обитал;
Но, истребляя зло в отчизне,
Ты всю отчизну оскорбил;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давил.
На благородный труд, стремленье
Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой.
Вся Русь, вся жизнь ее доселе
Тобою презрена была,
И на твоем великом деле
Печать проклятия легла.
Откинул ты Москву жестоко

И, от народа ты вдали,
Построил город одинокой —
Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое названье,
Лишь о тебе гласит оно,
И — добровольное сознанье —
На чуждом языке дано.
Настало время зла и горя,
И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает;
Названный именем твоим,
О Русской он земле не знает
И духом движется чужим.
Грех Руси дал тебе победу,
И Русь ты смял. Но не всегда
По твоему ей влечься следу,
Путем блестящего стыда.
Так, будет время! — Русь воспрянет,
Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет,—
В неправде подвиг твой свершен!
Народа дух распустит крылья,
Изменников обымет страх,
Гнездо и памятник насилья —
Твой град рассыплется во прах!
Восстанет снова после боя
Опять оправданный народ
С освобожденною Москвою —
И жизнь свободный примет ход:
Все отпадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо —
И твой народ тебя простит.

1845

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Ты чудо из божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя!

Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
В животной же силе нет прока:
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока.
Враждует ли с ложью — равно
Живит его жизнию новой...
Неправде опасно одно —
Свободное слово!
Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство, там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей —
Свободное слово!
О, слово, дар бога святой!..
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный — укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!

1854

РАЗУМУ

Разум, ты паришь над миром,
Всюду взор бросая свой,
И кумир вслед за кумиром
Низвергается тобой.

Уповая все постигнуть,
Ты замыслил искони
Мир на мире вновь воздвигнуть,
Повторить творенья дни.

Ты в победу гордо веришь,
Ты проходишь глубь и высь,
Движешь землю, небо меришь,—
Но, гигант, остановись!

Как титаны в древней брани,
Кинув горы к облакам
И явивши силу длани,
Не опасную богам,

Сражены обратно павшим
Градом полетевших гор
И легли всем родом, ставшим
Нам в преданье с оных пор,—

Так и ты, из всех титанов
Горделивейший титан,
От породы великанов
Уцелевший великан!

К небесам идешь ты смело,
С двух сторон на них всходя,
Обращая мысли в дело,
Дело в мысль переводя.

Но напрасно: многодельность
Не дойдет к причине дел;
Ты нашел не беспредельность,
Но расширенный предел.

Чтоб вселенную поверить
И построить вновь ее,
Гордо мыслию измерить
Ты мечтаешь бытие.

Рассекая жизнь на части
Лезвием стальным ума,
Ты мечтаешь, что во власти
У тебя и жизнь сама;

Ты ее добычей числишь;
Но откинь гордыни лесть:
Умерщвляя, ты ли мыслишь
Жизни тайну приобресть?

В недоступные пучины
Жизнь ушла, остался след:
Пред тобой ее пружины,
Весь состав,— а жизни нет.

И какое же решенье —
Плод гигантского труда:
Постиженье — до творенья
Не достигнет никогда.

Отрекись своей гордыни,
В битву с небом не ходи,
Перед таинством святыни,
Перед богом в прах пади!

Вмиг получит смысл от века
Исполинский труд бойца,
Приближая человека
К познаванию творца.

И титана след суровый —
Груды сдвинутых громад —
Благозвучно, с силой новой
Славу бога возвестят.

⟨1857⟩

КОЛЬЦО

Песня

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

1830

СЕЛЬСКАЯ ПИРУШКА

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на санях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора повели
В све́тлу горенку.
Перед Спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горькова*;
Сам хозяин за ней
Брагой хмельною

Из ковшей вырезных
Ро́дных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом
С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб уро́дит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

1830

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

1830

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большова леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

1831

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом-бурею,
Огнем-молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилася,
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта;

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из за́крома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали,—
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкою,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти дó земи,

Словно божий гость,
На все стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

1835

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет не жнет,
Глядит в сторону,—
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем —
Небывалое!

Она шла вчера
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку.

Повстречался ей
Добрый молодец;
Уж не в первый раз
Повстречался он.

Разминется с ней
Будто нехотя
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

1836

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,

В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Все мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;

Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай,
Село рóдное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой построю
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста,—
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой построю;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и пóперек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошённая;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

1836

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

1837

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залётным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу,—
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

Девушка с серпом.
Рис. А. Г. Венецианова. Пастель.
Государственная Третьяковская галерея. Москва.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

1837

ЛЕС

(Посвящено памяти А. С. Пушкина)

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,—
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет:

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется!
С ними все на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень!

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив,—
Родись терпеливым
И на все готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле на́йдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит и ноет,
Болит ретивое:
Все — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят:
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишка рваный
На́ плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитова счастья.

1837

ПЕСНЯ

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпится;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

1838

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;

Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.

Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя!
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

1838

ХУТОРОК

Русская баллада

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит,—
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять?..
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — все купил:
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вмиг головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец...)

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песни поет...

1839

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит,
Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.

1839

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-провожать,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1840

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другим не любить
Никогда, никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И, бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он и́дет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огнь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

1841

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящие два тома и тома, включающие произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, составляют в серии «Библиотека всемирной литературы» единую антологию русской поэзии XIX века.

Стихи каждого поэта печатаются в хронологическом порядке по текстам наиболее авторитетных научных изданий русской поэзии XIX века.

Под каждым произведением указывается дата его написания. Если точная дата неизвестна, сообщается год публикации или год, не позднее которого произведение могло быть написано.

В. ЖУКОВСКИЙ

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) — крупнейший поэт-романтик. Внебрачный сын богатого помещика А. И. Бунина и пленной турчанки Сальхи. Фамилию Жуковский получил от усыновившего его бедного дворянина А. Г. Жуковского. С 1797 по 1801 год учился в Благородном пансионе при Московском университете. Тогда же появились первые художественные произведения. В 1801 году вместе с Андреем Тургеневым и А. Мерзляковым организовал «Дружеское литературное общество» и выступал защитником карамзинской реформы русского литературного языка. В 1802 году напечатал перевод элегии Грея «Сельское кладбище» в журнале «Вестник Европы». Тогда же сблизился с Карамзиным. В 1802 году начал занятия со своими племянницами Протасовыми и к одной из них — Марии Андреевне Протасовой (в замужестве — Мойер) — испытал чувство глубокой любви, которое нашло выражение во множестве элегий, песен и баллад. В 1808—1810 годах редактировал журнал «Вестник Европы». Ополченцем участвовал в войне 1812 года. С 1815 по 1818 год входил в общество «Арзамас», где занимал место секретаря. В начале 20-х годов путешествовал по странам Западной Европы, где познакомился с крупнейшими европейскими писателями — Гете, Тиком, Уландом и другими. С 1815 по 1839 год служил при дворе сначала в должности чтеца при вдовствующей императрице Марии Федоровне, а затем воспитателя наследника, будущего царя Александра II. В 1832—

1833 и в 1837—1839 годах жил за границей. В 1841 году поселился в Германии, где и умер (в Баден-Бадене). Прах Жуковского был перевезен в Петербург и погребен на кладбище Александро-Невской лавры.

По своим политическим взглядам Жуковский был монархистом и противником революции. Однако его мировоззрение шире и глубже верноподданнического монархизма. Жуковский требовал от монарха любви к народу, осуждал жестокость и произвол самодержавия, видел в крепостничестве зло, несовместимое с нравственным достоинством человека. Эти стороны мировоззрения Жуковского выразились в том, что он отпустил на волю своих крестьян, содействовал выкупу из крепостной зависимости Т. Шевченко, принимал деятельное участие в судьбе Герцена, скульптора Витберга, философа и критика И. Киреевского, поэтов Е. Баратынского и А. Кольцова. Он встал на защиту ссыльных декабристов и пытался уберечь Пушкина от клеветы и придворных интриг, не раз добивался смягчения его участи.

Жуковский стремился объединить лучших писателей страны и выступал против реакционной охранительной литературы.

В творческом развитии Жуковского отчетливо выделяются три периода. Собственная поэтическая манера Жуковского складывается с 1802 по 1808 год. В эти годы поэт в значительной мере преодолел влияние сентиментализма и выступил как романтик.

Он положил начало развитию русского романтизма. Впервые предметом поэзии стал внутренний мир частного человека, полный глубокого драматизма. Человеческой душе, по мысли Жуковского, присуще стремление к счастью и блаженству. В этом смысл жизни человека. Но прекрасный идеал несовместим с грубой, жестокой и прозаической жизнью. Жуковский находит его за пределами реальной жизни, в неведомом, очарованном «там», в мистических глубинах человеческой души. Человек, однако, по мысли Жуковского, никогда не может достичь счастья и блаженства в реальной жизни. Отсюда в его поэзии глубокая грусть, тихое «томление». Счастье может быть обретено только в потустороннем мире. Так возникают религиозные мотивы в поэзии Жуковского. Эти романтические идеи и чувства были воплощены в лирических жанрах элегий, посланий, а ранее — в жанре баллад. В зрелый период (1808—1833) расцветают лиро-эпические жанры. Всего поэт создал тридцать девять баллад.

По своему художественному содержанию и поэтическим особенностям баллады Жуковского близки его лирике, поскольку главное в них — выражение души рассказчика, его внутреннего мира.

С 1834 по 1852 год Жуковский переходит от элегий и баллад к большим эпическим формам. Он знакомит русскую публику с крупнейшими произведениями мировой художественной культуры (переводит «Одиссею» Гомера, «Орлеанскую деву» Шиллера, «Наль и Дамаянти» (отрывок из «Махабхараты») и др.).

Жуковский был поэтом-новатором: он открыл новые поэтические средства для выражения душевных движений человека. «Жуковский,— писал

В. Г. Белинский,—...имеет великое историческое значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 221).

Произведения Жуковского печатаются по тексту издания: В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4-х томах, тт. 1 и 2. М.—Л., Гослитиздат, 1959.

Сельское кладбище (стр. 11).— Вольный перевод стихотворения Томаса Грея (1716—1771) «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище»). Посвящено при первой публикации Андрею Ивановичу Тургеневу, другу Жуковского по Благородному пансиону при Московском университете. *Лишь слышится вдали рогов унылый звон.*— В журнальной публикации к этой строке Жуковским сделано следующее примечание: «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров». *Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный.*— Гампден Джон(1596—1643) — деятель английской буржуазной революции XVII века. *Иль кровию граждан Кромвель необагренный...*— Кромвель Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции. *Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.*— Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт и публицист, выступавший в защиту республиканских свобод.

Вечер (стр. 15).— *В лесу стенанье филомелы...*— Филомела — соловей. *Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?* — Имеются в виду товарищи Жуковского по «Дружескому литературному обществу». *Один — минутный цвет — почил, и непробудно...*— Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе, умершем в 1803 году. *Другой... о, небо правосудно!..*— Имеется в виду товарищ Жуковского по Благородному пансиону и «Дружескому литературному обществу» С. Е. Родзянко, сошедший с ума. *Минвана, Альпин* — вымышленные элегические имена, заимствованные из оссиановских песен Д. Макферсона и его подражателей.

Строфы 6—8 («Уж вечер... облаков померкнули края...» и след.) положены на музыку П. И. Чайковским (дуэт Лизы и Полины в опере «Пиковая дама»).

Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...») (стр. 18).— Переложение стихотворения Ф. Фабра д'Эглантина «Je t'aime tant...» («Я так люблю тебя...»). Ф. Фабр д'Эглантин (1750—1794) — французский поэт, драматург и политический деятель, казненный вместе с Дантоном по приговору Революционного трибунала.

Людмила (стр. 19).— Вольное переложение баллады «Lenore» («Ленора»), написанной немецким поэтом Г.-А. Бюргером (1747—1794) в 1773 году. Жуковский впоследствии еще два раза обращался к переводу баллады «Ленора» — в балладах «Светлана» (1812) и «Ленора» (1831). В первой публикации («Вестник Европы», 1808, № 9, май) текст был снабжен подзаголовком («Русская баллада») и примечанием («Подражание Биргеровой Лео-

норе»), а к стиху «Конь мой, конь, бежит песок...» дано примечание: «В песочных часах».

В. Г. Белинский отметил высокие достоинства баллады «Людмила» и ее историческое значение в решении проблемы народности: «Все произведения, которыми таланты угадывали и удовлетворяли потребности времени, должны сохраниться в истории: это — курганы, указывающие на путь народов и на места их роздыхов... К таким произведениям принадлежит «Людмила» Жуковского» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 169).

Певец (стр. 25).— *Он дружбу пел, дав другу нежну руку...*— Имеется в виду смерть А. И. Тургенева. На стихи «Певца» созданы романсы М. И. Глинки и А. Н. Верстовского.

Певец во стане русских воинов (стр. 27).— В первой публикации («Вестник Европы», 1812, № 23 и 24, декабрь) сделано примечание: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Ко второму, отдельному изданию «Певца» (1813) Жуковский и его друг, карамзинист Д. В. Дашков (1789—1839), сделали примечания, которые отчасти используются в наст. изд. с указанием: (Прим.). *...о Святослав, бич древних лет...*— Имеется в виду Святослав, князь Киевский (945—972). «*Погибнем! мертвым срама нет!*» — «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. «Не посрамим земли русския,— сказал он,— ляжем зде костьми, мертвии бо срама не имут!» Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу» (Прим.). *И ты, неверных страх, Донской, // С четой двух соименных...*—«Великий князь Дмитрий Иоаннович (то есть Дмитрий Донской (1350—1389).— *В. К.*) избавитель России от постыдного рабства... Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою *четою соименных* (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками» (Прим.). *В лесу с твоим сарматом... // Злодей владыке братом.*— Имеется в виду украинский гетман Мазепа (1644—1709), изменивший Петру I и бежавший вместе с Карлом XII. *Хвала тебе, наш бодрый вождь...*— Имеется в виду М. И. Кутузов (1745—1813). *О, сколь с израненным челом...*— В сражении при Кагуле (1770 г.) Кутузов был ранен турецкой пулей, которая вошла в левый висок и вышла у правого глаза. *О диво! се орел пронзил // Над ним небес равнины...*— В первой публикации к этим стихам дано примечание: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте; полководец снял перед ним шляпу; войска закричали ура!» *Ермолов, витязь юный...*— А. П. Ермолов (1777—1861), русский генерал, командовал при Бородине левым флангом, впоследствии главнокомандующий на Кавказе. *Раевский, слава наших дней...*— Н. Н. Раевский (1771—1829), русский генерал, командовал Курганной батареей («батарея Раевского») в Бородинском сражении. *...С отважными сынами.*— Сыновья Раевского — А. Н. Раевский (1795—1868) и Н. Н. Раевский

(1801—1843) — участвовали вместе с отцом в Бородинской битве. *Наш Милорадович, хвала!* — М. А. Милорадович (1771—1825) — генерал, ученик Суворова, видный участник Бородинского сражения и всей кампании 1812 года. *Витгенштейн* — П. Х. Витгенштейн (1769—1843), генерал, командовал корпусом, прикрывавшим Петербург от войск маршалов Удино и Макдональда. *Наш Коновницын смелый!..*— П. П. Коновницын (1766—1822), генерал, ближайший помощник Кутузова, после ранения Багратиона принял на себя командование армией Багратиона. *Вождь невредимых, Платов!* — М. И. Платов (1751—1818) — атаман донских казаков, совершивший в битве при Бородине знаменитый рейд в тыл левого фланга французской армии. *Хвала, наш Нестор-Бенингсон!* — Л. Л. Беннигсен (1745—1826) — генерал, начальник штаба Кутузова; назван Нестором по имени старейшего вождя греков в Троянской войне, описанной в «Илиаде» Гомера (по возрасту был старейшим среди генералов — участников Отечественной войны 1812 г.). *Остерман* — А. И. Остерман-Толстой (1770—1857), А. П. *Тормасов* (1752—1819), К. Ф. *Багговут* (1761—1812), Д. С. *Дохтуров* (1756—1816), П. П. *Пален* (1774—1817)— генералы, участники Бородинского сражения. *Наш твердый Воронцов, хвала!..// ...стрела в бесстрашного вонзилась...*— Речь идет о М. С. Воронцове (1782—1856), который был ранен в Бородинском бою. *Хвала, Щербатов, вождь младой! // ...он сетует душой // О трате незабвенной.*— Имеется в виду А. Г. Щербатов (1777—1848), который незадолго до сражения лишился жены, доводившейся сестрой приятелю Жуковского П. А. Вяземскому. *Хвала бестрепетных вождям!* — «Вождями *бестрепетных* названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 года, много способствовали к истреблению неприятеля» (Прим.). *Наш Фигнер старцем в стан врагов...*— А. С. Фигнер (1787—1813) — организатор партизанского движения, умелый разведчик: переодеваясь в разные костюмы, проникал в тыл французов. *Сеславин — где ни пролетит...*— А. Н. Сеславин (1780—1858) — партизан, начальник отряда. *Давыдов, пламенный боец...*— См. с. 641 наст. изд. *Кудашев скоком через ров...*— Н. Д. Кудашев (умер в 1813 г.)— партизан, зять М. И. Кутузова. *Бросает взглядом Чернышов...*—А. И. Чернышев (1785—1857) — партизан. *Орлов отважностью орел...*— В. В. Орлов-Денисов (1775—1844), казачий генерал, отличился в бою при Тарутине. *В среду врагов Кайсаров.*— Какой именно Кайсаров имеется в виду, точно не установлено. Речь могла идти либо о П. С. Кайсарове (1783—1844), генерале штаба М. И. Кутузова, либо о его брате А. С. Кайсарове (1782—1813), товарище Жуковского по университетскому Благородному пансиону, профессоре Дерптского университета, который добровольно вступил в армию и был убит 14 мая 1813 года под Ганау. *Кульнев* — Я. П. Кульнев (1763—1812), кавалерийский генерал, убитый в бою под селом Клястицы. *Где жизнь судьба ему дала, // Там брань его сразила...*— «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество» (Прим.). *А ты, Кутайсов, вождь младой...*— А. П. Кутайсов (1784—1812), генерал, в Бородинском бою командовал артиллерией. *И ты... и ты, Багратион?* —

П. И. Багратион (1765—1812) — любимый ученик и сподвижник Суворова, герой заграничных походов 1799 года, 1805 года и других, командовал в Отечественную войну 1812 года 2-й армией, а при Бородине — войсками левого фланга. *Он в область храбрых воспарил,// К тебе, отец Суворов.*— «По мифологии северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одену. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым» (П р и м.). *О радость древних лет, Боян!*— «Автор соглашается здесь со мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал во мрачные времена истории нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждал песнями своими мужество славянских воинов» (П р и м.). *Петру возник среди снегов// Певец — податель славы...*— Имеется в виду М. В. Ломоносов (1711—1765). *Честь Задунайскому — Петров...*— В. П. Петров (1736—1799) воспел в одах победы над турками генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725—1796).

С в е т л а н а (стр. 44).— Свободное переложение баллады Бюргера «Ленора». Посвящена Александре Андреевне Протасовой, в замужестве Воейковой, сестре возлюбленной Жуковского М. А. Протасовой. В русском обществе «Светлана» была необычайно популярна. В. Г. Белинский писал: «Светлана», оригинальная баллада Жуковского, была признана его chef d'oeuvre, так что критики и словесники того времени... титуловали Жуковского *певцом Светланы*» (В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 170).

И в и к о в ы ж у р а в л и (стр. 51).— Перевод одноименной баллады Шиллера. *Ивик* — древнегреческий странствующий поэт, живший в VI веке до н. э. Согласно легенде, Ивик был убит разбойниками недалеко от города-республики Коринфа, куда он направлялся на общегреческий праздник-состязание. *Вдали Акрокоринф и горы...*— Акрокоринф — Акрополь (укрепленная часть античного города, расположенная обычно на холме) Коринфа. *Пританов окружил народ...*— Пританы — два правителя Коринфской республики. *Терзать вас будем до Коцита...*— Коцит — река в царстве теней, приток Ахерона (г р е ч. м и ф.). *То Ивиковы журавли!..*— По преданию, убийство Ивика раскрылось благодаря появлению свидетелей-журавлей. Для легенды, которая дошла до нас в позднейшем изложении, характерна идея неотвратимого возмездия. Шиллер ввел новый мотив — убийцы невольно выдают себя под впечатлением искусства, глубоко воздействующего на человеческую душу. Жуковский усиливает этот мотив: у Шиллера убийцы разоблачают себя *при виде журавлей*, тогда как у Жуковского они выдают себя, *услышав приближение птиц*.

Т е о н и Э с х и н (стр. 56).— Имена Теона и Эсхина вымышлены и не встречаются в античной мифологии. В литературе были указания на переводный характер стихотворения, однако источник его неизвестен. Вероятно, это вполне оригинальное произведение Жуковского. *К брегам благовонным Алфея.*— Алфей — крупнейшая река на Пелопонесском полуострове, на юге Греции.

В. Г. Белинский считал «Теона и Эсхина» программным стихотворением Жуковского (см.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 194).

Алина и Альсим (стр. 60).— Перевод стихотворения «Les constantes amours d'Alix et d'Alexis. Romance sur un air Languedocien» («Верная любовь Алисы и Алексиса. Романс в лангедокской манере»), принадлежащего перу французского поэта-классициста Франсуа-Огюстен Паради де Монкрифа (1687—1770). Несмотря на переводный характер и некоторую литературную условность, баллада Жуковского не лишена автобиографических черт. За отношениями Алины и Альсима легко угадываются переживания Жуковского и М. А. Протасовой, которую в 1814 году собирались выдать за генерала Красовского (ср.: «Нет, дочь моя, за генерала // Тебя отдам», с. 60 наст. изд.). Мать М. А. Протасовой запретила Жуковскому говорить о его чувстве к дочери. Роль матери Алины подобна роли Е. А. Протасовой.

Песня («К востоку, все к востоку...») (стр. 65).— Перевод стихотворения немецкого поэта Ф.-Г. Ветцеля (1779—1819) «Nach Osten» («На восток»).

«Кто слез на хлеб свой не ронял...» (стр. 66).— Перевод стихотворения Гете «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» («Кто никогда не ел свой хлеб со слезами...»), вошедшего в роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. II, гл. XIII) и в цикл «Из Вильгельма Мейстера».

Песня («Кольцо души-девицы...») (стр. 66).— Вольный перевод немецкой народной песни.

Мщение (стр. 68).— Перевод баллады «Die Rache» («Месть») немецкого поэта-романтика Л. Уланда (1787—1862). Положено на музыку А. Даргомыжским.

«Там небеса и воды ясны!..» (стр. 69). — Вольный перевод романса «Combien j'ai douce souvenance...» («Как сладко мне воспоминанье...») французского романтика Франсуа-Рене Шатобриана (1768—1848), вошедшего в его роман «Les aventures du Dernier Abencerage» («История последнего из Абенсеражей»).

Лесной царь (стр. 69).— Перевод баллады Гете «Erlkönig». Музыка Ф. Шуберта для исполнения на слова Жуковского обработана А. Рубинштейном.

Песня («Минувших дней очарованье...») (стр. 70).— Посвящено Е. Ф. Вадковской, племяннице А. И. Плещеевой, умершей в 1817 году. Жуковский в 1814 году жил по соседству с Плещеевыми и часто навещал их. А. И. Плещеева горячо поддерживала его намерение жениться на М. А. Протасовой.

К мимо пролетевшему знакомому гению (стр. 71).— Вольный перевод стихотворения «Lied» («Песня») немецкого философа, теоретика романтизма Ф.-В. Шеллинга (1775—1854).

К портрету Гете (стр. 72).— Надпись вызвала восторженный отзыв М. Горького, который в лекциях 1908—1909 годов по истории рус-

ской литературы писал: «Здесь в четырех строках не только дан очерк Гете. Это — выше Гете. Здесь заключен общечеловеческий лозунг — служи свободе, все познавай, ничему не покоряйся! Таких строк немного в литературе мира» (М. Горький. История русской литературы. М., 1939, с. 58). Стихотворение надолго определило романтическую интерпретацию образа великого немецкого поэта.

Песня («Отымает наши радости...») (стр. 73).— Вольный перевод стихотворения Байрона «Stanzas for music» («Стансы для музыки»).

Победитель (стр. 75).— Перевод одноименного стихотворения Уланда. Положено на музыку М. И. Глинкой.

Замок Смальгольм, или Иванов вечер (стр. 76).— Перевод баллады Вальтера Скотта (1771—1832) «The Eve of St. John» («Канун святого Джона»). Баллада имеет длительную цензурную историю. Об основных претензиях цензоров А. С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» писал: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить баллады Вальтер Скотта» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 647). *Замок Смальгольм* — существовал на юге Шотландии, на самой границе с Англией. *...Он коня, торопясь в Бротерстон.*— Бротерстон — лощина в горах, недалеко от Смальгольма. *Не с могучим Боклю совокупно спешил...* — Имеется в виду баронет Вальтер Скотт-Боклю, крупный феодал, один из военачальников шотландских войск в освободительной войне против Англии в XVI веке. *Анкрамморския битвы барон не видал...*— Речь идет о битве при деревне Анкрам-мур, происшедшей в 1545 году; войска англичан в кровопролитном сражении были разбиты шотландцами. *...Где на Эверса грозно Боклю напирал...*— Имеется в виду лорд Эверс, один из военачальников англичан. Убит в 1545 году. *...Где за родину бился Дуглас...*— Арчибальд Дуглас, граф Ангусский, возглавлял вместе с Вальтером Скоттом-Боклю войска шотландцев. *...Перед светлым Ивановым днем...*— Ночь накануне Ивана Купалы (с 23 на 24 июня) — народный праздник у многих европейских народов, восходящий ко временам язычества. Согласно христианской религии, в ту же ночь родился Иоанн Креститель.

19 марта 1823 (стр. 82).— Источником текста послужило стихотворение «Wie war dein Leben...» («Какова была твоя жизнь...») немецкого поэта-романтика К. Брентано (1778—1842). Написано, по-видимому, в память о М. А. Мойер, урожденной Протасовой (см. с. 625 наст. изд.), умершей 18 марта 1823 года в Дерпте от родов. Полагают, что 19 марта 1823 года Жуковский получил известие о внезапной кончине М. А. Мойер-Протасовой.

Жалоба Цереры (стр. 86).— Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера. В основу баллады легли античные мифы. *Прозерпина* — дочь богини плодородия Цереры и бога подземного царства Плутона. Каждую весну Прозерпина покидает владения Плутона и навещает Цереру. Время

ее пребывания у матери (весна, лето, начало осени) — расцвет плодоносящей силы земли. *А подземной тьмы Эреба...*— Эреб — сын Хаоса и брат Ночи; олицетворение одного из начал мира — вечного мрака (греч. миф.). *Вечно ходит челн Харона...*— Харон — перевозчик, который переправляет на челне души умерших через реки Ахерон, Стикс и Коцит, текущие в подземном царстве (греч. миф.). *Парки* — богини человеческой судьбы, прядущие нить жизни (римск. миф.). *Там ей быть, доколь Аида // Не осветит Аполлон...*— Жуковский интерпретирует миф в духе христианства — античному сознанию чуждо представление о сошествии светлого бога в ад и о конце ада. *Ирида* — богиня радуги (греч. миф.). *В те часы, как хлад Борея...*— Борей — бог северного ветра (греч. миф.). *Из руки Вертумна щедрой...*— Вертумн — этрусское божество садов и обработки земли, древнеиталийский бог времен года и их даров (римск. миф.).

Суд божий над епископом (стр. 89).— Перевод одноименной баллады Роберта Саути (1774—1843). *Гаттон.*— Согласно средневековой легенде, епископ Гаттон (начало X в.) жил в городе Метце. *Слышно, скликает епископ Гаттон.*— В неурожайный 914 год архиепископ Гаттон созвал голодных и сжег их в амбаре. *Край наш голодный от жадных мышей.*— При сожжении голодных Гаттон сравнил бедных людей с мышами. За это, по преданию, он сам был съеден мышами.

Элевзинский праздник (стр. 92).— Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера, созданной на основе античных мифов о богине плодородия и земледелия Деметре (греч. миф.), или Церере (римск. миф.). В честь Деметры устраивались ежегодные празднества в Элевзине, расположенном в двух километрах от Афин (Элевзинские мистерии). С именем Деметры древние греки связывали также переход от дикости и варварства к гражданскому обществу. Считалось, что вслед за ней и другие боги открыли людям полезные знания и помогли им создать материальную и духовную культуру. *Цианы* — васильки. *Номады* — кочевники. *Ком* — бог веселья и пиршеств (греч. миф.). Жуковский наделил его несвойственными ему функциями Гефеста, бога огня, кузнечного мастерства, покровителя ремесел («Бог, ремесл изобретатель...» и т. д.). *Термин* — бог межей и пограничных межевых знаков, столбов, камней, считавшихся священными (римск. миф.). *Бог, осокою венчанный...*— Нерей (греч. миф.), один из водяных богов; изображался старцем с бородой, ресницами и волосами из водорослей. *Оры легкие...*— Богини, ведавшие сменой времен года и наблюдавшие за погодой; они поддерживали также порядок в природе и среди людей (греч. миф.). *Камены* — богини, покровительницы наук и искусств (римск. миф). *И творит рука Цибелы...*— Цибела (Кибела) — великая матерь богов и всего живущего на земле (греч. миф.). *Юнона* — супруга Юпитера, покровительница брака и семейного очага (римск. миф.).

Ночной смотр (стр. 97).— Перевод одноименного стихотворения австрийского поэта И.-Х. фон Цедлица (1799—1862). А. С. Пушкин поместил перевод Жуковского в первом номере «Современника» за 1836 год.

Высоко оценил стихотворение и В. Г. Белинский: «...«Ночной смотр» Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не больше одного или двух... Это истинное перло поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высокости выражения» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 179).

«Он лежал без движенья...» (стр. 99).— Стихотворение передает размышления Жуковского у тела А. С. Пушкина и представляет собой переложение в стихах следующего отрывка из письма Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года: «Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самое смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина» (В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М.—Л., Гослитиздат, 1960, с. 614—615).

В. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин (1770—1830) — поэт, родной дядя А. С. Пушкина. Родился в Москве, в семье артиллерийского подполковника. Первоначальное образование получил дома. Первое печатное произведение — стихотворение «К камину» — появилось в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» в 1793 году без подписи автора. Тесно сблизился с Александром Тургеневым, Жуковским, Батюшковым, Вяземским. В 1810—1811 годах написал лучшие свои произведения — послания «К В. А. Жуковскому» и «К Д. В. Дашкову», а также сатирическую поэму «Опасный сосед». В 1816 году вступил в общество «Арзамас». Был избран старостой «Арзамаса». В 1822 году выпустил собрание стихотворений.

В. Л. Пушкин принадлежал к сентиментальному направлению в поэзии, активно защищал карамзинскую реформу русского литературного языка и горячо полемизировал с шишковистами. Творчество поэта отличается жанровым разнообразием: писал элегии, послания, басни и сатирические поэмы, которые отличались легким остроумием, изяществом изложения и незлобивой «домашней» шуткой.

Произведения В. Л. Пушкина печатаются по тексту издания: «Поэты 1790—1810-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

К В. А. Жуковскому (стр. 100).— Направлено против А. С. Шишкова (1754—1841). Одно из первых выступлений против ориентации Шишкова («Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», 1803) на книжный, церковнославянский язык и его же идеи изгнать из русского языка иностранные, прежде всего французские, заимствования и русские слова, образованные по типу иностранных. *Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю...*— Кондильяк Этьен-Бонно де Мабли (1715—1780) — французский философ-сенсуалист; Дюмарсе Сезар-Шено (1676—1756) — французский грамматик, редактировавший лингвистический отдел «Энциклопедии». *Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо...*— Семо (церковнослав.) — сюда, здесь; овамо (церковнослав.)— туда, там. *Кто русской грамоте, как должно, не учился, // Напрасно тот писать трагедии пустился...*— Намек на А. А. Шаховского, автора трагедии «Дебора, или Торжество веры». *Поэма громкая, в которой плана нет...*— Намек на поэму «Петр Великий» (1810) С. А. Ширинского-Шихматова. *Депрео* — Буало-Депрео Никола́ (1636—1711), теоретик французского классицизма, автор поэмы «Поэтическое искусство» (1674). *В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт...*— Паскаль Блез (1623—1662) — французский физик, математик, философ, автор книги «Мысли»; Боссюэ Жак-Бенинь (1627—1704) — французский проповедник, историк и богослов. *В Синопсисе того, в Степенной книге нет.*— Синопсис — сокращенное изложение Священного писания. Степенная книга — выборка из летописей и хронографов, составленная в XVI веке. *И Пиндар наших стран...*—Имеется в виду М. В. Ломоносов. Слова В. Л. Пушкина восходят к стиху А. П. Сумарокова из «Эпистолы о стихотворстве» (1747), где Ломоносов сравнивается с Пиндаром: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен». *И Пиндар наших стран тем слогом не писал, //Каким Баян в свой век героев воспевал.*— Полемика со следующим утверждением из статьи издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки о поэме члена «Беседы», бездарного стихотворца С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий»: «Песнопевец *подвига князя Игоря Святославича* (то есть Боян.— *В. К.*) писал в исходе двенадцатого столетия; но он так же располагал слова и мысли, как и Ломоносов, живший в осьмомнадесять столетии» («Русский вестник», 1810, № 5, с. 116). *...наш Балдус...*— А. С. Шишков. *Кто нам грамматике советует учиться, // Во тьму кромешную, в геенну погрузиться...* и след.— По-видимому, намек на содержащиеся

в «Переводе двух статей из Лагарпа» (СПб., 1808) А. С. Шишкова политические обвинения Карамзина и его сторонников: «Когда чудовищная французская революция... произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов и Расинов, тогда и наша словесность по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями, словесности стала делаться непохожею на русский язык» (с. XIII). *...великая жена...*— Екатерина II. *Омер* — Гомер. *Саллюстий* (86—35 гг. до н. э.) — римский историк. *Фукидид* (ок. 446—400 гг. до н. э.) — греческий историк. *Любимец аонид...*— Имеется в виду Богданович (1743—1803), автор поэмы «Душенька» (1783). *Аониды* — музы. *Дмитрев — Лафонтен.*— И. И. Дмитриев (1760—1837), поэт-сентименталист, в творчестве которого видное место занимал жанр басни; его сравнивали с великим французским поэтом-баснописцем Жаном Лафонтеном (1621—1695). *Аристо* — А. С. Шишков. *Толстый том, где зависть лишь видна...*— Имеется в виду «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова. *Лагарпов курс* — курс лекций по теории литературы под названием «Лицей», принадлежащий перу французского филолога Жан-Франсуа Лагарпа (1739—1803).

Опасный сосед (стр. 102).— *Я славных рысаков подтибрил у Пахома...*— Пахом — московский биржевой ямщик. *Вал* — бульвары, возникшие в 1792 году на месте старинного вала. *Дивились двоице, на бег ее взирая.*—Насмешка над славянизмом «двоица», употребленном вместо выражения «пара коней» в одном из стихотворений Ширинского-Шихматова. *Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец...*— Имеется в виду С. А. Ширинский-Шихматов. *Херы с Покоями сцеплялись по стенам.*— Славянские названия букв Х и П, которыми начинались нецензурные надписи на стенах. *Султан Селим* — вероятно, турецкий султан Селим III, правил с 1789 по 1808 год; в 1808 году разгромил английский флот. *Фридерик Второй* — Фридрих II (1712—1786), прусский король. *И Стерна Нового как диво величали.*— Имеется в виду комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805), в которой был высмеян Карамзин под именем князя Пронского. *Прямой талант везде защитников найдет!* — Ядовитый намек на А. А. Шаховского, комедии которого будто бы были популярны даже в публичных домах. *Из чести лишь одной я в доме здесь служу.*— Служить из чести означало в просторечии «за чаевые». *...живу я на отчете...*— То есть работаю старательно. «*Несчастный Никанор*» — анонимный роман (1775). «*Смерть Роллы*» — трагедия А. Коцебу (1761—1819), реакционного немецкого писателя. «*Арфаксад*» — повесть Петра Захарьина, написанная в 1793—1796 годах. «*Русалка*».— Имеется в виду «Леста, или Днепровская русалка. Романтическая повесть. Вольный перевод с немецкого». М., 1806. «*Дева солнца*» — трагедия А. Коцебу. *К Аспазии подсев...* — Аспазия — греческая гетера; здесь — проститутка. *Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет // И в сонмище людей неистовых нейдет...*— Пародия на текст псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...»

А. МЕРЗЛЯКОВ

Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) родился в семье пермского купца. Окончил Московский университет, в котором затем преподавал свыше двадцати пяти лет, дослужившись до профессора и декана. В конце 90-х годов сближается с А. Тургеневым, В. Жуковским, А. Кайсаровым, А. Воейковым, а в 1801 году вместе с Андреем Ивановичем Тургеневым организует «Дружеское литературное общество». В 1803—1806 годах в творчестве Мерзлякова возникает интерес к русскому фольклору, который выразился в создании целого ряда песен, замеченных и сочувственно оцененных современниками. Песни Мерзлякова были написаны в содружестве с крепостным композитором М. Кашиным. Был известен также как критик и теоретик литературы. Вскоре талант Мерзлякова заметно слабеет. Последние годы жизни Мерзляков провел в бедности и умер в Москве забытым поэтом.

Сочинения А. Ф. Мерзлякова печатаются по тексту издания: А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958.

«Среди долины ровныя...» (стр. 106).— По свидетельству современника, «...песня Мерзлякова «Среди долины ровныя...» написана была в доме Вельяминовых-Зерновых. Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустию, взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину этой песни. Потом ему подложили перо и бумагу: он переписал написанное и кончил тут же всю песню» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 164). Поэт был влюблен в А. Ф. Вельяминову-Зернову (1788—1876).

М МИЛОНОВ

Михаил Васильевич Милонов (1792—1821) родился в семье небогатого, но просвещенного воронежского помещика. Он окончил Московский университет в 1809 году. Служил в министерстве иностранных дел, а потом в министерстве юстиции. После 1815 года, бросив службу, испытал тяжелую материальную нужду, начал пить и совершенно опустился. Друзья из сострадания пытались помочь больному и голодному поэту, но их усилия ни к чему не привели.

Милонов — поэт-сатирик, примкнул к гражданскому течению русского просветительства и продолжил традиции высокой сатиры XVIII века. Предметом сатир и эпиграмм Милонова были не только политические события, но и литературная борьба его времени: Милонов высмеивал и шишковистов и карамзинистов. Кроме сатир и эпиграмм, поэт разрабатывал жанры послания и в особенности элегии.

Сочинения М. В. Милонова печатаются по тексту издания: «Поэты 1790—1810-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

К Рубеллию (стр. 108).— Написано в форме подражания римскому сатирику Авлу Флакку Персию (34—62). У Персия, однако, сатиры с таким названием нет. Современники считали, что сатира направлена против Аракчеева. Известно также указание П. А. Вяземского (см.: П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 8. СПб., 1883, с. 346), что адресат сатиры — О. П. Козодавлев (1754—1819), министр внутренних дел, редактор газеты «Северная почта». *Пусть Альбий, Арзелай...*— Эти имена в первой публикации («Цветник», 1810, № 10, с. 63) снабжены примечаниями: «Альбий — мздоимец, кровосмеситель и убийца», «Арзелай — страшный невежда».

Падение листьев (стр. 109).— Перевод одноименной элегии французского поэта Шарля-Юбера Мильвуа (1782—1816). Некоторые стихи из перевода Милонова были включены Пушкиным в предсмертную элегию Ленского. *О Эпидавра прорицатель!*— Имеется в виду Асклепий (в римск. миф.— Эскулап), бог врачебного искусства; центром его культа был Эпидавр — город в Древней Греции (греч. миф.).

А. ТУРГЕНЕВ

Андрей Иванович Тургенев (1781—1803) — критик, поэт и переводчик. Родился в семье директора Московского университета. Образование получил в Благородном пансионе при Московском университете. Одаренный блестящими способностями, очень скоро выдвигается среди университетской молодежи и организует в 1801 году (вместе с А. Ф. Мерзляковым) «Дружеское литературное общество». В том же году переехал в Петербург. Вскоре Тургенев отправился в качестве дипломатического курьера в Вену. В феврале 1803 года возвратился в Петербург, а в июле скоропостижно скончался от «горячки с пятнами».

Первоначально А. И. Тургенев заявил себя сторонником Карамзина, но затем продолжил традиции гражданской поэзии русского просветительства XVIII века и явился одним из предшественников лирики декабристов. Не чуждался и философского размышления, испытывая глубокую неудовлетворенность окружающей жизнью.

Сочинения А. И. Тургенева печатаются по тексту издания: «Поэты 1790—1810-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

Элегия (стр. 111).— *Но ты, во цвете лет сраженная Судьбою...*— Имеется в виду В. М. Соковнина, близкая к «Дружескому литературному обществу»; в юном возрасте после внезапной смерти отца она ушла в монастырь. *Напрасно хочешь ты, о добрый друг людей,// Найти спокойствие внутри души твоей...*— Полемическое выступление против карамзинистов, искавших счастья в душе человека и мечтавших обрести его независимо от внешних условий жизни.

А. ВОЕЙКОВ

Александр Федорович Воейков (1779—1839) — поэт, журналист и критик. Родился в Москве, в богатой дворянской семье. С 1796 по 1801 год служил с перерывами в конной гвардии, примкнув к оппозиционно настроенным к Павлу I офицерам. В 1801 году вышел в отставку. В 1812 году был приписан к ополчению, участвовал в сражениях. В 1814 году занял кафедру в Дерптском университете. Совместно с Гречем редактировал журнал «Сын отечества». Был избран в члены Российской академии. Вошел в общество «Арзамас».

Первые произведения Воейкова появились в печати в конце XVIII века. Поэт тяготел к гражданской лирике просветительского толка. Настроения оппозиционности укрепляются в начале XIX века, когда Воейков сблизился с братьями Тургеневыми.

По направлению своего творчества Воейков принадлежал к карамзинистам, но карамзинизм уживался в его сознании с просветительской традицией, идущей от XVIII века. Воейков высмеивал в своих сатирах архаистов и подражателей Карамзина, вроде П. И. Шаликова. С 1822 года начэл издавать журнал «Русский инвалид» и другие. В конце 20-х годов Воейков перешел в реакционный лагерь. Умер Воейков в Петербурге.

Сатира А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» печатается по изданию: «Поэты 1790—1810-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

Дом сумасшедших (стр. 115).— Сатира «Дом сумасшедших» создавалась А. Ф. Воейковым на протяжении нескольких лет (1814—1839). Здесь печатается третья редакция, относящаяся к 1826—1830 годам. *И Кутузова стихами // Я растапливал камин.*— Имеется в виду поэт П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), член «Беседы любителей русского слова»; известен своими злобными доносами на Карамзина, которого обвинял в вольнодумстве и в произведениях которого находил «якобинский яд». *Подбавлял из Глинки сору...*— Речь идет о С. Н. Глинке (1775—1847), реакционном поэте и драматурге, издателе «Русского вестника», одном из первых идеологов официальной народности. *Из «Амура» по сю пору...*— Поэма А. Ф. Мерзлякова «Амур в первые минуты разлуки с Душенькою». *Карамзин, Тит Ливий русский!* — Тит Ливий (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.) — римский историк. Воейков имеет в виду занятия Карамзина русской историей. *Ты, как Шаликов, стонал...*— П. И. Шаликов (1768—1852) — поэт, эпигон Карамзина, издатель «Дамского журнала»; чувствительность сентиментализма доводилась Шаликовым до слезливости, за что его постоянно высмеивали. *Берегитесь, здесь Наглицкой!* — Наглицкой — М. Л. Магницкий (1778—1855), попечитель Казанского учебного округа, реакционер и мракобес. *...список всех арендт...*— Магницкий получил в аренду шесть тысяч десятин в Саратовской губернии; аренда земли считалась бесчестным способом наживы. *Злунич* — Д. П. Рунич (1778—1860),

попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, гонитель просвещения. *И безбожник Боссюэт...*— См. с. 635 наст. изд. Называя Боссюэ безбожником, Воейков подчеркивает степень мракобесия Рунича. *Омар* (592—644) — второй мусульманский калиф; по преданию, сжег знаменитую библиотеку в Александрии. *Ханжецов* — В. М. Попов (1771—1842), директор департамента народного просвещения, мистик и реакционер. *Наш Пустелин недалеко...*— Д. А. Кавелин (1778—1851), ректор Петербургского университета, зарекомендовал себя гонителем просвещения и единомышленником Магницкого; до назначения на пост был членом «Арзамаса» (кличка: «Пустынник»). *...князь Пытнирский* — С. А. Ширинский-Шихматов (см. с. 635 наст. изд.). *Устав алжирский // О печатании книг!..*— Намек на цензурный устав 1826 года, выработанный Ширинским-Шихматовым совместно с Шишковым и получивший у современников прозвище «чугунного». *И Трусовский — ноздри рвать...*— Имеется в виду цензор А. И. Красовский (1776—1857), отличавшийся тупым рвением и мракобесием. *Это пара людоедов!* — Вероятно, имеются в виду П. А. Клейнмихель (1793—1869), адъютант Аракчеева и начальник военных поселений, и П. М. Кащевич (1772—1840), приближенный Аракчеева, основавший новгородские военные поселения; впоследствии — губернатор Западной Сибири. *Вельзевуловы обноски...*— В других вариантах — «Аракчеева обноски». *К<аченовск>ий здесь сидит.*— Речь идет о М. Т. Каченовском (1775—1842), профессоре Московского университета, издателе «Вестника Европы»; «арзамасцы» считали его мелочным, придирчивым и завистливым критиком. *Букву Э на эшафоте...*— Каченовский предлагал изгнать букву «Э» из русского алфавита. *По крюкам стихи поет...*— То есть по нотам; крюки — древнерусские нотные знаки. «*Книга Кормчая*» — древнерусская книга о правилах церковного строения. *Сложены десной два перста...*— С. Н. Глинка крестился не тремя, а двумя пальцами правой руки. *Из российского «Стоглава»...*— Имеется в виду сборник решений «Стоглавого собора», сочинение середины XVI века. «*Погребению кота*».— «Погребение кота» — лубочная картина начала XVIII века. *Ты ль, Хлыстов?..*— Речь идет о Д. И. Хвостове (1757—1835), сторонние Шишкова, активном участнике «Беседы», эпигоне классицизма; приобрел славу поэта-графомана. *В Буало я смысл добавил...*— Хвостов перевел «Поэтическое искусство» Буало. *Лафонтена я убил...*— Хвостов издал переводы басен Лафонтена. *А Расина переправил!* — Воейков имеет в виду перевод Хвостовым «Андромахи» Расина. *Здесь старик, с лицом печальным...*— Имеется в виду А. С. Шишков. *Вот Сладковский.*— Речь идет об одописце Романе Сладковском, поэма которого «Петр Великий» вышла в 1803 году; Воейков воспроизводит далее стиль этой поэмы. *Вот Картузов!* — Имеется в виду П. И. Голенищев-Кутузов. *Станевич* — Е. И. Станевич (1775—1835), член «Беседы», последователь Шишкова, писатель-мистик. *Злому критику отмстите...*— Имеется в виду М. Т. Каченовский, написавший убийственную рецензию на «Собрание сочинений в стихах и прозе» Евстафия Станевича. *Крошка Б<атюшк>ов висит // В светлой проволочной клетке...*— «Батюшкова,— писал Вяземский,— между собою прозывали мы и попенькою,

потому что в лице его, а особенно в носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейков в «Доме сумасшедших» посадил его в *клетку*» («Русский архив», М., 1866, с. 490). *Тих, спокоен сверху вид...* и след.— несколько измененная цитата из стихотворения К. Н. Батюшкова «Счастливец (Подражение Касти)». *Вот И⟨змайл⟩ов!* — Имеется в виду А. Е. Измайлов (1779—1831), баснописец. Тематика и язык его басен осуждались карамзинистами. *Мир квартальных есть мой мир.*— Воейков имеет в виду басню Измайлова «Пьяница», герой которой — отставной квартальный Пьянюшкин. *Вот Плутов...*— Речь идет о Н. И. Грече (1787—1867), реакционном журналисте, издателе «Сына отечества», до 1825 года примыкавшем к либеральному лагерю. *Из чужих лоскутьев сшит.*— Журнал Греча составлялся в основном из чужих литературных материалов; Воейков намекает также на нечистоплотность Греча в денежных расчетах. *Флюгарин-забияка* — Ф. В. Булгарин (1789—1859), агент III Отделения, издатель «Северной пчелы»; вел долгую и упорную борьбу с передовыми писателями своего времени. *С саблей в петле...*— За службу в русской армии Булгарин получил орден Анны IV степени и носил знак (маленькую саблю в петлице), заменяющий этот орден. *А французской // Крест ужель надеть забыл?* — Булгарин служил и во французской армии, за что был награжден орденом Почетного легиона. *К⟨арази⟩н-хамелеон!* — Имеется в виду В. Н. Каразин (1773—1842), общественный деятель, автор многочисленных противоречивых проектов, известный доносчик. *Филантроп, законодатель...*— Каразин призывал Александра I, с одной стороны, дать стране законы, не вмешиваться в дела Европы, а с другой — советовал бдительно следить за всеми вольными (явными и тайными) обществами. *Вот Грузинцев!*— Имеется в виду А. Н. Грузинцев (1779—1840), поэт и драматург, близкий к «Беседе». *И в сандалиях...*— Грузинцев подражал греческим трагикам. *Нет, Софокловы творенья!* — Ядовитый намек на предисловие к трагедии Грузинцева «Электра и Орест», где было «скромно» сказано, что эта трагедия «весьма подходит к трагедии Софокловой». Однако, как доказал Жуковский, Грузинцев следовал не Софоклу, а Вольтеру, переводя из него целые явления. *Максим Невзоров* — М. И. Невзоров (1762—1827), поэт и прозаик, издатель журнала «Друг юношества»; в 80-е годы XVIII века был близок к масонам. *Христианский мой журнал...*— В журнале «Друг юношества» видное место занимали религиозные материалы.

Д. ДАВЫДОВ

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — поэт. Родился в старинной дворянской семье. В 1801 году переехал в Петербург и стал юнкером кавалергардского полка. Большую часть жизни Давыдов провел на службе в армии, выйдя в отставку в 1823 году в чине генерал-лейтенанта.

Давыдов начал Отечественную войну в чине подполковника Ахтырского гусарского полка. Он первый подал записку «о выгоде партизанского дей-

ствия», которая была одобрена Багратионом и Кутузовым. Опираясь на широкое патриотическое движение крестьян, он создал большой партизанский отряд, выполнявший сложные военные операции в тылу французской армии. Беззаветно храбрый гусарский офицер, умный военачальник, стал народным героем и по праву осознал себя «одним из самых поэтических лиц русской армии». В 1816 году он был принят в «Арзамас» и сблизился с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, а позднее с Баратынским, Языковым. В 1826 и 1831 годах Давыдов участвовал в персидской и польской кампаниях, но его военная карьера, по существу, закончилась. На склоне лет Давыдов не растерял связей со своими «арзамасскими» друзьями. Он поддерживал «Литературную газету» Дельвига и «Современник» Пушкина, живо интересуясь литературными новостями. Отставным генералом Давыдов провел последние годы жизни в деревенском уединении, в симбирском поместье Верхняя Маза, где он и скончался.

Литературное творчество Давыдова включает стихи, прозу, мемуары. Начав с сатирического жанра эпиграмм и басен, поэт вскоре переходит к посланию и песне, наполняя их необычным для русской лирики содержанием.

Основной темой лирики после 1806 года становится гусарство, с которым связан целый комплекс чувств и понятий. Поэт создал выразительный и психологически глубокий образ лихого гусара, певца-воина, прямого и храброго, озорного и бесшабашного. «Гусарство» противостояло бытовавшим в обществе отношениям и воспринималось как враждебное им. Тема гусарства перерастает рамки анакреонтики и становится вольнолюбивой и патриотической. Давыдов обратился к традиции «домашней», интимной лирики XVIII века, но освободил ее от условного поэтического стиля. Опора на просторечие, военный жаргон и солдатский фольклор сочетаются в лирике Давыдова с живой разговорной интонацией, несколько грубоватой, но эмоциональной и темпераментной, с напряженным, энергичным стихом. В позднейших стихотворениях появляется образ старого гусара, которого «судьба губит забвеньем».

Стихотворения Д. В. Давыдова печатаются по тексту издания: Д е н и с Д а в ы д о в. Соч. М., Гослитиздат, 1962.

Б у р ц о в у. П р и з ы в а н и е н а п у н ш (стр. 127).— *Бурцов, ёра, забияка, // Собутыльник дорогой!* — А. П. Бурцов (умер в 1813 г.) — сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку. *Ёра* — озорной человек, гуляка. *Арак* — крепкий спиртной напиток. *Ташкой с царским вензелем...*— Ташка — гусарская сумка.

Б у р ц о в у (стр. 128).— *И «Георгья» за совет!* — Имеется в виду награждение Георгиевским крестом за участие в военном совете, а не в бою.

Э л е г и я IV (стр. 131).— Обращено к Елизавете Антоновне Злотницкой (1800—1864), дочери генерал-лейтенанта, с которой Давыдов познакомился в Кременчуге и которой сделал предложение. Злотницкая дала согласие, но в отсутствие Давыдова была помолвлена с князем П. А. Голицыным. *В память Лизу приведу...*— Речь идет о Е. А. Злотницкой.

Песня старого гусара (стр. 132). — *Доломан* — гусарский мундир. *Ментик* — короткая гусарская куртка с меховой опушкой; носился внакидку. *Жомини да Жомини!* — Имеется в виду Г. В. Жомини (1779—1869), известный теоретик военного искусства и военно-исторический писатель, с 1813 года военный советник Александра I. Выражение «Жомини да Жомини! А об водке — ни полслова!» стало поговоркой. В. И. Ленин использовал это выражение в статье «Кабинет Бриана» (1913).

Ответ (стр. 134).— *Я иногда бывал на Пинде...*— Пинд — горный хребет, владение Аполлона (греч. миф.). В переносном смысле — приют поэзии. *...Кастальским током...*— Имеется в виду источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам (греч. миф.). В переносном смысле — источник поэтического вдохновения.

Полусолдат (стр. 134).— *Куртинец* — курд. *Торнео* — Торнио-йоки — река в Швеции. *Секвана* — Сена.

Бородинское поле (стр. 136).— *Вождь Гомерический, Багратион великий!* — Давыдов называл Багратиона «Ахиллом наполеоновских войн».

Современная песня (стр. 138).— *Тьер* Адольф (1797—1877) — известный французский историк и политик; впоследствии реакционер, руководивший подавлением Парижской коммуны. *Рабо* де Сент-Этьен (1743—1793)— французский историк и политический деятель эпохи буржуазной революции. *Мирабо* Оноре-Габриэль Рикетти (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции, блестящий оратор. *Лафает* (Лафайетт) Мари-Жозеф-Поль (1757—1834) — французский генерал и политический деятель, возглавлял буржуазную оппозицию во времена Реставрации. *Брут или Фабриций* — древнеримские республиканцы. *Кенкеты* — старинные лампы. *И Филипп Филиппыч — клоп...*— Имеется в виду Ф. Ф. Вигель (1786—1856), мемуарист, завсегдатай салонов. Любопытно, что Вигель высоко оценил «Современную песню», не узнав себя (его имя было заменено на нейтральное — Иван Иваныч). *Маленький аббатик.*— Речь идет о П. Я. Чаадаеве (1794—1856), русском мыслителе, авторе «Философических писем». Чаадаев склонялся к католицизму.

И. КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов (1769—1844) родился в семье бедного армейского офицера. В 1782 году переехал в Петербург. В 1783 году написал комическую оперу «Кофейница». За ней последовал ряд драматических произведений. Предпринятое им издание — журнал «Почта духов» (1789) было направлено против деспотизма и произвола самодержавия, пороков дворянства и казнокрадства чиновников. В 1809 году вышла первая книга басен, которая принесла Крылову истинную славу. В 1811 году писатель был избран в члены «Беседы любителей русского слова», но занял в ней самостоятельную позицию: Крылов относился к «беседчикам» иронически, однако был противником карамзинистского стиля, считал его искусст-

венным и приторно слащавым. С 1812 года Крылов служил в Публичной библиотеке (до 1841 г.). В 1844 году писатель скончался в Петербурге.

Мировоззрение Крылова складывалось на почве просветительской идеологии. Писатель принадлежал к радикальной сатирической струе русского просветительства. Он был непримиримым врагом барства и социальных злоупотреблений. Творчество Крылова отличалось подлинным демократизмом. Он осуждал самодержавно-деспотическую действительность и пороки господствующих сословий не с отвлеченно моралистических позиций, а с точки зрения широких слоев трудового народа. В этом выразилась глубокая народность его басен. Аллегорически-дидактический жанр под пером Крылова, не теряя черт просветительской сатиры, обогатился реалистическим содержанием и был художественно перестроен. Реалистические достижения Крылова оказали громадное воздействие на развитие русской литературы XIX века.

Басни И. А. Крылова печатаются по тексту издания: И. А. Крылов. Полн. собр. соч., т. III. М., Гослитиздат, 1946.

Разборчивая невеста (стр. 143).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Марциалу (ок. 40 — ок. 104).

Ворона и Лисица (стр. 145).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, который заимствовал его у Эзопа и Федра.

Пустынник и Медведь (стр. 147).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, который воспользовался притчей Пильпая.

Парнас (стр. 149).— Академик Я. К. Грот, а вслед за ним и другие исследователи считали, что басня направлена против писателей, группировавшихся вокруг Российской академии, которая тогда возглавлялась А. С. Шишковым. *И громче девяти сестер...*— Имеются в виду девять муз.

Волк и Ягненок (стр. 150).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, который почерпнул его у Эзопа и Федра.

Лев на ловле (стр. 151).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Федру и отчасти к Эзопу.

Стрекоза и Муравей (стр. 151).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, который заимствовал ее у Эзопа.

Лисица и виноград (стр. 153).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Федру и Эзопу.

Лягушки, просящие Царя (стр. 154).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Эзопу.

Мор зверей (стр. 156).— Сюжет басни восходит к Лафонтену и к четырнадцатой и тридцать первой латинским проповедям французского проповедника Ролена (1443—1514).

Петух и жемчужное зерно (стр. 158).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Федру.

Синица (стр. 158).— *Нептуновой столицы...*— то есть Петербурга.

Осел и Соловей (стр. 161).— Какой-то вельможа пригласил Крылова к себе и просил прочитать две-три басни. «Поэт артистически про-

читал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Иван Иванович Дмитриев?» — «Не умею»,— скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей» (В. К е н е в и ч. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1878, с. 84).

Г у с и (стр. 161).— Сюжетом басни послужила легенда о том, как гуси, дремавшие на городской стене, подняли крик при нападении галлов и тем самым спасли город.

С о в е т М ы ш е й (стр. 163).— Существует предположение, что в этой басне высмеян Государственный совет.

К в а р т е т (стр. 164).— По свидетельству современников, поводом к созданию басни было открытие 1 января 1810 года Государственного совета, разделенного на четыре департамента. «Известно, что продолжительным прениям о том, как их (председателей департаментов П. В. Лопухина, А. А. Аракчеева, П. В. Завадовского и Н. С. Мордвинова.— *В. К.*) рассадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам мы обязаны остроумною баснью Крылова «Квартет» (М. А. К о р ф. Жизнь гр. Сперанского, ч. I. СПб., 1861, с. 118). «Есть предание,— писал М. Н. Лонгинов,— что Крылов по этому случаю написал свой «Квартет», разумея под Мартышкой — Мордвинова, под Ослом — Завадовского, под Козлом — Лопухина, под Медведем — Аракчеева» (см. прим. М. Н. Лонгинова в кн.: И. И. Д м и т р и е в. Взгляд на мою жизнь. 1861, с. 293).

Существует и другое толкование, согласно которому Крылов имел в виду «Беседу любителей русского слова», открывшуюся в марте 1811 года и разделенную на четыре разряда (см.: Ф. В и г е л ь. Воспоминания, ч. III. М., 1892, с. 152).

В о р о н а и К у р и ц а (стр. 166).— Басня высмеивает отщепенцев, которые надеялись ужиться с французами. *Когда Смоленский Князь...*— Имеется в виду М. И. Кутузов, которому был присвоен этот титул после сражения под Красным 6 ноября 1812 года.

В о л к н а п с а р н е (стр. 167).— Басня является откликом на Отечественную войну 1812 года. Написана в связи с попытками Наполеона лично и через Лористона заключить выгодный для французов мир. Ухищрения Наполеона и отказ Кутузова от мирных переговоров послужили сюжетом басни. Крылов, собственною рукою переписав басню, отдал ее жене Кутузова, которая отправила ее в своем письме. Кутузов прочитал басню после сражения под Красным собравшимся вокруг него офицерам и при словах: «а я, приятель, сед», снял свою белую фуражку и потряс наклоненною головою (см.: А. И. М и х а й л о в с к и й - Д а н и л е в с к и й. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1850, с. 274).

О б о з (стр. 168).— Басня является откликом на войну 1812 года. Александр I требовал от Кутузова решительных действий, но полководец

проводил в жизнь свой стратегический план войны. Мудрая осторожность Кутузова восторжествовала. *А примешься за дело сам, // Так напроказишь вдвое хуже.*— Вероятно, намек на Александра I, который в войне с Наполеоном в 1805—1807 годах благодаря своей непредусмотрительности и поспешности потерпел неудачу в сражении при Аустерлице, действуя вопреки плану Кутузова.

Кот и Повар (стр. 169).— Существует мнение, что эта басня является откликом на начальный период Отечественной войны, когда русское общество выражало недовольство медлительностью Барклая де Толли.

Щука и Кот (стр. 170).— Басня является откликом на Отечественную войну 1812 года. В ней высмеивается бездарность адмирала П. В. Чичагова (1767—1849), не сумевшего помешать французской армии переправиться через Березину и взять в плен Наполеона.

Демьянова уха (стр. 171).— Басня направлена против бездарных писателей «Беседы любителей русского слова» и высмеивает длинные и скучные заседания «беседчиков».

Лебедь, Щука и Рак (стр. 174).— Современники считали, что басня вызвана разногласиями в Государственном совете.

Собачья дружба (стр. 178).— Существует предположение, что в басне отражены распри участников Венского конгресса, достигшие такого накала, который чуть было не привел к вооруженному конфликту. *Орест мой! — Мой Пилад!* — Орест и Пилад — два неразлучных друга (греч. миф.). Их имена стали нарицательными, обозначая нерушимую дружбу.

Туча (стр. 181).— «Рассказывают, и мы это слышали с разных сторон, будто Крылов написал эту басню по поводу пожалования аренды псковскому губернатору во время всеобщего голода в этой губернии» (В. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1878, с. 158).

Волк и Журавль (стр. 185).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, который заимствовал его у Эзопа и Федра.

Медведь в сетях (стр. 188).— Во второй части басни использована басня Эзопа «Медведь и Лисица».

Свинья под дубом (стр. 189).— Басня отдаленно напоминает одноименную басню Лессинга. Сходный мотив имеется у Эзопа.

Лисица и Осел (стр. 190).— Сюжет басни восходит к Эзопу и Федру.

Два мужика (стр. 192).— *С друзьями полугару...*— Полугар — дешевый сорт водки.

Кошка и Соловей (стр. 194).— Существует предположение, что «басня эта касалась самого чувствительного современного вопроса,— именно вопроса о цензуре» (В. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1878, с. 197).

Рыбья пляска (стр. 195).— В басне, по свидетельству современников, отразился подлинный факт, связанный с поездкой Александра I: «Во время одного из своих путешествий по России император Александр I в каком-то городе остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что на площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» («Труды Я. К. Грота», т. III. СПб., 1901, с. 245). После переделки басни, совершенной по требованию цензуры, намек на Александра I и Аракчеева (Староста) был снят.

Лев состарившийся (стр. 195).— Сюжет басни восходит к Лафонтену, а от него к Федру.

Пестрые Овцы (стр. 196).— По всей вероятности, поводом для создания басни послужила «университетская история», занимавшая общественное мнение: в конце 1821 года Д. П. Рунич и М. Л. Магницкий при покровительстве министра просвещения А. Н. Голицына осуществили разгром передовой профессуры Санкт-Петербургского университета. Увольнение профессоров сопровождалось также изгнанием «неугодных» студентов.

Мирон (стр. 197).— «Мирон» означает в переводе с греческого — «каплющий елеем». Басня направлена против ханжества богачей и вельмож.

Кукушка и Петух (стр. 206).— Басня направлена против Греча и Булгарина. Крылов имел в виду, что «лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия». Н. М. Калмыков, знакомый Крылова, которому принадлежат заключенные в кавычки слова, замечает далее: «Объяснение это слышал от самого И. А. Крылова» («Русский архив». М., 1865, стлб. 1011).

Вельможа (стр. 206).— *Меркурий* — покровитель купцов (римск. миф.); иносказательно — справедливый человек, справедливый судья.

К. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) родился в Вологде, в старинной дворянской семье. После окончания пансиона в 1802 году Батюшков поступает на службу в министерство народного просвещения. В 1805 году он избирается членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В 1807 году поэт участвует в качестве ополченца в войне с Наполеоном, в 1808 году воюет в составе русской армии со шведами. Болезнь помешала Батюшкову в 1812 году вступить в армию, но, как только здоровье его улучшилось, он в 1813 году принял участие в сражениях. В 1815 году избран членом «Арзамаса». В 1818 году получает назначение в дипломатическую миссию в Неаполь. С 1822 года Батюшков тяжело болен.

Душевная болезнь мучила его в течение тридцати с лишним лет, пока смерть от тифа в Вологде не избавила поэта от невыносимых страданий.

Первые литературные опыты Батюшкова относятся к началу XIX века. Поэт сразу же заявил себя сторонником карамзинистов. Он одновременно выступал и против «беседчиков», и против эпигонов сентиментализма. До 1812 года в творчестве Батюшкова господствуют анакреонтические мотивы. Поэт прославляет простые земные радости, независимость и достоинство человека. «Домашний», интимный мир, подчас отмеченный печатью бедности, нравственнее, чище, благороднее и возвышеннее блестящей, роскошной, но мертвой действительности, окружающей поэта.

После войны 1812 года в лирике Батюшкова появляются ноты сомнения, глубокой грусти. Батюшков становится поэтом-философом. Разрешение противоречий он ищет в религии, но затем преодолевает религиозно-мистические настроения. Он создает жанр исторической элегии, в которой пластичность образов и верность психологических переживаний сочетаются с глубоко трагическим взглядом на жизнь.

Трагизму мироощущения Батюшков, однако, противопоставляет стойкость и личное мужество.

Произведения К. Н. Батюшкова печатаются по изданию: К. Н. Батюшков. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

Совет друзьям (стр. 208).— Эпиграф — из стихотворения французской поэтессы Генриетты Мюра (1670—1716). *Эрата* (Эрато) — муза эротической, любовной поэзии (греч. миф.).

Выздоровление (стр. 210).— Стихотворение навеяно действительным фактом. В 1807 году Батюшков был ранен и для лечения перевезен в Ригу, где он влюбился в дочь купца Мюгеля. А. С. Пушкин на своем экземпляре книги К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» сделал приписку под этим стихотворением: «Одна из лучших элегий Батюшкова» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 575). *Эреб* — самая мрачная часть подземного царства, где помещается дворец Плутона (греч. миф.). *Орковы поля* — подземное царство мертвых (римск. миф.).

Ложный страх (стр. 210).— Подражание стихотворению «La Frayeur» («Испуг») французского поэта Эвариста-Дезире де Форжа Парни (1753—1814).

Элизий (стр. 212).— *Элизий* — загробный мир, где блаженствуют души праведников (греч. миф.).

Надпись на гробе пастушки (стр. 212).— Сюжет стихотворения навеян картиной французского художника Пуссена (1594—1665). На ней изображено надгробие, возле которого стоят пастухи. Надпись на камне гласит: «И я жил в Аркадии». Стихи использованы П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама».

На смерть Лауры (стр. 213).— Стихотворение является вольным переводом сонета Петрарки (1304—1374) «Повержены высокая колонна и вечнозеленый лавр», в котором итальянский поэт скорбит о смерти своего друга и покровителя Стефана Колонна и своей возлюбленной Лауры. *Колонна гордая! о, лавр вечнозеленый!* — Игра слов: колонна — Колонна; лавр (lauro) — Лаура (Laura).

Вечер (стр. 213).— Подражание четвертой канцоне из цикла Петрарки «Сонеты и канцоны на смерть Лауры». *И брашна сельские...*— Брашна — кушанья (устар.).

Дружество (стр. 214).— *Тезей* и *Пирифой* — два друга, заточенные в Аид (греч. миф.). *Атридов сын в цепях...*— Имеется в виду Орест, друг Пилада (греч. миф.).

Мои пенаты (стр. 215).— Литературными источниками послужили: стихотворение «A mes pénates» («Моим пенатам») Жана-Франсуа Дюси (1733—1816), французского поэта-классика, и стихотворение «La chartreuse» («Обитель») Жана-Батиста Грессе (1709—1777), французского сатирического поэта, новеллы которого были направлены против духовенства и монахов, а ранее автора эпикурейских посланий. *Лары* — богини домашнего очага (римск. миф.). *В Аонии прелестной...*— Аония — область Древней Греции, где находился Геликон и обитали музы (греч. миф.). *Стигийских берегов...*— То есть берега Стикса. *Парнасский исполин* — Г. Р. Державин, автор стихотворений «Лебедь» (ср. у Батюшкова: «Наш лебедь величавый»), в котором он ратовал за гражданское служение поэта, и «Соловей» (ср.: «Как вешний соловей») — образца интимной лирики. Отсюда последующее сравнение Державина с Пиндаром и Горацием. *Как Суна средь степей...*— На реке Суне, в Карелии, находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад». *То мудрого Платона // Описывает нам, // И ужин Агатона...*— В пьесе Карамзина «Афинская жизнь» изображены греческий философ Платон и его друг, трагик Агатон. *То Древню Русь и нравы // Владимира времян, // И в колыбели славы // Рождение славян.*— В 1802 году Карамзин напечатал несколько статей по русской истории. В статье «О любви к отечеству и народной гордости» есть такие слова: «Слава была колыбелью народа русского, а победы вестницею бытия его». *За ними сильф прекрасной...*— Имеется в виду И. Ф. Богданович. *Мелецкого...* — Речь идет о Ю. А. Нелединском-Мелецком (1752—1828), поэте-сентименталисте, песни которого были весьма популярны. И. И. *Хемницер* (1745—1784) — русский баснописец. *О Аристиппов внук!* — Имеется в виду П. А. Вяземский, названный так за прославление культа наслаждений; Аристипп (IV в. до н. э.) — греческий философ, видевший смысл жизни в наслаждениях. *Наемных ликов глас...*— Имеется в виду хор, отпевающий покойников.

А. С. Пушкин на своем экземпляре «Опыта в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова под этим стихотворением сделал приписку: «Это стихотворение дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна» (А. С. Пушкин.

Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 589).

К Д а ш к о в у (стр. 222).— Д. В. *Дашков* — приятель Батюшкова. Стихотворение навеяно личными впечатлениями от сгоревшей Москвы. *Армид и ветреных цирцей...*— Армида — прекрасная волшебница в поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», имя ее стало нарицательным для обозначения прелестной, коварной обольстительницы. Цирцея — волшебница, превратившая спутников Одиссея в свиней (г р е ч. м и ф.).; здесь — красавица, обольстительница. *Пока с израненным героем...*— Имеется в виду генерал А. Н. Бахметьев, раненный при Бородине; Батюшков в 1813 году был назначен к нему адъютантом.

Т е н ь д р у г а (стр. 225).— Стихотворение посвящено памяти друга Батюшкова — И. А. Петина, убитого в 1813 году, двадцати четырех лет от роду, под Лейпцигом. Стихотворение написано во время поездки на корабле из Англии (Альбион) в Швецию в июне 1814 года. Эпиграф взят из элегии «Тень Цинтии» римского поэта Проперция (I в. до н.э.). *За кораблем вилася гальциона...*— Здесь — чайка; Гальциона — дочь бога ветров Эола, была превращена Зевсом в чайку (г р е ч. м и ф.). *Завидной смертию, над плейскими струями...*— Петин был убит близ реки Плейсе. *При страшном зареве Беллониных огней...*— Огни войны; Беллона — богиня войны (р и м с к. м и ф.).

С у д ь б а О д и с с е я (стр. 226).— Вольный перевод стихотворения Шиллера «Odysseus» (1795).

В а к х а н к а (стр. 226).— Тематически близко стихотворению Э. Парни «Déguisements de Vénus» («Переодевания Венеры»). *Все на праздник Эригоны...*— К этому стиху есть примечание автора: «Эригона — дочь Икария, которую обольстил Вакх, преобратясь в виноградную кисть». *Эвры волосы взвивали...*— Эвр — утренний тихий ветер (г р е ч. м и ф.). А. С. Пушкин приписал под стихотворением: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 593).

Т а в р и д а (стр. 227).— Элегия пользовалась широкой известностью у современников. Батюшкова назвали после появления элегии «Певцом Тавриды». А. С. Пушкин под стихотворением приписал: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова» (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 579). Он отметил стихи 21—24: «Любимые стихи Батюшкова самого» (т а м ж е). *Водолей* — январь; созвездия Водолея изображались в виде человека, выливающего из кувшина воду в пасть рыбы.

М о й г е н и й (стр. 228).— *О память сердца!* — Как указано самим Батюшковым, афоризм принадлежит «глухонемому философу Масьё» (К. Н. Б а т ю ш к о в, Соч., т. II. СПб., 1885, с. 142). Масьё (1772—1846) — французский педагог и философ.

Р а з л у к а (стр. 229). — *Тирас* — греческое название Днестра. *О милой, сердцу незабвенной...*— Имеется в виду возлюбленная Батюшкова А. Ф. Фурман (1791—1850), воспитанница директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Батюшков был помолвлен с ней. Однако в начале 1815 года он узнал, что невеста его не любит. Потрясенный, Батюшков уехал из Петербурга.

П о с л е д н я я в е с н а (стр. 229).— Подражание элегии французского поэта Ш.-Ю. Мильвуа (1782—1816).

К д р у г у (стр. 231).— Стихотворение обращено к П. А. Вяземскому. *Где твой Фалерн...*— Здесь — вино; фалернское вино (из области Фалерн) прославлялось римскими поэтами, в том числе Горацием. *Где дом твой, счастья дом?..*— Речь идет о московском доме Вяземского, пострадавшем во время пожара 1812 года. *Веспер* — божество вечерней звезды; одно из прозвищ планеты Венеры (р и м с к. м и ф.). *И Клии мрачные скрижали...*— Клио (г р е ч. м и ф.) — муза истории.

Э л е г и я (стр. 233).— Стихотворение отражает характер отношений поэта к А. Ф. Фурман. *Как лотос, силою волшебной врачевали.*— Согласно греческому преданию, рассказанному в «Одиссее» Гомера, цветы лотоса давали забвение тому, кто их вкусил. *В лесах, где Жувизи гордится над рекою...// В цветущих пажитях Ричмона... // На зе́ркальных водах пустынной Троллетаны.*— В рукописи есть примечание Батюшкова: «Жувизи — замок близ Парижа. Ричмон — прекрасный городок в окрестностях Лондона, напротив жилища Попе. Путешественники никогда не забудут террасы и пленительных видов Ричмона. Троллетана — водопад близ Готтенбурга на западном берегу Швеции» (К. Н. Б а т ю ш к о в. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1959, с. 350). *Сейна* — Сена.

П е с н ь Г а р а л ь д а С м е л о г о (стр. 236).— Вольная обработка древней северной песни, приписываемой норвежскому конунгу и скальду Гаральду Смелому (1015—1066). Песнь обращена к одной из дочерей Ярослава Мудрого, Елизавете, на которой Гаральд женился в 1045 году. В песне Гаральд изобразил себя, по тогдашнему обычаю, рыцарем, жалующимся на мнимую жестокость возлюбленной. Карамзин, однако, отрицает это, утверждая, что бывшая киевская княжна не презирала Гаральда. *Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..*— Имеется в виду Франция; название происходит от древнего имени Сены — Сикана. *Дронтгейм* — одна из областей Норвегии.

«С в е р ш и л о с ь: Н и к а г о р ы и п л а м е н н ы й Э р о т...» (стр. 237).— Третье стихотворение из «греческой антологии», переведенной Батюшковым для статьи его друга, «арзамасца» С. С. Уварова. Статья Уварова и переводы Батюшкова были напечатаны отдельной брошюрой («О греческой антологии») в 1820 году. Батюшков, не знавший греческого языка, переводил с помощью Уварова, который перелагал греческие стихи на французский язык. Автор оригинала — греческий поэт Гедил (III в. до н. э.).

«В Лаисе нравится улыбка на устах...» (стр. 237).— Восьмое стихотворение из «греческой антологии». Источник — греческий поэт Павел Силенциарий (VII в.).

«С отвагой на челе и с пламенем в крови...» (стр. 238). — Тринадцатое стихотворение из «греческой антологии». Источник неизвестен.

К творцу «Истории Государства Российского» (стр. 238).— Обращено к Н. М. Карамзину. *Отец истории читал...*— Имеется в виду Геродот (500—424 гг. до н. э.), греческий историк, читавший, по преданию, на Олимпийских играх свои исторические сочинения. *Как старца слушал Фукидид...*— Согласно преданию, юноша Фукидид (ок. 464—400 гг. до н. э.) слушал Геродота на Олимпийских играх. Впоследствии он стал знаменитым историком, автором «Истории Пелопонесской войны».

«Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» (стр. 239).— *Байя* — древнеримский город, близ Неаполя, развалины которого, выступающие из воды, видел Батюшков в 1819 году.

«Есть наслаждение и в дикости лесов...» (стр. 239).— Вольный перевод сто семьдесят восьмой строфы четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона.

«Ты хочешь меду, сын?..» (стр. 239).— Шестое стихотворение из цикла «Подражания древним».

Изречение Мельхиседека (стр. 240).— *Мельхиседек* — библейский царь, первосвященник (буквально: «царь правды»).

Н. ГНЕДИЧ

Николай Иванович Гнедич (1784—1833) — поэт и переводчик. Родился в Полтаве, в семье небогатого помещика. В 1800 году поступил сначала в Благородный пансион при Московском университете, потом перешел в университет. В 1803 году, не кончив университетского курса, уехал в Петербург, сблизился с членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В 1807 году начал переводить «Илиаду» Гомера. В 1819 году вступил в общество «Зеленая лампа», заглавную роль в котором играли члены Союза благоденствия. В 1826 году Гнедич завершил перевод «Илиады». Последние годы жизни его одолевали болезни. Он умер в Москве в полном одиночестве.

Первые оригинальные произведения Гнедича относятся к 1804—1805 годам. Он в раннем творчестве испытал влияние русской просветительской литературы XVIII века. В поэзии Гнедича преобладает гражданская тематика, связанная с утверждением героического сознания и общественного долга. В этом отношении Гнедич был прямым предшественником декабристов. Поэт испытывал также интерес к народному искусству. Так возникло намерение перевести «Илиаду» Гомера, понятую как образец эпического творчества народа, наполненный героическим содержанием. «Илиада» была переведена

Гнедичем русским гекзаметром. Эпические формы поэт использовал и для воссоздания картин русской жизни.

Стихотворения Н. И. Гнедича печатаются по тексту издания: Н. И. Гнедич. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1956.

Перуанец к испанцу (стр. 241).— *Не славы победить, ты злата лишь алкал...*— Испанские конкистадоры в поисках золота захватили Перу в 1532 году, убив правителя страны — верховного инку Атауальку.

К NN (стр. 244).— Относится, вероятно, к К. Н. Батюшкову.

Военный гимн греков (стр. 245).— Стихотворение является переводом военного гимна греческого революционера и поэта Ригаса (наст. имя Антониос Кириазис, ок. 1757—1798). Ригас основал тайное общество (гетерию) для борьбы с турками, поработившими Грецию, был схвачен и казнен. *О геллины веков минувших...*— Греки. *На семихолмный град...*— Имеется в виду Стамбул (Константинополь). *Героя Леонида...*— Спартанский царь Леонид преградил путь персам в Грецию. Погиб при Фермопилах в 480 году до н. э.

А. С. Пушкину (стр. 246).— *Протей* — морское божество, обладавшее способностью принимать различные облики (греч. миф.); здесь — поэтическое многообразие.

Ф. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — поэт, драматург и прозаик. Родился в дворянской, средней руки семье, в Смоленской губернии. В 1805—1806 годах принимал участие в войне против Наполеона, состоя адъютантом генерала Милорадовича. По окончании войны вышел в отставку, но в 1812 году снова вступил в русскую армию, участвовал в Бородинском сражении и в заграничном походе 1813—1814 годов.

В 1816 году был избран сначала вице-председателем, а затем председателем «Вольного общества любителей российской словесности». В 1816—1821 годах был членом Союза спасения, а затем организатором и руководителем Союза благоденствия. Придерживался умеренных взглядов, защищал конституционную монархию. После роспуска Союза благоденствия не вступил в Северное общество, так как разошелся с радикальными декабристами, не разделяя их идеи насильственной революции. В 1826 году, после восстания декабристов, был арестован, выслан в Петрозаводск. Последние годы жизни провел в Твери.

Творчество Ф. Н. Глинки интересно и значительно как живой отклик на патриотический подъем 1812 года и как выражение ранних декабристских идеалов. В лирике Глинки сильны просветительские идеи XVIII века. В жанровом отношении Глинка также своеобразен: он сочетает элегию и псалом.

После поражения восстания декабристов в поэзии Глинки усиливается мистико-моралистический пафос, на первый план выдвигается религиозный дидактизм.

Стихотворения Ф. Н. Глинки печатаются по изданию: Ф. Н. Глинка. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1957.

Сон русского на чужбине (стр. 250).— Эпиграф из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798).

Песнь узника (стр. 252).— Строфы шестая и седьмая связаны с надеждами на помилование декабристов.

П. КАТЕНИН

Павел Александрович Катенин (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик. Катенин родился в старинной дворянской семье. Он получил прекрасное домашнее образование. С 1806 года Катенин находился сначала на гражданской, а затем, с 1810 года, на военной службе. Принял участие в войне 1812 года: сражался в Бородинской битве, под Кульмом и Лейпцигом. В конце 1816 года Катенин вступил в Союз спасения, но после преобразования его в Союз благоденствия, в котором победила умеренная группировка, вышел из общества и никогда более не возобновлял разорванных связей. Отойдя от непосредственного участия в революционной борьбе, Катенин, однако, не изменил своим оппозиционным настроениям. В 1822 году Катенин был за ничтожный проступок выслан из Петербурга по личному повелению Александра I. Три года поэт провел в своем имении в Костромской губернии. В августе 1825 года ему было разрешено вернуться в Петербург. Катенин много писал и печатал почти во всех литературных жанрах. После 1825 года Катенина, напротив, постигли неудачи: ему не удалось выпустить сборник стихотворений, его трагедия «Андромаха» успеха не имела, его попытки стать журналистом тоже рухнули. В 1827 году он возвратился в свое имение. В 1832 году вышли два тома его произведений. Умер Катенин в своей деревне Шаево Костромской губернии.

Катенин начал свой творческий путь в 1810 году. Первоначально Катенин выступил в русле декабристского романтизма и активно боролся с мечтательно-созерцательным течением в русском романтизме.

Катенин, обратившись к темам русской истории, в жанре баллады, начал борьбу за сближение книжной речи с речью простонародной. Центральной идеей становится идея народности, понятая в духе декабристского романтизма. Позднее Катенин обращается к гражданской, героической и патриотической тематике, черпая сюжеты своих произведений из русской и античной истории. В последние годы создал образ отверженного судьбой поэта, вольнолюбивого и не смирившегося с деспотизмом.

Стихотворения П. А. Катенина печатаются по изданию: П. А. Катенин. Избр. произв. М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта»,

Большая серия), 1965; стихотворения «Убийца» и «А. С. Пушкину» — по тексту издания: П. А. Катенин. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1954.

Грусть на корабле (стр. 256).— Стихотворение навеяно морским переходом из Франции в Россию в 1814 году; Преображенский полк, в котором служил Катенин, был перевезен на кораблях русской военной флотилии.

Певец (стр. 256).— Вольное переложение одноименной баллады Гете. *Окружен блестящим ликом...*— Лик — здесь: сборище. *В светлой гридне заседал.*— Гридня (гридница) — помещение при дворе князя, где жила дружина (гридь). *Повелел златую гривну...*— Гривна — украшение, которое носили на шее.

Убийца (стр. 258).— *Ни в мягкой рухляди камчатой...*— Рухлядь камчатая — шелковые ткани, одежда. *К косящету окну* — то есть к окну с косяками (в отличие от окна волокового — маленького, задвижного, в которое выволакивает дым).

«Отечество наше страдает...» (стр. 262).— До нас дошли одна строфа и припев песни Катенина. Припев является переложением «Гражданского гимна», сочиненного врачом Буа в 1791 году и положенного на музыку композитором Далейраком. Песня Катенина была очень популярна в декабристских кругах до и после подавления восстания 1825 года.

А. С. Пушкину (стр. 262).— Катенин переслал Пушкину свое стихотворение «Старая быль» вместе с данным посланием. Пушкин передал стихотворение в альманах «Северные цветы», но послание не напечатал, ссылаясь впоследствии на неудобность печатать «посвящение с похвалами ему же». Катенин не был удовлетворен пушкинскими объяснениями и выразил мнение о том, что шутки, касающиеся Карамзина («историограф почтенный») и «младых романтиков», послужили действительной причиной задержки послания. Отправляя посвящение Н. И. Бахтину, Катенин сопроводил его следующим пояснением: «Французы взяли и разграбили Царьград два столетия после Владимира. Ринальд, женатый, отказался от опасного испытания и не стал пить из кубка, завороженного так, что муж верной только жены мог выпить до дна, а прочие поневоле питьем обливались. Ариост. Orlando furioso[1]. Песнь 42-я и 43-я» (П. А. Катенин. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1954, с. 304—305).

К. РЫЛЕЕВ

Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826) — поэт-декабрист. Родился в небогатой дворянской семье. В 1814 году окончил кадетский корпус в чине прапорщика. В 1814—1815 годах находился за границей

[1] «Неистовый Роланд» *(итал.)*.

и некоторое время жил в Париже. Впоследствии в своих показаниях особо отметил это обстоятельство: «Свободомыслием первоначально заразился во время похода во Францию в 1814 и 1815 годах...» («Восстание декабристов», т. I. М., 1925, с. 156). В 1821 году избран заседателем Петербургской уголовной палаты, проявив на этом посту безукоризненную честность и высокое мужество. В это же время Рылеев сблизился с членами Союза благоденствия, а в 1823 году был принят в Северное общество. В 1824 году он перешел на службу в Российско-Американскую торговую компанию и занял должность правителя канцелярии. С 1823 года Рылеев вместе со своим другом А. А. Бестужевым издавал альманах «Полярная звезда». Рылеев был самой крупной и самой радикальной фигурой в Северном обществе. Рылеев выступал за республиканское правление, за освобождение крестьян от крепостной зависимости. Вскоре стал одним из руководителей Северного общества и вошел в состав высшего его органа — думы. В 1825 году он возглавил восстание декабристов, а после поражения семь месяцев провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В 1826 году был повешен в числе пяти декабристов.

Рылеев возглавил в русской литературе декабристский романтизм, который, в противоположность мечтательно-созерцательному романтизму Жуковского, выдвинул на первый план идею активной борьбы за переустройство общества. Центральной темой стало утверждение политической свободы, осознанное как внутреннее, личное стремление человеческой души. В соответствии с этим появляются призывы к гражданскому служению, усиливается агитационное начало. Рылеев ориентируется на гражданскую поэзию русского просветительства XVIII века. На первый план им выдвигаются ода и сатира — высокие жанры. Элегии и послания под пером Рылеева перестраиваются, наполняясь гражданским, общественным содержанием. Отсюда же возникает тяготение к обличительной и витийственной интонациям, к высокой, «архаической» лексике, к декламационному, ораторскому стиху. В творчестве Рылеева появляются ориентированные на русскую и славянскую историю «Думы», имеющие генетическое родство с русскими народными историческими песнями. В них, как и в поэмах, нет объективной исторической правды, но есть гражданская идея, состоящая в прославлении личного мужества, противопоставленного тиранин. Историческим личностям свойствен декабристский идеал. В думах и поэмах за счет исторического начала усилено агитационно-пропагандистское. Лишь в последних произведениях Рылеева изображение народного характера в историческом прошлом значительно усложнено.

Произведения К. Ф. Рылеева печатаются по изданию: К. Ф. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

К временщику (стр. 265).— *Временщик* — А. А. Аракчеев. *Что сей кимвальный звук...*— Кимвал — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок. *Сеян* — Сеян Люций Эпиус (умер в 31 г.) — всесильный временщик в правление римского императора Тиберия. *И в Цицероне*

мной не консул — сам он чтим // За то, что им спасен от Катилины Рим...— Марку Туллию Цицерону (106—43 гг. до н. э.) принадлежала ведущая роль в раскрытии заговора Луция Сервия Катилины (ок. 108—62 гг. до н. э.) против Римской республики. *Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!*— Гай Лонгин Кассий (умер в 42 г. до н. э.) и Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.) — вожди республиканского заговора против императора Гая Юлия Цезаря; в 44 году до н. э. Цезарь был ими убит. Катон Младший (95—46 гг. до н.э.) — убежденный сторонник республики, покончивший с собой после победы монархизма и воцарения Цезаря. *Селения лишил их прежней красоты...*— Намек на военные поселения, введенные Аракчеевым.

На смерть Бейрона (стр. 266).— Посвящено памяти Байрона, сражавшегося за свободу Греции и умершего 19 апреля 1824 года в Миссолунгах. *Грозят отчизне Фемистокла...*— Имеется в виду Греция; Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 гг. до н. э.) — выдающийся афинский полководец, одержавший победу над персидским флотом.

Бестужеву (стр. 271).— *Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...*— Пушкин отрицательно оценил большинство «Дум» Рылеева.

Смерть Ермака (стр. 272).— Посвящена *П. А. Муханову* (1799—1852), члену Союза благоденствия, другу Рылеева. «Дума» была положена на музыку и сделалась популярной народной песней.

Иван Сусанин (стр. 275).— В основу «Думы» легло костромское предание, которое было рассказано С. Н. Глинкой в его книге «Русская история в пользу воспитания» (М., 1818, ч. VI, с. 10—11). *Она для России спасла Михаила!* — Михаил Романов был избран на престол Земским собором. Рылеев, таким образом, прославлял Ивана Сусанина как спасителя народного избранника.

А. БЕСТУЖЕВ

Александр Александрович Бестужев (1797—1837) — писатель и критик, литературный псевдоним — Марлинский. Родился в Петербурге, в старинной дворянской, но уже обедневшей семье. В 1807 году поступил в Горный корпус, но не окончил его. В 1816 году определился юнкером в драгунский полк, а затем продолжал в нем службу в чине прапорщика. В 1820 году был избран членом «Вольного общества любителей российской словесности». В 1824 году вступил в Северное общество. С 1825 года являлся членом Верховной думы этого общества. Вместе с Рылеевым занимал радикальную позицию, отстаивая необходимость республиканской формы правления. Принял активное участие в восстании 14 декабря 1825 года, а затем добровольно передал себя в руки властей. Осужденный по приговору к двадцатилетней каторге, которая была заменена ссылкой в Сибирь, через несколько лет отбыл на Кавказ, в действующую армию рядовым. Лишь в 1836 году благодаря исключительной личной храбрости был произведен в офицеры, а в следующем году погиб в бою.

С первых шагов в литературе, в 1819 году, Бестужев примыкает к поэтам «Арзамаса», высмеивая эпигонов классицизма. Но Бестужеву чужда также и общественная индифферентность карамзинистов. Он выступает за литературу, наполненную большим гражданским содержанием. Бестужев создает образ поэта-избранника, поэта-революционера, способного преобразовать действительность. В поэзии Бестужева высокий романтический подвиг гражданского служения сопряжен, как и у Рылеева, с предчувствием неизбежной гибели.

После поражения восстания декабристов настроения трагизма, вызванные сознанием оторванности от народной почвы, определяют звучание его поэзии. Романтизм Бестужева претерпевает характерные изменения: высокая гражданская тема сменяется темой роковой обреченности.

Произведения А. А. Бестужева печатаются по тексту издания: А. Бестужев-Марлинский. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1961.

Череп (стр. 279).— Существует предположение, что стихотворение представляет собой полемический ответ Баратынскому, у которого также есть стихотворение «Череп». Эпиграф — из монолога Фауста (сцена «Ночь»)— Гете, «Фауст», часть I.

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ А. БЕСТУЖЕВА И К. РЫЛЕЕВА

Агитационные песни были созданы по инициативе Рылеева с целью пропаганды в народе революционных идей.

«Ах, где те острова...» (стр. 283).— Песня предназначалась для распространения в дворянской среде, которой были понятны содержащиеся в ней сатирические намеки. *Где читают Pucelle...*— Имеется в виду запрещенная в России антиклерикальная поэма Вольтера «Орлеанская девственница» («La pucelle d'Orléans»). *Бестужев-драгун* — А. А. Бестужев, служивший в драгунском полку. *Где наш князь-чудодей // Не бросает людей // В Вислу.*— Имеется в виду великий князь Константин Павлович, наместник Царства Польского, всячески издевавшийся над поляками. *Не боится когтей // Танты.*— Имеется в виду тетка жены Булгарина, прозванная Тантой, у которой Булгарин был под башмаком. *А Мордвинов кричит...*— Речь идет о Н. С. Мордвинове (1754—1845), государственном деятеле, пользовавшемся популярностью среди декабристов. *Где не думает Греч, // Что его будут сечь...*— Ходили слухи, что Греч был высечен в тайной полиции. *Где Сперанский попов // Обдает, как клопов, // Варом.*— Намек на религиозно-мистические увлечения Сперанского в начале 20-х годов. *Измайлов.*— Баснописец А. Е. Измайлов был известным пьяницей.

«Ты скажи, говори...» (стр. 284).— *Как в России царей // Давят.*— Намек на убийство Петра III и Павла I. *А жена пред дворцом...*— Екатерина II принимала непосредственное участие в низвержении Петра III. *Как курносый злодей...*— Имеется в виду Павел I.

«А х, т о ш н о м н е...» (стр. 285).— В начальных строках использована популярная песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне...». *Без синюхи // Судьи глухи...*— Синюха—пятирублевая ассигнация; здесь — взятка. *А под царским орлом...*— Вывески кабаков и питейных лавок украшались гербом с изображением двуглавого орла.

В. К Ю Х Е Л Ь Б Е К Е Р

В и л ь г е л ь м К а р л о в и ч К ю х е л ь б е к е р (1797—1846) — поэт, драматург и литературный критик. Родился в Петербурге, в обрусевшей немецкой семье. В 1811 году поступил в Царскосельский лицей, и его друзьями стали Дельвиг и Пушкин. В лицее он стал членом «Священной артели», большинство участников которой вошли затем в тайное общество декабристов Союз спасения. В 1819 году был избран в «Вольное общество любителей российской словесности». В 1820 году Кюхельбекер уехал за границу, жил в Германии, Италии, Франции. В Париже с успехом читал лекции по русской литературе. В Германии познакомился с Гете, а во Франции — с Бенжаменом Констаном. В 1824 году совместно с В. Ф. Одоевским начал издавать альманах «Мнемозина». В 1825 году переехал в Петербург и вступил в Северное общество. После поражения декабрьского восстания бежал из России, но был схвачен в Варшаве, доставлен в столицу и посажен в Петропавловскую крепость. Был приговорен к смертной казни, которая была заменена двадцатилетними каторжными работами. Впоследствии и эта мера была изменена: более десяти лет просидел в одиночном заключении в разных крепостях, а в 1835 году сослан в Сибирь. Больной туберкулезом, потерявший зрение, Кюхельбекер скончался в Тобольске.

Творчество Кюхельбекера своеобразно и противоречиво: в нем сочетались гражданские традиции русского классицизма и просветительства с принципами декабристского романтизма. Ранние произведения Кюхельбекера выдержаны в сентиментально-элегическом духе. Однако постепенно Кюхельбекер все больше проникается гражданскими и вольнолюбивыми настроениями. На втором этапе центральной темой становится дружба как союз людей, посвятивших себя высоким идеям свободы, братства и справедливости. Лирический герой Кюхельбекера — борец против тирании, готовый принять смерть, но смело ринуться в бой. Важное место занимает в творчестве Кюхельбекера тема поэтического служения. Поэт предстает в его лирике певцом-гражданином, борцом за народное благо. Основной жанр лирики — гражданская ода. После 1825 года в лирике Кюхельбекера громче звучат ноты отчаяния, скорби, примирения. Лирика Кюхельбекера становится разнообразнее по темам и жанрам. В ней усиливаются романтические мотивы обреченности и тоски.

Кюхельбекер известен так же как автор поэм, трагедий, драм и мистерий.

Стихотворения В. К. Кюхельбекера печатаются по изданию: В. К. К ю х е л ь б е к е р. Лирика и поэмы, т. 1. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939.

К Пушкину и Дельвигу (стр. 288).— *Ариост* — Людовико Ариосто (1474—1533), итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд».

Греческая песнь (стр. 289).— Написана в связи с греческим восстанием 1821 года против турецкого владычества.

К Ахáтесу (стр. 290).— Относится к греческому восстанию 1821 года. *Ахатес* — спутник Энея в «Энеиде» Вергилия; символ верности в дружбе. *Лететь к Марафонским, святым знаменам!*— При Марафоне в 490 году до н. э. афиняне одержали победу над персами.

Тень Рылеева (стр. 291).— *В ужасных тех стенах, где Иоанн...*— Имеется в виду Иоанн Антонович, свергнутый с престола в младенчестве и заключенный в Шлиссельбургскую крепость. Убит в 1764 году. *Певец, поклонник пламенный свободы...*— Здесь Кюхельбекер имеет в виду себя.

«Суров и горек черствый хлеб изгнанья...» (стр. 292).— Лирическое отступление из поэмы «Давид». Первая строка — стих из «Божественной Комедии» Данте.

Клен (стр. 292).— *Тогда с брегов смиренной Авиноры...*— Авинора (Авинорм) — имение родителей Кюхельбекера в Эстляндии.

19 октября (стр. 295).—*19 октября*— день лицейской годовщины.

Участь русских поэтов (стр. 296).— *Или болезнь наводит ночь и мглу...*— В 1845 году Кюхельбекер ослеп. *Или рука любезников презренных...*— Речь идет о гибели Пушкина. *Или же бунт поднимет чернь глухая...* — Имеется в виду гибель Грибоедова в 1829 году.

А. ОДОЕВСКИЙ

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт-декабрист. Родился в родовитой, но обедневшей дворянской семье. Дома получил прекрасное образование. В 1821 году начал служить в конногвардейском полку. В начале 1825 года был принят в Северное тайное общество. В восстании командовал заградительной цепью на площади. После поражения восстания пытался бежать, но был арестован и впоследствии приговорен к двенадцати годам каторги. С 1827 по 1830 год находился в Читинском остроге, а с 1830 по 1833 год — на Петровском заводе. В 1833 году Одоевский поселился под Иркутском, затем его перевели в г. Ишим Тобольской губернии. В августе 1837 года Одоевского определили рядовым в Кавказский корпус. Умер на Кавказе от злокачественной малярии.

Литературное наследство А. И. Одоевского невелико по объему. В лирике Одоевский близок декабристскому романтизму. Он отстаивал гражданскую лирику, выступал против сентиментальности, унылой элегичности. После 1825 года в творчестве Одоевского усиливаются трагические мотивы. Центральным образом становится герой, гибнущий за свободу. Сюжеты своих произведений Одоевский заимствует из древнерусской истории и фольклора. Традиции декабристской поэзии осложняются философской проблематикой. В творчестве Одоевского появляются философские медитации и лирические

монологи. Философскому осмыслению подверглась характерная для декабристской лирики тема поэта-гражданина.

Стихотворения А. И. Одоевского печатаются по изданию: А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958.

«Что мы, о боже? В дом небесный...» (стр. 298).— Существует предположение, что стихотворение написано в Петропавловской крепости в дни ожидания приговора.

Тризна (стр. 299).— Стихотворение посвящено Ф. Ф. Вадковскому (1800—1844) — декабристу, члену Северного и Южного обществ, поэту, композитору, математику. Вадковский положил на музыку стихотворение Одоевского «Славянские девы». В основе стихотворения — борьба независимых князей против норвежского короля Гаральда Гарфагра. *Утихнул бой Гафурский.*— Имеется в виду битва при Хафрсфьюре в 872 году. *Они, пристав к Исландии брегам...*— После победы Гаральда знатные роды норвежцев вынуждены были бежать в Исландию. *Пьют юных Валкирий живые лобзанья.*— Валькирии — девы-воительницы, повелевающие битвами; они уносят павших героев с поля боя в райское жилище Валгаллу, в чертог главного божества Одина (сканд. миф.).

«Струн вещих пламенные звуки...» (стр. 299).— Стихотворение представляет собой ответ А. С. Пушкину на его послание «Во глубине сибирских руд...». Оно было распространено в многочисленных списках и пользовалось исключительной популярностью в революционной среде. Строка «Из искры возгорится пламя...» послужила эпиграфом для ленинской «Искры».

Славянские девы (стр. 301).— *Старшая дева.*— Имеется в виду Россия, страдающая под гнетом самодержавия.

«Недвижимы, как мертвые в гробах...» (стр. 302).— Написано в связи с известием о восстании в Польше в ноябре 1830 года. *И в шуме битв поет за упокой...*— Намек на панихиду по декабристам, отслуженную польскими повстанцами в Варшаве. *Пять жертв встают пред нами...*— Имеется в виду пятеро казненных декабристов — Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский. *Пускай утешит мирная кутья...*— Стихотворение написано 13 июля 1831 года, в годовщину казни декабристов.

«Ты знаешь их, кого я так любил...» (стр. 303).— Стихотворение относится к польскому революционеру А. М. Янушкевичу (1803—1857), передавшему А. И. Одоевскому привет от заточенных в Кургане декабристов.

«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» (стр. 304).— Стихотворение, по воспоминаниям декабристов М. А. Назимова и А. Е. Розена, написано при переезде из Сибири на Кавказ, недалеко от Ставрополя, при виде станицы журавлей, летевших на юг.

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — поэт и критик. Родился в Москве, в старинной дворянской семье. В 1806 году брал частные уроки у профессоров Московского университета. В начале 10-х годов XIX века Вяземский стал видным приверженцем Карамзина. В доме Вяземского постоянно собирались будущие «арзамасцы». Война 1812 года всколыхнула патриотические чувства Вяземского, который вступил добровольцем в ополчение и участвовал в Бородинской битве. В 1815 году он вошел в «Арзамас». Поддерживал довольно тесные связи с будущими декабристами. В 1817 году Вяземский получил назначение в Польшу. В 1821 году, обвиненный в польских симпатиях, он отстраняется от службы и удаляется из Варшавы. До 1830 года Вяземский находится в опале. В 1830 году поэт был зачислен чиновником особых поручений по министерству финансов, переехал в Петербург, где служил до 1849 года. В 1856—1858 годах он стал товарищем министра просвещения и возглавил Главное управление цензуры. Был близок к царскому дому. Последние двадцать лет Вяземский жил преимущественно за границей (Италия, Франция, Германия). Умер Вяземский в Баден-Бадене.

В литературе Вяземский с самого начала примыкает к карамзинистам. Он культивирует легкий стиль, идущий от французской элегической лирики XVIII века. В 10-е годы Вяземский пишет преимущественно в малых жанрах: элегии, послания, мадригалы, песни и т. д. В конце 10-х — начале 20-х годов в поэзии Вяземского сильны также и вольнолюбивые настроения. Он обращается к жанру оды, сатиры, эпиграммы и басни, используя поэтическую традицию XVIII века. Он стремится наполнить эти формы глубоко личным содержанием, слить личную и гражданскую темы. Он создает сатирические куплетные формы, запечатлевая в них современные события, злобу дня. Это позволяет Вяземскому легко и непринужденно сочетать просторечие с деловой, публицистической и научной речью. В последние годы жизни в поэзии Вяземского берут верх пессимистические мотивы. Они восходят еще к лирике прежнего времени, но теперь оправданность социальная и биографическая придает этим мотивам силу непосредственного и подлинно трагического переживания.

Литературные искания Вяземского нашли отражение в его разнообразной критической деятельности. Вяземский был теоретиком русского романтизма, посвятившим свои лучшие статьи творчеству Пушкина, Жуковского, Козлова. Его статья, напечатанная как предисловие к изданию «Бахчисарайского фонтана» Пушкина (1824), была программной статьей в защиту романтизма. В 30-е годы Вяземский деятельно поддерживал «Литературную газету» Дельвига, «Современник» Пушкина, выступал против торгашеской журналистики.

Произведения П. А. Вяземского, кроме стихотворений «Дорожная дума» («Колокольчик, замотайся...»), «Бахчисарай»,«Пью по ночам хлорал запоем...», «Загадка» и «В воспоминаниях ищу я вдохновенья...», печатаются по изда-

нию: П. А. Вяземский. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958. Перечисленные стихотворения печатаются по изданию: П. А. Вяземский. Избр. стихотворения. М.—Л., «Academia», 1935.

Устав столовой (стр. 305).— Образцом послужила одноименная песня французского поэта Шарля-Франсуа Панара (1694—1765), автора водевилей, комических опер и застольных песен. *В столовой нет отлик местам.*— Отлик (устар.) — отличий, различий (род. падеж мн. ч. от слова «отлика»). *Толстой, верховный жрец его...*— Имеется в виду Ф. И. Толстой — «Американец» (1782—1846), известный гуляка, скандалист и дуэлянт.

Прощание с халатом (стр. 306).— *Хлыстовых бич...* — Хлыстовым «арзамасцы» называли писателя-графомана, члена «Беседы» Д. И. Хвостова. *Владычицы, из своенравной урны...*— Речь идет о Фортуне.

Негодование (стр. 312).— *Зрел промышляющих спасительным глаголом, // Ханжей...*— Намек на усиление мистицизма и религиозности в последние годы царствования Александра I.

Русский бог (стр. 316).— Поэтический образ «русский бог» часто использовался в вольнолюбивой лирике. *Душ, представленных в залог...*— Значительная часть помещичьих имений с крепостными «душами» вследствие разорения дворянства была заложена государству. *Бригадирш обоих полов...*— Имеется в виду комедия Фонвизина «Бригадир», где мужа-бригадира держит под каблуком глупая жена. *Бог бродяжных иноземцев... // Бог в особенности немцев...*— Вяземский резко отрицательно относился к царской бюрократии, господствующее положение в которой занимали прибалтийские немцы. Стихотворение было высоко оценено Герценом, который дважды его напечатал. В бумагах К. Маркса сохранился сделанный для него Н. Сазоновым немецкий перевод стихотворения.

К старому гусару (стр. 317).— Обращено к Д. В. Давыдову, который в 1832 году издал свои сочинения. *Будто дружеской артели...*— В «дружескую артель», о которой вспоминает Вяземский и которая собиралась в его московском доме в 1810—1811 годах, входили Д. Давыдов, Ф. Толстой, В. Жуковский, В. Пушкин, К. Батюшков. *Черт ли в тайнах идеала...*— Петербургская молодежь в конце 20-х — начале 30-х годов увлекалась немецкой философией; здесь заключен также намек на исчерпанность унылого элегического романтизма (см. след. строку: «В романтизме и луне...»). *Иль Моэта из бутылки...*—Моэт — марка шампанского. *И проводят дни невинно...*— Каламбур (без вина). *На воде и на водах...*— На водах, то есть на курортах, где есть лечебные воды.

Еще тройка (стр. 319).— Стихотворение по своим мотивам связано с «Бесами» (1830) Пушкина.

Я пережил (стр. 320).— Вяземский похоронил четырех сыновей и дочь. Возможно, что стихотворение навеяно смертью И. И. Дмитриева и гибелью А. С. Пушкина.

Памяти живописца Орловского (стр. 321).—Александр Осипович Орловский (1777—1832) рисовал батальные и жанровые картины, любил изображать казаков-всадников, ямщиков, мчащиеся тройки и сцены из простонародного быта. *Ям* — село, жители которого несли почтовую повинность.

Самовар (стр. 325).— Эпиграф — из стихотворения Державина «Арфа». *Хоть вы причислены к Германскому Союзу...* — Намек на то, что семейство Убри жило в Германии, так как глава семьи — Петр Яковлевич Убри (1774—1847) — занимал пост русского посланника во Франкфурте. *Пропела Леве ей последний свой мотив...*— Лёве — немецкая актриса. *Дюран* — французский актер. *Где, рыцарь классиков, сражался он с Гернани...*— В 1830 году после постановки драмы В. Гюго «Эрнани» развернулась ожесточенная полемика между «классиками» и романтиками.

Бахчисарай (стр. 330).— *Сам и страдалец и певец.*— Имеется в виду А. С. Пушкин. Вяземский вспоминает его поэму «Бахчисарайский фонтан», героини которой — Зарема и Мария.

«Все сверстники мои давно уж на покое...» (стр. 333).— Написано в день исполнившегося 80-летия.

«Пью по ночам хлорал запоем...» (стр. 335).— *Привыкший к яду Митридат...*— Царь Понта и Босфора Митридат (132—63 гг. до н. э.) был необычайно мнителен, принимал яд в незначительных дозах. Когда же, побежденный римлянами, принял яд, чтобы покончить с собой, то яд не подействовал.

Загадка (стр. 335).— *Что будет продолженье впредь.*— Вяземский скептически относился к христианской легенде о существовании загробного мира.

Цветок (стр. 336).— *Успенья гений белокрылый.*— Успенье — кончина. Согласно церковному преданию, за душой Марии явился бог в сопровождении ангелов.

Е. БАРАТЫНСКИЙ

Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) родился в селе Мара Тамбовской губернии, в небогатой дворянской семье. Сначала учился в частном пансионе, а затем в Пажеском корпусе, из которого был исключен в 1816 году за неблаговидный поступок с запрещением поступать на какую-либо службу, кроме военной. Юношеское озорство, повлекшее неумеренно строгое наказание, тяжело отразилось на всей дальнейшей судьбе Баратынского. До 1812 года он жил в имении дяди в Смоленской губернии, а затем снова приехал в Петербург. С 1820 по 1825 год служил унтер-офицером в Финляндии. В 1825 году поэт благодаря хлопотам друзей получил наконец офицерское звание, а в 1826 году вышел в отставку и переехал в Москву.

Первые произведения Баратынского относятся к концу 1810-х годов. В 1826 году отдельным изданием выходит стихотворная повесть «Эда», а в

следующем — первый сборник стихотворений Баратынского. Баратынский на некоторое время сблизился с московскими шеллингианцами («любомудрами»), издававшими журнал «Московский вестник», но вскоре отошел от них. В 1835 году он выпустил второй сборник стихотворений, а в 1842 году — книгу стихотворений «Сумерки». В 1843 году поэт побывал в Германии, во Франции, где познакомился с Ш. Нодье, А. де Виньи, Сент-Бевом, Ламартином, Мериме, а затем отплыл в Неаполь. В Италии Баратынский внезапно заболел и скоропостижно скончался. В 1845 году его тело из Неаполя было перевезено в Петербург и погребено на кладбище Александро-Невской лавры.

Литературная позиция Баратынского складывалась под непосредственным воздействием дворянской революционности. В первых произведениях Баратынского господствует культ независимости личности, свободы чувства и мыслей. Поэт не принимает окружающей действительности. Однако Баратынский не сочувствует революционным устремлениям декабристов. Преобладающий тон его элегий и посланий — «томная грусть» (по определению Пушкина), проистекающая, как отметил Белинский, от взгляда на жизнь. Новаторство поэта заключалось в психологизации элегий и посланий, в точном и конкретном обнажении драматических переживаний. Психологизмом были проникнуты и поэмы. Вместо исключительных героев романтических поэм Баратынский изобразил обыкновенных людей. В поэмах заметен интерес к реальной жизни, к трагическим коллизиям, обусловленным социальными причинами.

В 30-е годы преимущественное внимание Баратынский уделяет философской проблематике. Он усматривает причину крушения дворянской революционности не в социальных отношениях, а в извечном, с его точки зрения, разладе человека с природой и во внутренней противоречивости человеческой души, сохраняющей верность гуманистическим идеалам, стремящейся к гармонии, счастью и духовной свободе, но никогда не достигающей их. Лирика Баратынского глубоко диалектична, поскольку эти противоречивые чувства даны в их единстве. Романтическому прославлению возвышенной личности поэт противопоставляет трезвый и скептический взгляд разочарованного человека, который возлагает надежду лишь на личное мужество, жизненную стойкость и глубокое размышление. Главными темами в лирике становятся крушение романтических иллюзий и место искусства в жизни. Заметно перестраивается художественная система: элегия наполняется философским содержанием вместо чисто психологического, возникает ораторски возвышенный стиль, повышается роль славянизмов и архаизмов. В конце 30-х годов Баратынский тяжело переживает наступление буржуазного века, несущего бездуховность. Путь человечества поэт осмысливает как трагически бессмысленный, ведущий к неизбежной гибели всего человеческого рода и созданных им культурных ценностей (прежде всего искусства). В начале 40-х годов в связи с оживлением общественной мысли в поэзии Баратынского возникли новые, более оптимистические настроения, но поэту не удалось их развить. В творчестве Баратынского философски обобщена трагедия передового дво-

рянского интеллигента 20—30-х годов, свергнувшего, по словам поэта, старые кумиры и не обретшего новых.

Сочинения Е. А. Баратынского печатаются по тексту издания: Е. А. Баратынский. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1957.

Пиры (стр. 339).— В поэме «Пиры» отражены воспоминания Баратынского о дружеских пирушках бывших лицеистов, которые объединялись вокруг Пушкина и Дельвига. Жанр «Пиров» восходит к традициям легкой французской поэзии конца XVIII — начала XIX века, но поэт иронически осмысливает эпикурейскую тему. *Аи* — марка шампанского.

К <о н ш и> н у (стр. 344).— Посвящено ротному командиру Баратынского, поэту Николаю Михайловичу Коншину (1794—1865).

Разуверение (стр. 347).— Широкую известность стихотворение получило как романс на музыку М. И. Глинки.

Дельвигу (стр. 348).— *Как алчный Тантал, // Сгорает средь влаги прохладной...*— Тиран Тантал был обречен богами на вечные муки: в подземном царстве он стоял по горло в воде, но не мог напиться, потому что вода отступала всякий раз, когда он хотел сделать глоток (греч. миф.); отсюда — «Танталовы муки».

Лета (стр. 350).— Перевод стихотворения Мильвуа «Le fleuve d'oubli» («Река забвенья»).

Оправдание (стр. 354).— *Из-за угла пафосских пилигримок...*— Имеются в виду жрицы любви; на острове Пафос находился храм богини любви Афродиты (греч. миф.).

Череп (стр. 355).— Возможно, что тема стихотворения почерпнута Баратынским у Байрона (V—VII строфы 2-й песни «Чайльд-Гарольда»). Современники отмечали связь элегии со стихотворением Байрона «Lines inscribed upon a cup formed a skull» («Надпись на кубке из черепа»). Отмечено также, что трактовка темы стихотворения могла быть навеяна поэмой французского поэта Ама-Амбруаза-Жозефа Фетри (1720—1789) «Les tombeaux» («Могилы»).

К... («Как много ты в немного дней...») (стр. 357).— Обращено к жене финляндского генерал-губернатора А. Ф. Закревской (1799—1879), которой Баратынский увлекался.

Авроре Ш..... (стр. 357).— Обращено к дочери выборгского губернатора А. К. Шернваль (1808—1902).

Эпиграмма (стр. 358).— Существует предположение, что относится к поэтессе К. К. Павловой (урожденной Яниш).

К*** («Не бойся едких осуждений...») (стр. 359).— По всей вероятности, обращено к А. Мицкевичу, стихотворения которого, напечатанные в русской прессе, получили отрицательную оценку в польской печати.

Последняя смерть (стр. 360).—Здесь переосмысливаются некоторые мотивы стихотворения «Родина». *Эмпирей*—небесная высь, местопребы-

вание богов (греч. миф.). *Хаос* — туманная и мрачная бездна, из которой был сотворен мир (греч. миф.). В. Г. Белинский в статье «Стихотворения Е. Баратынского» (1842) писал об элегии: «Большое, отличающееся превосходными стихами стихотворение «Последняя смерть» есть апофеоза всей поэзии г. Баратынского. В нем вполне выразилось его миросозерцание» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 475).

Стансы (стр. 363).— *Судьбой наложенные цепи...*— Имеется в виду вынужденное пребывание в Финляндии. *Я братьев знал...*— Речь идет о казненном К. Рылееве и сосланных В. Кюхельбекере и А. Бестужеве. *Далече бедствуют иные,// И в мире нет уже других.*— Имеются в виду декабристы; Баратынский перефразирует эпиграф, взятый Пушкиным к «Бахчисарайскому фонтану» («Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. Сади»). *Мою супругу молодую // С младенцем тихим на руках.*— Весной 1827 года Баратынский посетил родное имение Мара вместе с женой и новорожденной дочерью Александрой.

Смерть (стр. 364).— *Прям* — спорам, распрям (дат. падеж мн. ч. от древнерусского слова «пря»).

«Не подражай: своеобразен гений...» (стр. 366).— Обращено к Мицкевичу и написано в связи с выходом в 1828 году поэмы «Конрад Валленрод», отмеченной сильным воздействием Байрона. *Дорат ли...*— Имеется в виду французский поэт Жозеф Дора (1734—1780).

Бал (стр. 366).— Прототипом главной героини княгини Нины является А. Ф. Закревская. *В сюрах шесть.*— Сюры (франц.) — козыри. *И Эпикура и Нинону...*— Эпикур (341—270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, прославлявший чувственные наслаждения; Нинон де Ланкло (1616—1706) — французская куртизанка. *Где сухощавые Сатурны // С косами грозными сидят...*— Сатурны с косой — эмблема смерти; Сатурн, согласно мифу, заживо пожирал своих детей (римск. миф.). *В журнале дамском приняла.*— Вероятно, имеется в виду «Дамский журнал» П. И. Шаликова.

Поэма Баратынского была опубликована в 1828 году под одной обложкой с поэмой Пушкина «Граф Нулин». В неоконченной статье о поэме «Бал» Пушкин писал: «Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 83). Пушкин отметил новизну характера главной героини, но упрекнул автора в некоторой холодности и шутливой концовке.

В альбом (стр. 382).— Обращено к К. К. Яниш (К. К. Павловой).

Подражателям (стр. 383).— Направлено против эпигонов романтизма, слепо следовавших Жуковскому, Пушкину и самому Баратынскому.

К. А. Свербеевой (стр. 384).— *Екатерина Александровна Свербеева* (1808—1892) — жена близкого друга Баратынского, литератора Д. Н. Свербеева.

Н а с м е р т ь Г е т е (стр. 386).— Образ Гете получил у Баратынского шеллингианскую трактовку, широко распространенную в конце 20-х — начале 30-х годов. См. прим. с. 632 наст. изд.

П о с л е д н и й п о э т (стр. 391).— *Вновь Эллада ожила...*— В 1830 году Греция освободилась от турецкого ига. *Урания* — муза астрономии (г р е ч. м и ф.). *Оно шумит перед скалой Левкада...* и след.— Согласно преданию, древнегреческая поэтесса Сафо (конец VII — начало VI в. до н. э.) бросилась в море с Левкадской скалы из-за неразделенной любви к юноше Фаону.

Н е д о н о с о к (стр. 393).— Тема стихотворения, возможно, была навеяна сонетом «Sonnet sur avorton» («Сонет о мертворожденном») французского поэта Эно (умер в 1682 г.), но философское ее раскрытие совершенно оригинально. «Недоносок» означает в стихотворении и «мертворожденный», и «рожденный до срока».

О с е н ь (стр. 396).— В стихотворении по-новому трансформируются мотивы стихотворений «Родина» и «Последняя смерть». Можно думать, что в последних строфах стихотворения содержится отклик на смерть Пушкина. Как раз в это время Баратынский, по его собственному признанию, получил известие о кончине поэта. Образ «звезды небес», возникающий в пятнадцатой строфе, служил в романтической поэзии символом гибели поэта.

«Б л а г о с л о в е н с в я т о е в о з в е с т и в ш и й!..» (стр. 401).— *Плод яблони со древа упадает...*— Здесь подразумеваются две легенды. Одна из области научного познания — по преданию, благодаря упавшему яблоку Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Другая библейского происхождения: Ева вкусила яблоко от «древа познания», и ей открылось зло. За это она вместе с Адамом была изгнана из рая. Баратынский, совмещая обе легенды, развивает мысль о несоответствии между успехами просвещения и нравственным развитием общества.

П р и м е т ы (стр. 402).— Стихотворение является откликом на спор гегельянцев с шеллингианцами о примате логического или чувственного начал в познании и в искусстве. Баратынский склонен к шеллингианской трактовке.

Р и ф м а (стр. 404).— Стихотворение перекликается с посланием Батюшкова «К творцу «Истории Государства Российского», первый стих которого текстуально повторен Баратынским (см. с. 238. наст. изд.). *Народа, жадного восторгов мусикийских...*— Мусикийские (г р е ч.) — музыкальные.

С к у л ь п т о р (стр. 406).— *Художник нимфу в нем прозрел...*— Имеется в виду миф о прекрасной морской нимфе Галатее, согласно которому скульптор Пигмалион, создавший статую Галатеи, влюбился в свое изваяние и умолил богов оживить статую. Ожившая девушка стала возлюбленной Пигмалиона (г р е ч. м и ф.).

Н а п о с е в л е с а (стр. 407).— В стихотворении отражены конкретные факты биографии. *Но подо мной, сокрытый ров изрыв...* — Намек на преследование поэта со стороны славянофильского кружка «Москвитянина».

Свои рога венчал он падшей славой!— П. А. Плетнев объяснял эту строку: «*Свои рога* есть живописное изображение глупца в виде рогатой скотины» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. 2. СПб., 1896, с. 728).

«Когда, дитя и страсти и сомненья...» (стр. 409).— Обращено к жене поэта Н. Л. Баратынской.

Пироскаф (стр. 410).— Написано во время переезда из Франции в Италию. *Пироскаф* — пароход. *Завтра увижу я башни Ливурны...*— Имеется в виду башни итальянского города Ливорно, расположенного на берегу Лигурийского моря.

А. ДЕЛЬВИГ

Антон Антонович Дельвиг (1798—1831) родился в Москве. Происходил из обрусевших немецких баронов Эстляндской губернии. В 1811 году поступил в Царскосельский лицей, который окончил в 1817 году. В лицее сблизился с Кюхельбекером и Пушкиным. В 1814 году было напечатано первое произведение. В 1818 году Дельвиг был избран в «Петербургское общество любителей словесности, наук и художеств». Однако постепенно он отошел от участия в обществе и примкнул к оппозиционно настроенной молодежи, подружился с Рылеевым, А. Бестужевым, Баратынским. В марте 1819 года Дельвиг стал членом «Зеленой лампы». С 1825 года Дельвиг издавал альманахи «Северные цветы» и «Подснежник». В 1830 году основал собственный литературный орган — газету, противопоставленную «торговой» журналистике Греча, Булгарина, Сенковского и Полевого. Деятельное участие в подготовке издания принял Пушкин. Газету поддержали Жуковский, Крылов, Вяземский, Баратынский, Плетнев, Катенин и другие. «Литературная газета» просуществовала недолго — в 1831 году она была закрыта. Вскоре Дельвиг заболел и в том же 1831 году скончался.

Как поэт Дельвиг сформировался в условиях подъема дворянской революционности. Он приобрел известность элегиями и идиллиями в антологическом роде, а также романсами и русскими песнями. Его элегии и идиллии — своеобразная форма прославления земных радостей. Дельвиг, как отмечал Пушкин, стремился к гармонической, классической стройности. Лирике Дельвига недоступна глубина и сложность жизни в ее трагических противоречиях. Его поэтический мир замкнут в кругу личных тем. Отсюда камерность его лирики, любование красотой. Однако поэзия Дельвига не лишена современного звучания. В античности поэт видел гармонию человеческих отношений, цельного человека, которых он не мог найти в современной жизни. Дельвиг разнообразил стих, смело вводил для выражения античного мира вместо русского гекзаметра амфибрахий, чередовал размеры.

Стихотворения А. А. Дельвига печатаются по тексту издания: А. А. Дельвиг. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

Первая встреча (стр. 411).— Перевод стихотворения «Philide» («Филида») немецкого поэта Матиаса Клаудиуса (1743—1815). Положено на музыку А. С. Даргомыжским (романс «Шестнадцать лет»).

Пушкину (стр. 412).— *Авзония* — Италия. *Арей* — бог войны (греч. миф.).

Подражание Беранже (стр. 413).— Перевод песни П.-Ж. Беранже «Le bon Dieu» («Добрый бог»). *Сказал, зевая, Саваоф...*— В Библии к имени бога добавлялось слово «Саваоф», означающее «владыка небесных воинств». *Прощайте! Гладкого боюсь!* — Имеется в виду И. В. Гладков, обер-полицмейстер; прославился жестоким подавлением крестьянских волнений в 1821 году.

С. Д. П<ономарев>ой (стр. 418).— Обращено к С. Д. Пономаревой, постоянным посетителем салона которой Дельвиг был в конце 10-х — начале 20-х годов XIX века.

Разочарование (стр. 419).— *Протекших дней очарованья...*— Видоизменение стиха Жуковского «Минувших дней очарованье...» (см. с. 70 наст. изд.).

Русская песня (стр. 420).— Высказывалось предположение, что обращена к А. С. Пушкину. Положена на музыку А. А. Алябьевым. Известны также вариации М. И. Глинки на музыку Алябьева.

Русская песня (стр. 421).— *А направо—к закавказским молодцам.*— Имеются в виду русские солдаты, воевавшие с Персией (1826—1828 гг.) и Турцией (1828—1829 гг.).

Н. ЯЗЫКОВ

Николай Михайлович Языков (1803—1846) родился в Симбирской губернии, в богатой помещичьей семье. В 1814 году поступил в Петербургский горный кадетский корпус. Курса не кончил и перепел в 1819 году в Институт корпуса инженеров путей сообщения. Вскоре оставил институт, но в 1822 году для продолжения образования уехал в Дерпт (ныне г. Тарту) и стал учиться на философском факультете местного университета. Из Дерпта Языков уехал в 1829 году, так и не получив диплома. В 1833 году в Петербурге вышел первый сборник его стихотворений. В 1838 году, тяжело больной, уехал за границу, где провел пять лет, посетив Германию, Италию. В 1843 году примкнул к лагерю славянофилов. К 1844—1846 годам относятся его резкие нападки на Чаадаева, Герцена, Грановского, на демократический лагерь в целом. Тогда же усиливаются религиозные настроения Языкова. В эти годы он издает два сборника стихотворений, которые не имели успеха. Языков скончался в Москве.

Литературное творчество Языкова началось веселыми, озорными, вольнолюбивыми песнями. На первый план в песнях, элегиях выступали темы дружбы, братства, свободы. Языков создал колоритный образ пирующего студента, чуждого всякой казенщины, не добивающегося традиционных жи-

тейских благ. Герой Языкова предстал раскрепощенным человеком, любящим свободу, упивающимся ею. Языков чрезвычайно расширил жанровые границы, обогатил поэтический словарь, придал стиху необыкновенную звучность, смело разнообразил строфику и рифмовку. Однако вольнолюбие Языкова не было устойчивым и прочным. После разгрома восстания декабристов, в особенности после революции 1830 года, Языков явно склоняется вправо. В стихотворениях начинают звучать славянофильские и религиозные мотивы. Многие его произведения грешат дидактизмом или являются подделкой под народность. Конечно, и в 30-е и в 40-е годы Языков создал немало заметных произведений, но в целом значение его художественного творчества этих лет невелико, что и было отмечено современной ему передовой критикой.

Стихотворения Языкова печатаются по изданию: Н. М. Языков. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

Песня (стр. 425).— *Наш Август смотрит сентябрем...*— Имеется в виду Александр I, по-видимому, озабоченный политическим положением в России и Европе в начале 20-х годов. Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.)—римский император.

Гимн (стр. 426).— Стихотворение представляет собой пародию на «Народный гимн» Жуковского.

К халату (стр. 427).— *Над современным Геростратом...*— Высказывалось предположение, что имеется в виду Александр I. Герострат — грек, который ради славы совершил преступление: сжег храм Артемиды в Эфссе. *Кинжалы Занда и Лувеля...* — Карл Занд (1795—1820) — немецкий студент, убивший агента русского правительства Авг.Коцебу; Лувель Луи-Пьер (1783—1820) — французский рабочий, убивший в ответ на террор Бурбонов герцога Беррийского.

Евпатий (стр. 428).— *Евпатий* Коловрат — герой летописного предания о походе Батыя на Рязань. С небольшим войском бросился в погоню за татарами, разорившими Рязань, и нанес им значительный урон. Батый, восхищенный мужеством рязанцев, отпустил пленников, выдав им тело убитого в сражении Евпатия. Источником стихотворения, вероятно, послужила «История Государства Российского» Н. М. Карамзина (т. III, гл. VIII).

Элегия (стр. 430).— *С рамен отчизны не спадут...*— Рамена (устар.) — плечи.

Родина (стр. 430).— *И меченосцев, и тебя!* — Меченосцы — немецкий духовно-рыцарский орден, созданный в Ливонии в 1202 году и силой оружия распространявший христианство.

Элегия (стр. 431).— Написано, по словам поэта, для М. Н. Дириной, дом которой был открыт для русских студентов в Дерпте, но относится, вероятно, к А. А. Воейковой, так как в письме к брату Языков упоминает о «военной хитрости» («Языковский архив», вып. I. «Письма Н. М. Языкова

к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)». СПб., 1913, с. 178). Языков действительно не раз писал в альбом М. Н. Дириной стихи с тем, чтобы привлечь внимание А. А. Воейковой, в которую он был влюблен.

Г е н и й (стр. 433).— *Когда, гремя и пламенея, // Пророк на небо улетал — // Огонь могучий проникал // Живую душу Елисея...*— Имеется в виду библейское предание об Илье-пророке, вознесшемся на небо. Во время его вознесения присутствовал ученик Ильи — Елисей, который воспринял от него пророческий дар.

«Н е в ы л ь у б р а н с т в о н а ш и х д н е й...» (стр. 434).— Написано после казни К. Ф. Рылеева (13 июля 1826 г.). Н. М. Языков был знаком с Рылеевым. Он печатался в альманахе Рылеева и Бестужева. Установлено, что Рылеев рекомендовал Языкова в члены «Вольного общества любителей российской словесности».

А. С. П у ш к и н у (стр. 435).— *Где и когда мы — ты да я...*— Имеется в виду Тригорское, где летом 1826 года Языков гостил у своего приятеля А. Н. Вульфа. Здесь он познакомился с Пушкиным. *С плодами сладостной Мессины...*— То есть лимонами и апельсинами. *Творим обеты нашей Гебе...*— Речь идет о Е. Н. Вульф (1810—1883), сестре А. Н. Вульфа. *И берег Сороти пою!* — Сороть — река в Тригорском.

К н я н е А. С. П у ш к и н а (стр. 436).— Обращено к Арине Родионовне Матвеевой (1758—1828) *...сей град профессоров и скуки...*— Дерпт. *Ареевых наук питомец молодой...*— А. Н. Вульф, изучавший военные науки.

П о э т у (стр. 440).— *И царь Саул заслушается их...*— Имеется в виду легенда о библейском царе Сауле, муки которого, вызванные злым духом, утихали, когда псалмопевец Давид, впоследствии иудейский царь, играл и пел для него.

Д. В. Д а в ы д о в у (стр. 441).— С Д. В. Давыдовым Языков сблизился в 1831—1832 годах. Стихотворение было послано Давыдову вместе с первым сборником стихотворений Языкова (1833).

Д. В. Д а в ы д о в у (стр. 442).— В ответ на послание Давыдов писал Языкову: «Благодарю, и нет слов у меня достаточно возблагодарить Вас, любезнейший Николай Михайлович, за поэтический подарок Ваш. Неужели Вы думаете, что я воспротивлюсь напечатанию сего превосходного произведения вашей неподражаемой лиры? Кто же противится бессмертию, а Вы меня мчите в поднебесную, как орел голубя. Что за стих! Что за прелесть! И мощно и торжественно» («Сочинения Д. В. Давыдова», ч. III. М., 1860, с. 152—153). *Два венка ты заслужил...*— Имеется в виду поэтическая и военная слава Д. Давыдова. *Знать, Суворов справедливо // Грудь тебе перекрестил...*— Суворов предсказал Давыдову военную славу и благословил его.

С а м п с о н (стр. 446).— В основу стихотворения легла библейская легенда о Самсоне (Сампсоне) и филистимлянке Далиле (Далиде). *На праздник стеклися в божницу Дагона...*— Дагон — верховный бог филистимлян.

И. КОЗЛОВ

Иван Иванович Козлов (1779—1840) — поэт и переводчик. Происходил из старинного и знатного дворянского рода. Первоначальное образование получил дома. С 1795 года находился на военной службе, а в 1798 году вышел в отставку. В 1812 году принимал деятельное участие в организации обороны Москвы. Через несколько лет был поражен тяжелым недугом — сначала его разбил паралич, лишив возможности передвигаться, а затем наступила полная слепота. Известный щеголь, танцор, живой собеседник, поклонник музыки и поэзии превратился в калеку, вынужденного к тому же содержать семью. Отчаяние Козлова было беспредельным. Единственную надежду он нашел в религии, уповая на чудесное исцеление. Умер в Петербурге.

Первое оригинальное произведение Козлова появилось в печати в 1821 году. В 1825 году отдельным изданием вышла поэма «Чернец», которая принесла Козлову широкую известность. В лирике Козлов широко использует автобиографические мотивы, утверждая двойственную природу несчастья, которое романтически осознается им и как роковой удар судьбы, и как очистительная сила. Отсюда проистекает религиозно-мистическая настроенность отдельных произведений поэта. Вместе с тем автобиографические мотивы сообщили лирике конкретность, непосредственность переживания. Следуя за Жуковским, Козлов развивает романсные песенные формы стиха, большое внимание уделяя поэтической интонации, музыкальности, звукоподражанию. Козлов был выдающимся переводчиком. В переводах он часто отходил от подлинника в формальных моментах, но всегда стремился сохранить дух оригинала. Гуманистический характер лирики Козлова проявился в его горячем сочувствии национально-освободительному движению в Греции, Ирландии и в прославлении отваги и мужества.

Стихотворения И. И. Козлова печатаются по тексту издания: И. И. Козлов. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

Венецианская ночь (стр. 449).— Обращено к литератору П. А. Плетневу (1792—1865), близкому другу Козлова. *Брента* — река в Италии, впадающая в Венецианский залив Адриатического моря. *И вдали напев Торквата// Гармонических октав...* — Венецианские гондольеры пели мелодии на стихи поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанной строфами, состоящими из восьми стихов (октавами). *О! Свободы и любви// Где же, где певец чудесный?* — Имеется в виду Байрон. М. И. Глинка положил на музыку три первые строфы.

На погребение английского генерала сира Джона Мура (стр. 451).— Перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823) «The Burial of Sir John Moore» («Погребение

сэра Джона Мура»). *Джон Мур* (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном. *И с валу ударил перун вестовой...*— Пушечный выстрел.

Плач Ярославны (стр. 452).— Обращено к З. А. Волконской (1792—1862), поэтессе, композитору и певице, находившейся в тесных дружеских отношениях с Козловым.

Вечерний звон (стр. 454).— Перевод одноименного стихотворения Томаса Мура. Посвящено Т. С. Вейдемейер, близкой к семье Козловых. Положено на музыку Гречаниновым и Монюшко.

А. ПОЛЕЖАЕВ

Александр Иванович Полежаев (1804—1838) родился в селе Рузаевка Инсарского уезда Пензенской губернии. Он был внебрачным сыном богатого помещика Струйского и его крепостной Аграфены Федоровой, которая после рождения сына была выдана за саранского мещанина Ивана Полежаева. В 1826 году Полежаев окончил Московский университет, а годом раньше им была написана поэма «Сашка», ходившая в списках. Через месяц после окончания университета за эту поэму Полежаев был отдан в солдаты Бутырского пехотного полка. В 1827 году Полежаева привлекли к дознанию по делу тайного общества братьев Критских, но отпустили. В 1828 году его определили в Московский пехотный полк, а в 1829 отправили на Кавказ. На Кавказе он принимал участие в многочисленных походах и сражениях. В 1833 году Полежаев вместе с полком возвратился в Москву. Здесь он познакомился с Герценом и Огаревым. В тяжелые годы солдатчины Полежаев пристрастился к вину, и это роковым образом отразилось на его последующей судьбе: он самовольно оставил полк, напился и продал амуницию. Полежаева подвергли жестокому телесному наказанию. Вскоре у Полежаева открылся легочный процесс, и он был положен в госпиталь. Незадолго до смерти его произвели наконец в прапорщики.

Лирика Полежаева выражала революционный протест в годы реакции после подавления восстания декабристов. Поэт сохранил «безумный пыл к утраченной свободе», несмотря на горечь страданий и ощущение безнадежности борьбы. Его герой — «друг свободы»— одновременно выступает «отщепенцем», «пленником», «живым мертвецом». Этот романтический образ воплощается сначала в абстрактной форме, но затем, в кавказских стихотворениях, принимает облик сосланного солдата, который делит с простыми людьми тяготы и заботы походной жизни. В лирику этого времени легко включаются народный юмор, солдатское просторечие, бытовая интонация. Полежаев проявляет интерес к жанру песни, намеренно ориентированной на фольклорные традиции.

Стихотворения А. И. Полежаева печатаются по изданию: А. Полежаев. Соч. М., ГИХЛ, 1955.

Песнь пленного ирокезца (стр. 456).— *Ирокезцы* (ирокезы) — племена североамериканских индейцев. Во время войны за независимость Северной Америки от Англии отдельные племена ирокезов выступали на стороне англичан. Американцы в ответ изгнали ирокезов.

Осужденный (стр. 460).— Эпиграф взят из поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники».

Полежаев дал следующее примечание к стихотворению: «К чему раскаянье и слезы и проч. Это язык человека, закоренелого в злодействах. Отчаяние, верный сопутник целей его жизни, осквернённой преступлениями, не оставляет своего любимца и на ступенях эшафота. Дантон, среди Конвента, читает оду Грекура, тогда как ему произносят смертный приговор; Анахарсис Клоц проповедует атеизм на гильотине, окруженный отрубленными головами его сообщников.— Редко великие злодеи, перед смертью, говорят языком праведника» (А. И. Полежаев. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939, с. 431). *Дантон* Жорж-Жак (1759—1794) — известный деятель Великой французской революции. Во время якобинского террора казнен. *Грекур* Жан-Батист (1683—1743) — французский аббат, писал антицерковные и эротические сказки. *Анахарсис Клоц.*— Имеется в виду Клоотс Жан-Батист (1755—1794) — известный философ-материалист и атеист. Во время якобинской диктатуры гильотинирован.

Провидение (стр. 462).— *Я был готов // Без тайной власти // Сорвать покров // С моих несчастий.*— Полежаев хотел кончить жизнь самоубийством, если его поведут «сквозь строй», что было равносильно смертной казни. *Но вдруг нежданный // Надежды луч...*— Имеется в виду помилование, отменившее жестокое телесное наказание.

Ахалук (стр. 465).— *Ахалук демикотонный...*— Верхняя мужская одежда, род короткого кафтана, из плотной хлопчатобумажной ткани атласного переплетения. *Атагинки чернобровой...*— Атагинка — жительница селения Атага на Северном Кавказе. *Цветом гордых узденей...*— Уздени — феодальное дворянство на Северном Кавказе. *У Могола на чалме...*— Могол — член династии Великих Моголов Ост-Индской империи. *База* — имя чеченской девушки.

Сарафанчик (стр. 467).— Стихотворение стало народной песней. Музыку на слова «Сарафанчика» из крупных композиторов писали Гурилев и Алябьев.

Русская песня (стр. 468).— Известны музыкальные переложения Варламова и других композиторов.

Д. ВЕНЕВИТИНОВ

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805—1827) — поэт и философ. Родился в старинной дворянской семье. В 1822 году он поступил вольнослушателем в Московский университет и через два года

сдал выпускной экзамен. В 1823 году совместно с В. Ф. Одоевским основал кружок, получивший название «Общества любомудрия». В нем изучалась немецкая классическая философия (Кант, Фихте, Шеллинг и др.). От Шеллинга и немецких романтиков Веневитинов воспринял идею о поэте — «сыне богов», «любимце муз и вдохновенья», способном стать вождем всего человечества.

После окончания университета Веневитинов служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Сочувствуя декабристам, Веневитинов тяжело пережил разгром их движения. Хотя он не входил в тайные общества, но, по словам А. И. Герцена, «был полон мечтаний и идей 1825 года». Осенью 1826 года был арестован, но вскоре отпущен. Незадолго до кончины в «Северных цветах» и «Московском вестнике» были опубликованы стихотворения Веневитинова. Умер Веневитинов в Петербурге.

В стихотворениях Веневитинова, написанных до декабря 1825 года, преобладают свободолюбивые мотивы. После декабрьской катастрофы традиционные жанры элегии и послания наполняются новым содержанием. В лирику Веневитинова проникают скорбные мотивы. Он философски осмысливает личную судьбу поэта, жаждущего общественной активности, но обреченного на бездействие. Однако из лирики Веневитинова не исчезают гражданские чувства. Поэт сочетает общественный пафос с энергией философского размышления и психологическим анализом. Этим он подготовил возникновение лирики Лермонтова с ее напряженными трагическими раздумьями и рядом с Баратынским и Тютчевым явился одним из зачинателей русской философской лирики.

Стихотворения Д. В. Веневитинова печатаются по тексту издания: Д. В. Веневитинов. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

Послание к Р⟨ожалин⟩у (стр. 470).— Н. М. *Рожалин* (1805—1834) — друг Веневитинова, увлекавшийся изучением экономических и философских проблем, а также античной поэзией; впоследствии написал работы о древнеиндийской литературе, о творчестве Гете и другие.

К Пушкину (стр. 471).— Знакомство Пушкина с Веневитиновым состоялось в 1826 году, когда Пушкин возвратился из ссылки. Тогда же Пушкин дал согласие участвовать в журнале «Московский вестник»—органе «любомудров» (впоследствии там была напечатана «Сцена из Фауста»). *Когда пророк свободы смелый...*— Имеется в виду Байрон. *Твои стихи ему вослед...*— Пушкин воспел Байрона в стихотворении «К морю» (1824). *Другое имя завещал.*— Имеется в виду Пушкин. *У муз похищенного галла.*— Речь идет об Андре Шенье (1762—1794), французском поэте, погибшем во время якобинского террора. *Их ждет еще один певец...*— Веневитинов выражает удивление, что Пушкин не воспел Гете. *Наставник наш, наставник твой...*— Веневитинов высоко ценил творчество Гете и считал, что и Пушкин многим обязан немецкому поэту.

Э л е г и я (стр. 475).— Обращено к З. А. Волконской, в которую Веневитинов был страстно влюблен.

К м о е м у п е р с т н ю (стр. 476).— Перстень был подарен Веневитинову З. А. Волконской перед отъездом поэта из Москвы в Петербург в октябре 1826 года. *Ты был отрыт в могиле пыльной...*— По преданию, перстень был найден во время раскопок Геркуланума в одной из гробниц. *И снова пыли ты могильной // Завещан будешь...*— Веневитинов говорил, что наденет перстень либо на свадьбу, либо перед смертью. *Века промчатся, и быть может... // И в нем тебя отроет вновь...*— Предвидение поэта сбылось: перед кончиной Веневитинова А. Хомяков надел перстень на палец умирающего, но спустя век, в 1930 году, когда могила Веневитинова была вскрыта, перстень сняли с пальца и передали в музей.

С. Ш Е В Ы Р Е В

С т е п а н П е т р о в и ч Ш е в ы р е в (1806—1864) — поэт, критик, историк литературы. Родился в семье губернского предводителя дворянства. Благородный пансион при Московском университете окончил в 1822 году. В 1823 году стал служить в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1827—1830 годах принял живейшее участие в создании журнала «Московский вестник». В 1832 году занял должность адъюнкта Московского университета по кафедре изящной словесности. В 1835—1837 годах Шевырев — ведущий критик журнала «Московский наблюдатель». Он повел упорную борьбу с «торговым» направлением в литературе, но его критика содержала и реакционные элементы: защиту аристократизма и неодобрение литературного профессионализма. В 1841 году вместе с М. П. Погодиным стал во главе журнала «Москвитянин». В первой же статье сформулировал основные идеи славянофильства. Несколько позднее перешел на позиции официальной народности. Умер Шевырев в Париже.

Расцвет поэтической деятельности Шевырева относится к 1825—1831 годам. Шевырев стремился создать философскую лирику, поэзию мысли. Намеренно отказываясь от музыкальности стиха, Шевырев выдвигает на первый план философскую мысль. Он смело вводит архаизмы и славянизмы, сопрягая их с просторечием, затрудняет синтаксис. Идеи Шевырева восходят к романтической философии, главная тема лирики — бессмертие творческой мысли.

Стихотворения С. П. Шевырева печатаются по изданию: С. П. Ш е в ы р е в. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939.

Я е с м ь (стр. 479).— Программное стихотворение Шевырева, обратившее на себя внимание Баратынского и Пушкина.

С о н (стр. 482).— *Егову славят серафимы...*— Иегова (Ягве) — главное божество в древнееврейской религии.

М ы с л ь (стр. 483).— Пушкин в письме М. П. Погодину от 1 июля 1828 года назвал «Мысль» «одним из замечательнейших стихотворений текущей словесности» (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. X. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 247).

П е т р о г р а д (стр. 486).— *Рифей* — Урал. *Шпиц* — шпиль Петропавловского собора в Петербурге. *Шлет на град потоп и горе.*— Имеется в виду наводнение в Петербурге 1824 года. *На коне взлетел строитель...*— Имеется в виду памятник Петру I работы Э. М. Фальконе (1792 г.).

А. ХОМЯКОВ

А л е к с е й С т е п а н о в и ч Х о м я к о в (1804—1860)—публицист, философ, поэт. Родился в Москве, в богатой и старинной дворянской семье. В 1821 году в Московском университете выдержал экзамен на степень кандидата математических наук. В 1821—1825 годах был на военной службе. В 1826 году сблизился с кружком «любомудров». В 1828—1829 годах Хомяков принял участие в войне с турками, а после окончания войны занялся хозяйством в своих имениях. Поэтическая активность падает с конца 30-х годов. В 1844 году выпускает единственный прижизненный сборник стихотворений. Основные занятия связаны с проповедью славянофильской доктрины в самых различных областях. В 1856 году принял непосредственное и живое участие в создании журнала «Русская беседа». Умер Хомяков от холеры в Рязанской губернии.

Хомяков был одним из главных идеологов славянофильства. Славянофилы считали, что коренные начала русской нации противоположны основаниям западной цивилизации. Историческое развитие России выявляло, по их мнению, сущность народного духа, органическими формами которого были соборность, православие и общинно-вечевой уклад. С этой точки зрения славянофилы идеализировали древние формы жизни и сохранившиеся еще старые, патриархальные отношения. Хомяков был защитником самодержавия, но одновременно стоял за созыв всесословного Земского собора, протестовал против произвола николаевской администрации, требовал отмены смертной казни и выступал в пользу отмены крепостного права с непременным наделом крестьян землей, но за выкуп.

Раннее творчество Хомякова связано с кризисом «любомудров» и по своим мотивам близко поэзии Веневитинова и Шевырева. Главная тема лирики — внутреннее единство человека и природы, вдохновенным посредником между которыми выступает поэт. Хомяков тяготеет к декламационной, патетической лирике, к «высокому», архаизированному языку и усложненному синтаксису.

Творчество Хомякова славянофильского периода интересно своей публицистической злободневностью, выражаемой иногда энергичным, резким, напористым стихом, обличительной интонацией. Стихотворения зачастую лишь перелагают ходячие места из публицистики Хомякова.

Стихотворения А. С. Хомякова печатаются по тексту издания: А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

России («Гордись! — тебе льстецы сказали...») (стр. 491).— Программное стихотворение не только Хомякова, но и всей славянофильской группы. Написано после маневров на Бородинском поле, где Николай I в присутствии иностранцев демонстрировал мощь русской армии. *И семь морей...*— Имеются в виду Балтийское, Белое, Каспийское, Азовское, Черное моря, а также Северный Ледовитый и Тихий океаны. *В руках алтайских дикарей...*— Речь идет о монгольских племенах, объединившихся в XIII веке под властью Чингисхана.

Киев (стр. 493).— Стихотворение было написано специально к появлению альманаха «Киевлянин», задуманного М. А. Максимовичем. *Руси чистая купель!* — Имеется в виду крещение киевлян (принятие христианства в 988 г.). По мысли славянофилов, принятие христианства на Руси было «честным» и «бескровным» (отсюда — «чистая»), тогда как на Западе обращение в христианство совершалось насильственным и обманным путем. *...теплый брег Эвксина!* — Эвксин (греч.) — Черное море. *Мрак пещер твоих безмолвный...*— Имеются в виду пещеры Киево-Печерской лавры.

«Вчерашняя ночь была так светла...» (стр. 496).— Первое стихотворение из цикла «Nachtstück» («Ноктюрн»).

Давид (стр. 497).— В основу стихотворения легла библейская легенда о пастухе-певце Давиде, который вышел на битву с гигантом Голиафом, вооруженный одной лишь пращой, и победил его. Сохранились свидетельства, что стихотворение обращено против московского митрополита Филарета, прибегавшего к помощи полицейских в борьбе со старообрядцами.

России («Тебя призвал на брань святую...») (стр. 497).— Стихотворение является откликом на разрыв дипломатических отношений с Францией и Англией, который предшествовал Крымской войне. Но в нем одновременно прозвучала резкая критика российской действительности. Вот почему за это стихотворение Хомякову грозили суровые административные меры. С него была взята подписка не распространять сочинений до одобрения их цензурой. Стихотворение широко использовалось демократической печатью.

Н. ЦЫГАНОВ

Николай Григорьевич Цыганов (1797—1831) родился в Москве, в семье бывшего крепостного крестьянина, отпущенного на волю. Был актером саратовской труппы, затем Московского Малого театра. В Москве начал печатать свои песни, которые отдельным изданием вышли уже после смерти автора, по инициативе Щепкина, в 1834 году.

Песни Цыганова появились в быту раньше, чем были напечатаны. Цыганов сочинял их под гитару, импровизировал, не придавая особого значения

своим поэтическим опытам. В его песнях слышатся жалобы на судьбу и вместе с тем звучит покорность судьбе. Эти мотивы в песнях Цыганова переданы психологически конкретно, безыскусственно. Естественность чувства, подлинность переживаний привлекают в лучших песнях Цыганова, многие из которых были положены на музыку.

Песни Н. Г. Цыганова печатаются по изданию: «Песни и романсы русских поэтов». М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

«Не шей ты мне, матушка...» (стр. 501).— Песня положена на музыку Варламовым.

М. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов (1801—1843) — поэт-самоучка. Родился в Архангельской губернии, в семье государственных («экономических») крестьян. Тяжелая нужда заставила его идти на заработки в город. Сменил ряд профессий, переходя от одного купца к другому. В 1828 году выпустил сборник «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова», который был удостоен серебряной медали Российской академии. Суханов известен и как собиратель русского фольклора.

В творчестве Суханова видна явная ориентированность на фольклор. Основные жанры — басня, не лишенная порой сатирической остроты, и песня, проникнутая глубокой грустью, полная мечтами о лучшей доле.

Песня М. Д. Суханова «Не велят Ване по улице ходить...» печатается по тексту издания: «Песни русских поэтов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1957.

Ф. ТУМАНСКИЙ

Федор Антонович Туманский (1799—1853) родился на Украине, в дворянской семье.

В 1821 году окончил Благородный пансион при Московском университете. Служил чиновником в разных ведомствах. В начале 20-х годов появились в печати первые произведения. С 1841 года — секретарь консульства в Молдавии, а с 1851 года — генеральный консул в Сербии. Скончался в Белграде.

Творчество Туманского невелико по объему. Он не выходит из круга тем элегического романтизма. Стихотворения Туманского изящны и музыкальны. В отдельных стихотворениях звучат вольнолюбивые ноты.

Стихотворение Ф. А. Туманского «Птичка» печатается по тексту издания: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 1. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Птичка (стр. 505).— Стихотворение принесло поэту широкую известность и стало хрестоматийным. Положено на музыку Кюи и другими композиторами.

А. РОТЧЕВ

Александр Гаврилович Ротчев (1806—1873) родился в семье скульптора. Он был воспитанником Московского университета. Однако курса в нем не кончил из-за недостатка средств. В печати его произведения появились в 1825 году. В 1835 году уехал в Калифорнию в качестве комиссионера. В 1842 году возвратился в Россию. В 1872 году поселился в Саратове, где и умер. При жизни Ротчева был издан единственный сборник стихотворений «Подражания Корану», вышедший в 1828 году.

Как поэт Ротчев сформировался в период подъема дворянской революционности. Он философски интерпретирует библейскую и восточную религиозно-мифологическую символику, которая в русской лирике 20—30-х годов была тесно связана с идеями свободы.

Стихотворения А. Г. Ротчева печатаются по изданию «Подражания Корану А. Ротчева». М., 1828.

«Клянусь коня волнистой гривой...» (стр. 506).— В стихотворении варьируются мотивы сотой, а отчасти шестнадцатой, семьдесят первой и других сур Корана.

«Уж близок день, когда печаль наляжет...» (стр. 507).— В стихотворении варьируются мотивы тридцать восьмой, сто второй, двадцать третьей, тридцать пятой, тридцать седьмой, сороковой, сорок четвертой, сорок шестой и других сур Корана.

«Когда в единый день творенья...» (стр. 507).— В стихотворении переложена притча из пятнадцатой суры.

«Младые отроки с мольбой...» (стр. 508).— Переложение сирийской легенды о семи спящих отроках (сура 18). Установлено, что последние четыре стиха не имеют аналогий в Коране и связаны с характерной для Ротчева социальной утопией о «золотом веке».

А. ВЕЛЬТМАН

Александр Фомич Вельтман (1800—1870) — поэт и прозаик. Родился в семье офицера лейб-гвардии гренадерского полка. В 1817 году был зачислен в корпус колонновожатых. Дослужился до звания подполковника, в 1831 году вышел в отставку и целиком отдался литературной деятельности. С 1852 года до конца жизни — директор Оружейной палаты. Умер Вельтман в Москве.

Вельтман известен прежде всего прозаическими произведениями. Лучшие из них — «Кащей бессмертный» и «Приключения, почерпнутые из моря житейского». Поэтическая деятельность Вельтмана относится к началу 30-х

годов, когда он выступил в печати с двумя стихотворными повестями — «Беглец» и «Муромские леса». Обе они прошли незамеченными, за исключением песни «Что затуманилась, зоренька ясная...» из повести «Муромские леса», получившей широкое распространение благодаря ее подлинно народному характеру.

Песня А. Ф. Вельтмана печатается по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

<Из повести в стихах «Муромские леса»> (стр. 509).— Эту песню поют разбойники по просьбе героя повести Бурнвора. *Певень* (обл. ст н.) — петух.

А. ПОДОЛИНСКИЙ

Андрей Иванович Подолинский (1806—1886) — поэт. Родился в небогатой дворянской семье, в Киеве. Служил чиновником в департаменте почт. Первое печатное произведение — поэма «Див и Пери» — появилось в 1827 году. С этого времени Подолинский стал регулярно публиковать свои стихотворения в различных журналах. Последующие произведения обнаружили подражательный характер поэзии Подолинского. Поэмы «Борский» (1829), «Нищий» (1830) «Смерть Пери» (1837) успеха уже не имели. Умер в Киеве.

В лирике Подолинский следовал Жуковскому, принципам его поэзии. Дарование поэта проявилось в умении придать стиху плавность, музыкальность, изящество. Мелодичность лирики Подолинского привлекла многих композиторов. Однако отсутствие оригинального содержания лишило лирику подлинной глубины.

Стихотворение «Портрет» печатается по тексту издания: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 2. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972. «Индейская песня» печатается по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965. Остальные произведения печатаются по тексту издания: «Сочинения А. И. Подолинского», ч. 2. СПб., 1860.

Портрет (стр. 510).— Обращено к А. П. Керн (1800—1879) и записано в ее альбом. Известна пародия А. С. Пушкина, также вписанная в альбом Керн:

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: «В день Ильи-пророка
Она была разведена!»

С. СТРОМИЛОВ

Семен Николаевич Стромилов — третьестепенный поэт 30—40-х годов. Сведений о жизни почти не сохранилось. Известно только, что он происходил будто бы из тверских дворян. Стихотворения Стромилова печатались в журналах 30—40-х годов.

Песня печатается по изданию: «Песни и романсы русских поэтов». М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

«То не ветер ветку клонит...» (стр. 514).— Одна из популярных песен, музыку к которой сочинил Варламов.

Н. КУКОЛЬНИК

Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868) — драматург и поэт. Родился в Вильно, в семье профессора педагогического института. Окончил Нежинскую гимназию в 1829 году. Двадцать лет служил в министерстве финансов. Умер в Таганроге.

Кукольник был очень плодовитым писателем: он сочинял романы, трагедии и драмы, писал лирические стихотворения. По своим политическим взглядам Кукольник был откровенным приверженцем самодержавного режима. В его произведениях расцвел ходульный, выспренний романтизм. Риторика, ложная величавость образов, напыщенная декламация стали принципами его поэтики.

Художественное значение сохранили лишь некоторые лирические песни, положенные на музыку М. Глинкой.

Стихотворения Н. В. Кукольника печатаются по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

Сомнение (стр. 515).— Положено на музыку М. И. Глинкой.

Жаворонок (стр. 516).— Положено на музыку М. И. Глинкой.

В. БЕНЕДИКТОВ

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807—1873) родился в Петербурге, в чиновничьей семье. Окончил в 1827 году 2-й Петербургский кадетский корпус и зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1831 году участвовал в подавлении польского восстания, был награжден орденом, а через год вышел в отставку и стал служить помощником столоначальника в канцелярии министра финансов. В 1860 году в чине действительного статского советника и должности директора и члена правления Государственного заемного банка оставил службу. Умер Бенедиктов в Петербурге.

Стихи Бенедиктов начал писать рано, но выступил в печати только в 1835 году. Небольшая книжка его стихотворений принесла ему громкий успех, особенно в среде провинциальной и столичной полукультурной публики.

В творчестве Бенедиктова отчетливо выделяются два периода — 30-е и 50-е годы. В 30-е годы Бенедиктов выступил как поэт-романтик, остро почувствовавший кризис романтической поэзии, исчерпанность ее поэтических средств. Бенедиктов остался в кругу старых тем, которые он хотел оживить введением новых поэтических форм, смелым экспериментаторством. Однако у него не было органических связей с русской действительностью. Поэтому высокие романтические темы были выражены им в напыщенных патетических образах, далеких от подлинного лиризма. Непомерный гиперболизм страстей, внешняя красивость эффектных и грандиозных картин природы — отличительные приметы стиля Бенедиктова. Лишь в немногих стихотворениях Бенедиктов отказывается от напряженной патетики и обращается к простым человеческим переживаниям, связанным с излюбленными им темами природы и любви.

В 50-е годы Бенедиктов расширил тематический диапазон своей лирики. В его стихотворениях зазвучали гражданские мотивы. Однако обличительство Бенедиктова не шло дальше поверхностного либерализма. Поэтому стихотворения Бенедиктова не имели успеха и подверглись критике со стороны революционных демократов.

Стихотворения В. Г. Бенедиктова печатаются по изданию: В. Бенедиктов. Соч., тт. 1—3. СПб, 1856; стихотворения «И туда» и «И ныне»— по изданию: В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939.

К моей музе (стр. 523).— Программное стихотворение Бенедиктова.

И туда (стр. 525).— В стихотворении говорится об одном из эпизодов Крымской войны: флот англичан и французов высадил десант у Петропавловска-на-Камчатке.

П. ЕРШОВ

Петр Павлович Ершов (1815—1869) родился в семье чиновника, в Тобольской губернии. В 1835 году окончил философско-юридический факультет Петербургского университета. В 1836 году стал учителем латинского языка, затем директором Тобольской гимназии.

В литературу Ершов вошел как автор одного произведения — сказки «Конек-Горбунок», хотя он писал и стихотворения и прозу. Сказка-поэма была начата Ершовым еще в студенческие годы. В 1834 году первая часть «Конька-Горбунка» была опубликована, а несколько позднее, но в том же году, вышла отдельным изданием и вся сказка. Сказку одобрил Пушкин, она быстро приобрела широкую известность. Причина успеха сказки заключалась

в ее истинной народности. Это понимал и сам Ершов: «На «Коньке-Горбунке» воочию сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть на народную жилу».

Сказка П. П. Ершова печатается по тексту издания: П. П. Ершов. Конек-Горбунок. СПб. 1861.

Конек-Горбунок (стр. 527).— «*Ходил молодец на Пресню*».— Популярная песня из комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779).

К. АКСАКОВ

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — литературный критик, публицист и поэт. Старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова, известного русского писателя, родился в родовом имении отца. В 1835 году окончил словесное отделение Московского университета и всецело отдался историческим, философским и литературным занятиям. Тогда же начал сотрудничать в журналах «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель». В конце 30-х годов увлекся славянофильскими идеями. В 1846 году защитил диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В 1853 году был отдан под надзор полиции за статью «О богатырях Владимира», не раз подвергался цензурным гонениям за резкую критику бюрократического режима. Аксаков активно сотрудничал в славянофильских изданиях, а с 1857 года редактировал газету «Молва». После смерти отца тяжело заболел и был отправлен для лечения на остров Зант, где и умер. Похоронен в Москве.

Славянофильство отразилось на всех произведениях Аксакова. Им проникнуты исторические, философские, лингвистические, публицистические, литературно-критические сочинения. Поэтическое наследие Аксакова невелико по объему. В нем отчетливо выделяются два периода — дославянофильский и славянофильский. В первый период в лирике Аксакова звучат бодрые мотивы: поэт радостно воспринимает гармонию мира и философски осмысливает ее. Постепенно, однако, он все больше проникается чувством одиночества и сознает бренность земного существования. Лирика 40—50-х годов целиком публицистична и односторонняя по тематике. Основная ее задача — пропаганда славянофильских идей.

Стихотворения К. С. Аксакова печатаются по изданию: «Поэты кружка Н. В. Станкевича». М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

«Мой Марихен так уж мал, так уж мал...» (стр. 587).— Обращено, вероятно, к Марии Григорьевне Карташевской, двоюродной сестре поэта. К. С. Аксаков ее горячо любил, но отец его возлюбленной запретил молодым людям видеться. На эти слова написана П. И. Чайковским «Детская песенка. Мой Лизочек».

Петру (стр. 589).— В стихотворении выразилась славянофильская — крайне отрицательная — оценка деятельности Петра I.

А. КОЛЬЦОВ

Алексей Васильевич Кольцов (1809—1842) родился в Воронеже, в семье мещанина-прасола. Девятилетним мальчиком был отдан в местное уездное училище, но не кончил его, так как вынужден был помогать отцу в торговле скотом. В 1830 году встретился с Н. В. Станкевичем, который заинтересовался стихами юноши. В 1832 году в Москве Станкевич познакомил его с Белинским, ставшим впоследствии другом поэта. В 1835 году при посредстве Станкевича и Белинского выпустил сборник стихотворений. В 1836 году приезжал в Петербург и был тепло встречен Жуковским, Крыловым, Вяземским, В. Одоевским и другими, тогда же познакомился с Пушкиным. В расцвете яркого дарования поэт безвременно скончался в родном городе.

Литературный путь Кольцова начался с подражаний сентиментально-романтической поэзии. Но примерно с начала 30-х годов Кольцов обретает собственный голос. Кольцов впервые представил в поэзии точку зрения трудового народа: крестьянина, пахаря. Он нашел в нем подлинно богатырские черты, удаль, безудержное веселье, глубину и искренность чувств, широту натуры. Кольцов ясно показал, что крестьянин-труженик наделен высокими духовными качествами, но что повседневная жизнь, будничные заботы, нужда и горе связали его по рукам и ногам. Свободолюбие внутренне присуще крестьянской душе. Заслуга Кольцова заключалась в том, что простой русский человек, крестьянин, пахарь, предстал в поэзии Кольцова таким, какой он есть в действительности, в окружении повседневного, будничного быта. Но герой Кольцова протестует против данных, конкретных обстоятельств, а не против самодержавного порядка. Тоска по воле, над причинами которой задумывается пахарь, вытекает из житейских неурядиц, из бытовой повседневности. Сила кольцовской лирики проявилась в народных песнях и думах, а ее ограниченность — в религиозных и сентиментальных мотивах. Лучшим стихотворениям Кольцова свойственны подлинная народность и реалистический взгляд на крестьянскую жизнь. Кольцов воспроизвел народный быт и внутренний мир простого человека в формах самой народной поэзии. В этом сущность и новаторство его лирики, оказавшей большое влияние на дальнейшее развитие русской поэзии.

Сочинения А. В. Кольцова печатаются по тексту издания: А. В. Кольцов. Сочинения. М., ГИХЛ, 1955.

Песня старика (стр. 597).— Вместе со стихотворениями «Удалец», «Совет старца» была отмечена Белинским, увидевшим в ней «разгул юного чувства, которое просится наружу, выражается широко и раздольно и которое составляет основу русского характера...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 388).

Горькая доля (стр. 608).— Положено на музыку Варламовым и другими композиторами.

Л е с (стр. 609).— Одно из лучших стихотворений, написанных в связи с гибелью Пушкина. Кольцов познакомился с Пушкиным в 1836 году.

П е р в а я п е с н я Л и х а ч а К у д р я в и ч а (стр. 611).— Вместе со «Второй песней Лихача Кудрявича», «Лесом» и другими стихотворениями отнесена Белинским «не только к лучшим пьесам Кольцова, но и к числу замечательнейших произведений русской поэзии» (В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. IX. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 537).

П е с н я (стр. 614).— Положена на музыку А. Рубинштейном и другими композиторами.

Р а з л у к а (стр. 621).— Положено на музыку А. Гурилевым и другими композиторами.

В. К о р о в и н

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Первый том «Русской поэзии XIX века» иллюстрирован рисунками русских художников, хранящимися в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве и в Государственной Третьяковской галерее. Это не прямые иллюстрации к тексту, а современные той эпохе графика, живопись.

Основоположник романтизма в России, поэт В. А. Жуковский любил рисовать пейзажи. Существует альбом «Шесть видов г. Павловска», срисованных с натуры Жуковским, оконченных и выгравированных Кларою в Дерпте, СПб., 1824. Одна из этих гравюр, отличающихся тонким лиризмом и изысканностью, представлена в нашем томе. Гравюра И. В. Чесского (1777—1848) с оригинала К. А. Зеленцова (1790—1845) «Рыцарь перед замком» открывает первый том «Баллад» В. А. Жуковского, изданных при жизни автора, в 1831 году.

«Бой при Малом Ярославце» — одна из двадцати одной медали Ф. П. Толстого (1783—1873), выполненных в 1814—1829 годах. Обращение к античности подчеркивает благородную красоту подвига русских людей в Отечественную войну. Акварели «Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года» К. И. Кольмана (1786—1846) и «Чита. Дом штаб-лекаря Ильинского...» (акварель декабриста Н. А. Бестужева, брата А. А. Бестужева-Марлинского) интересны своей документальностью. Обе акварели представлены фрагментами.

В томе даны малоизвестные работы, созвучные теме Петербурга в поэзии XIX века: «Петербург. Вид на биржу» (1807), раскрашенная от руки гравюра с акварели В. Патерсена (1748—1815), акварель «Летняя ночь в Петербурге» М. Н. Воробьева (1787—1855), уникальная литография «Панорама Невского проспекта» с акварели В. С. Садовникова (1800—1879), воспроизведенная в нашем издании частично.

Один из первых мастеров акварельного портрета, П. Ф. Соколов (1791—1848) представлен в томе ранней его работой — портретом молодой женщины. В творчестве А. Г. Венецианова (1780—1847) возникают образы русских крестьян: в томе даны литография с рисунка художника «Крестьянский мальчик с топором и лыком» и пастель «Девушка с серпом».

Работами А. П. Сапожникова (1795—1885) в томе иллюстрированы басни И. А. Крылова «Ларчик» и «Кот и Повар». Эти рисунки были выполнены художником для издания «Басен», вышедших при жизни автора в 1834 году.

Н. Нечаева

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Винокуров. Горная гряда русской поэзии 5

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

В. ЖУКОВСКИЙ

Сельское кладбище. *Элегия* 11
Дружба 15
Вечер. *Элегия* 15
Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...») 18
Людмила 19
Певец 25
Певец во стане русских воинов 27
Светлана 44
Ивиковы журавли 51
Теон и Эсхин 56
Алина и Альсим 60
Песня («К востоку, все к востоку...») 65
«Кто слез на хлеб свой не ронял...» 66
Песня («Кольцо души-девицы...») 66
Весеннее чувство 67
Мщение 68
«Там небеса и воды ясны!..» 69
Лесной царь 69
Песня («Минувших дней очарованье...») 70
К мимо пролетевшему знакомому гению 71
К портрету Гете 72
Невыразимое. *Отрывок* 72

Песня («Отымает наши радости...») 73
Воспоминание 74
Победитель 75
Море. *Элегия* 75
Замок Смальгольм, или Иванов вечер 76
19 марта 1823 82
«Я музу юную, бывало...» 82
Таинственный посетитель 83
Мотылек и цветы 84
Жалоба Цереры 86
Суд божий над епископом 89
Элевзинский праздник 92
Ночной смотр 97
<Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной> <А. С. Пушкин> 99

В. ПУШКИН

К В. А. Жуковскому 100
Опасный сосед 102

А. МЕРЗЛЯКОВ

«Среди долины ровныя...» 106

М. МИЛОНОВ

К Рубеллию. *Сатира Персиева* 108
Падение листьев. *Элегия* 109

А. ТУРГЕНЕВ

Элегия 111
«Уже ничем не утешает...» 114

А. ВОЕЙКОВ

Дом сумасшедших 115

Д. ДАВЫДОВ

Голова и ноги 126
Бурцову. Призывание на пунш 127
Бурцову («В дымном поле, на биваке...») 128
Гусарский пир 129
В альбом 130
Песня («Я люблю кровавый бой...») 130
Элегия IV («В ужасах войны кровавой...») 131

Элегия VIII («О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов...») 132
Песня старого гусара 132
Ответ 134
Полусолдат 134
При виде Москвы, возвращаясь с персидской войны 136
Бородинское поле. *Элегия* 136
Вальс 137
На голос русской песни 137
Романс («Не пробуждай, не пробуждай...») 138
Современная песня 138

И. КРЫЛОВ

Разборчивая невеста 143
Ворона и Лисица 145
Ларчик 145
Лягушка и Вол 146
Пустынник и Медведь 147
Музыканты 148
Парнас 149
Волк и Ягненок 150
Лев на ловле 151
Стрекоза и Муравей 151
Слон на воеводстве 152
Слон и Моська 153
Лисица и виноград 153
Лягушки, просящие Царя 154
Мор зверей 156
Петух и жемчужное зерно 158
Синица 158
Лжец 159
Осел и Соловей 161
Гуси 161
Свинья 162
Совет Мышей 163
Квартет 164
Листы и Корни 165
Ворона и Курица 166
Волк на псарне 167
Обоз 168
Кот и Повар 169
Лисица и Сурок 169
Щука и Кот 170
Демьянова уха 171

Фортуна и Нищий 172
Крестьяне и Река 173
Лебедь, Щука и Рак 174
Крестьянин и Разбойник 175
Любопытный 175
Чиж и Голубь 176
Комар и Пастух 176
Клевегник и Змея 176
Мартышка и Очки 177
Собачья дружба 178
Крестьянин и Работник 179
Тришкин кафтан 180
Зеркало и Обезьяна 181
Туча 181
Лиса-строитель 182
Волк и Лисица 183
Мирская сходка 183
Слон в случае 184
Волк и Журавль 185
Крестьянин и Змея («К Крестьянину вползла Змея...») . . 185
Трудолюбивый Медведь 186
Две Бочки 186
Муравей 187
Медведь в сетях 188
Крестьянин и Овца 188
Свинья под Дубом 189
Лисица и Осел 190
Змея и Овца 191
Волк и Мышонок 191
Два Мужика 192
Две Собаки 193
Кошка и Соловей 194
Рыбья пляска 195
Лев состаревшийся 195
Пестрые Овцы 196
Мирон 197
Лев, Серна и Лиса 198
Белка («У Льва служила Белка...») 199
Щука 199
Осел 200
Волк и Кот 201
Лещи 202
Пастух 202
Белка («В деревне, в праздник, под окном...») 203

Лиса 203
Волки и Овцы 204
Два мальчика 205
Кукушка и Петух 206
Вельможа 206

К. БАТЮШКОВ

Совет друзьям 208
Выздоровление 210
Ложный страх. *Подражание Парни* 210
Элизий 212
Надпись на гробе пастушки 212
На смерть Лауры. *Из Петрарки* 213
Вечер. *Подражание Петрарке* 213
Дружество 214
Мои пенаты. *Послание к Жуковскому и Вяземскому* 215
К Дашкову 222
Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года . . 224
Тень друга 225
Судьба Одиссея 226
Вакханка 226
Таврида 227
Мой гений 228
Разлука 229
Последняя весна 229
Надежда 231
К другу 231
Элегия («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...») 233
Песнь Гаральда Смелого 236
«Свершилось: Никагор и пламенный Эрот...» 237
«В Лаисе нравится улыбка на устах...» 237
«С отвагой на челе и с пламенем в крови...» 238
К творцу «Истории Государства Российского» 238
«Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» 239
«Есть наслаждение и в дикости лесов...» 239
«Ты хочешь меду, сын?—так жала не страшись...» 239
Изречение Мельхиседека 240

Н. ГНЕДИЧ

Перуанец к испанцу 241
К NN 244
Осень 244

Военный гимн греков. *Сочинение Риги* 245
А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч. 246
Дума 247

Ф. ГЛИНКА

Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии 248
Плач плененных иудеев 249
Сон русского на чужбине 250
Жатва 251
«Из шелку и мочал шнур нашей жизни вьется...» 252
Песнь узника 252
Москва 253
В защиту поэта 254

П. КАТЕНИН

Грусть на корабле 256
Певец. *Из Гете* 256
Убийца 258
«Отечество наше страдает...» 262
А. С. Пушкину. *При посылке «Старой были»* 262
Сонет («Кто принял в грудь свою язвительные стрелы...»). 264

К. РЫЛЕЕВ

К временщику. *Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»* . 265
На смерть Бейрона 266
«Я ль буду в роковое время...» 268
Стансы. К А. Б<естуже>ву 269
<Посвященье А. А. Бестужеву из поэмы «Войнаровский»> 269
«Заплатимте тому презрением холодным...» 270
К NN 270
Бестужеву («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...») . . 271
Смерть Ермака 272
Иван Сусанин 275

А. БЕСТУЖЕВ

Череп 279
Разлука 280
Оживление 281

Осень 281
«Я за морем синим, за синею далью...» 283

<Агитационные песни А. Бестужева и К. Рылеева>

«Ах, где те острова...» 283
«Ты скажи, говори...» 284
«Ах, тошно мне...» 285

В. КЮХЕЛЬБЕКЕР

К Пушкину и Дельвигу. *Из Царского Села* 288
Греческая песнь 289
К Ахáтесу 290
Тень Рылеева 291
<Из поэмы «Давид»> 292
Клен 292
Море сна 293
Родство со стихиями 294
19 октября 295
Участь русских поэтов 296

А. ОДОЕВСКИЙ

Бал 297
«Что мы, о боже? В дом небесный...» 298
Сон поэта 298
Тризна 299
«Струн вещих пламенные звуки...» 299
«Что за кочевья чернеются...» 300
Славянские девы 301
«Недвижимы, как мертвые в гробах...» 302
«Ты знаешь их, кого я так любил...» 303
«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» 304

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Устав столовой. *Подражание Панару* 305
Прощание с халатом 306
Первый снег. *В 1817-м году* 309
Негодование 312
Русский бог 316
К старому гусару 317
Дорожная дума («Колокольчик, замотайся...») 319
Еще тройка 319

Я пережил 320
Памяти живописца Орловского 321
Самовар. *Семейству П. Я. Убри* 325
Любить. Молиться. Петь 328
Петербургская ночь 328
Бахчисарай. *Ночью при иллюминации* 330
«Все сверстники мои давно уж на покое...» 333
«Куда девались вы с своим закатом ясным...» 334
«Пью по ночам хлорал запоем...» 335
Загадка 335
Цветок 336
«Жизнь наша в старости — изношенный халат...» 337
«В воспоминаниях ищу я вдохновенья...» 338

Е. БАРАТЫНСКИЙ

Пиры 339
Разлука 344
К⟨онпи⟩ну 344
Унынне 345
Родина 346
Разуверение 347
Дельвигу 348
Рим 349
Водопад 349
Поцелуй 350
Лета 350
Две доли 351
Безнадежность 351
Истина 352
Признание 353
Оправдание 354
Череп 355
Уверение 356
К...(«Как много ты в немного дней..») 357
Авроре Ш. 357
Дорога жизни 357
Надпись 358
Эпиграмма («Не трогайте парнасского пера...») 358
Песня («Когда взойдет денница золотая...») 358
Эпиграмма («И ты поэт, и он поэт...») 359
К*** («Не бойся едких осуждений...») 359
Эпиграмма («Как сладить с глупостью глупца?..») 360
Последняя смерть 360

Стансы 363
Смерть 364
Старик 365
«Не подражай: своеобразен гений...» 366
«Мой дар убог, и голос мой не громок...» 366
Бал 366
Фея 382
«Чудный град порой сольется...» 382
В альбом («Альбом походит на кладбище...») 382
Подражателям 383
Муза 384
К. А. Свербеевой 384
«В дни безграничных увлечений...» 384
«Где сладкий шепот...» 385
На смерть Гете 386
«К чему невольнику мечтания свободы?..» 387
«Наслаждайтесь: все проходит!..» 388
«Когда исчезнет омраченье...» 388
«Болящий дух врачует песнопенье...» 389
«Весна, весна! как воздух чист!..» 389
«Вот верный список впечатлений...» 390
Последний поэт 391
Недоносок 393
Бокал 395
Осень 396
«Сначала мысль, воплощена...» 401
«Благословен святое возвестивший!..» 401
«Были бури, непогоды...» 402
Приметы 402
«На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» 403
Мудрецу 403
«Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..» 404
Рифма 404
Ропот 405
Ахилл 405
Скульптор 406
«Предрассудок! он обломок...» 406
«Когда твой голос, о поэт...» 407
На посев леса 407
«Небо Италии, небо Торквата...» 408
«Люблю я вас, богини пенья...» 409
«Когда, дитя и страсти и сомненья...» 409
Пироскаф 410

А. ДЕЛЬВИГ

Первая встреча 411
К мальчику 412
Пушкину 412
Подражание Беранже 413
Элегия («Когда, душа, просилась ты...») 414
Вдохновение. *Сонет* 415
Н. М. Языкову. *Сонет* 416
Сонет («Златых кудрей приятная небрежность...») 416
Романс («Не говори: любовь пройдет...») 417
Романс («Прекрасный день, счастливый день...») 417
Романс («Только узнал я тебя...») 418
С. Д. П<ономарев>ой. При посылке книги «Воспоминание об Испании», соч. Булгарина. *Сонет* 418
Русская песня («Пела, пела пташечка...») 419
Разочарование 419
Русская песня («Соловей мой, соловей...») 420
Идиллия («Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов...») 421
Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...») . . 421
Эпилог 421
Четыре возраста фантазии 422
«Не осенний частый дождичек...» 422
«Смерть, души успокоенье!..» 423
«Пусть нам даны не навсегда...» 423
«Когда крылам воображенья...» 424
«Нет, я не ваш, веселые друзья...» 424

Н. ЯЗЫКОВ

Песня («Мы любим шумные пиры...») 425
Гимн («Боже! вина, вина!..») 426
К халату 427
Элегия («Свободы гордой вдохновенье!..») 428
Евпатий 428
Элегия («Еще молчит гроза народа...») 430
Родина 430
Настоящее. 6 апреля 1825. *Элегия* 431
Элегия («Счастлив, кто с юношеских лет...») 431
Молитва («Молю святое провиденье...») 432
Элегия («Свободен я; уже не трачу...») 432
«Поэт свободен. Что награда...» 432
Гений 433
Две картины 433

«Не вы ль убранство наших дней...» 434
А. С. Пушкину 435
К няне А. С. Пушкина 436
Песня («Из страны, страны далекой...») 436
Песня («Когда умру, смиренно совершите...») 437
Пловец 437
Водопад 438
Кубок 439
Поэту («Когда с тобой сроднилось вдохновенье...») 440
Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...») . . . 441
Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...») 442
Буря 445
Морское купанье 445
Вечер 446
Элегия («Бог весть, не втуне ли скитался...») 446
Самсон 446

И. КОЗЛОВ

Венецианская ночь. *Фантазия* 449
На погребение английского генерала сира Джона Мура . . 451
Плач Ярославны 452
Вечерний звон 454

А. ПОЛЕЖАЕВ

Песнь пленного ирокезца 456
Песнь погибающего пловца 457
Осужденный 460
Провидение 462
Песня («У меня ль, молодца...») 464
Ахалук 465
Негодование 466
Сарафанчик 467
Русская песня («Разлюби меня, покинь меня...») 468

Д. ВЕНЕВИТИНОВ

Послание к Р<ожали>ну 470
К Пушкину 471
Поэт («Тебе знаком ли сын богов...») 472
Жизнь 473
Моя молитва 474
Италия 474

Элегия («Волшебница! Как сладко пела ты...») 475
К моему перстню 476
«Я чувствую, во мне горит...» 477
«Люби питомца вдохновенья...» 478

С. ШЕВЫРЕВ

Я есмь 479
Глагол природы 481
Сон 482
Мысль 483
Мудрость 484
Стансы («Когда безмолвствуешь, природа...») 485
Петроград 486
Тяжелый поэт 488
Чтение Данта 489

А ХОМЯКОВ

Клинок 490
К*** («Когда гляжу, как чисто и зеркально...») 491
России («Гордись! — тебе льстецы сказали...») 491
Киев 493
Видение 495
«Вчерашняя ночь была так светла...» 496
Давид 497
России («Тебя призвал на брань святую...») 497
Раскаявшейся России 498
«Подвиг есть и в сраженье...» 499

Н ЦЫГАНОВ

«Не шей ты мне, матушка...» 501
«По по́лю, по́лю чистому...» 502

М. СУХАНОВ

Песня («Не велят Ване по улице ходить...») 504

Ф. ТУМАНСКИЙ

Птичка 505

А. РОТЧЕВ

<Из книги «Подражания Корану»>
«Клянусь коня волнистой гривой...» 506
«Уж близок день, когда печаль наляжет...» 507
«Когда в единый день творенья...» 507
«Младые отроки с мольбой...» 508

А. ВЕЛЬТМАН

<Из повести в стихах «Муромские леса»> 509

А. ПОДОЛИНСКИЙ

Портрет 510
Индейская песня 510
«Печальная душа, не сетуй, не болей...» 511
Былые дни 512
«И на людей и на природу...» 512

С. СТРОМИЛОВ

«То не ветер ветку клонит...» 514

Н. КУКОЛЬНИК

Сомнение 515
Жаворонок 516

В БЕНЕДИКТОВ

Бивак 517
Певец 518
Черный цвет 520
«Пиши, поэт! Слагай для милой девы...» 520
Вальс 521
К моей музе 523
Письма 524
И туда 525
И ныне 526

П. ЕРШОВ

Конек-Горбунок. *Русская сказка в трех частях* 527

К. АКСАКОВ

«Ангел светлый, ангел милый!..» 587
«Мой Марихен так уж мал, так уж мал...» 587
«Меня зовет какой-то тайный голос...» 588
Петру 589
Свободное слово 591
Разуму 592

А. КОЛЬЦОВ

Кольцо. *Песня* 595
Сельская пирушка 596
Песня старика 597
Песня пахаря 598
Не шуми ты, рожь 599
Урожай 600
Молодая жница 603
Косарь 604
Раздумье селянина 607
Горькая доля 608
Лес. *(Посвящено памяти А. С. Пушкина)* 609
Первая песня Лихача Кудрявича 611
Вторая песня Лихача Кудрявича 613
Песня («Ах, зачем меня...») 614
Последний поцелуй 615
Хуторок. *Русская баллада* 616
«Что ты спишь, мужичок?..» 619
Русская песня («Так и рвется душа...») 620
Разлука 621
Русская песня («Я любила его...») 622

Примечания *В. Коровина* 625

Н. Нечаева. К иллюстрациям 687

На суперобложке:

«Летняя ночь в Петербурге». Акварель М. Н. Воробьева. 1820-е годы. Государственный музей А. С. Пушкина Москва.

«Вид усадьбы». Акварель неизвестного художника. 1810-е годы. Государственный музей А. С. Пушкина. Москва.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 105

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА
Том 1

*

Редакторы
А. Краковская и С. Чулков

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
В. Кулагина

Корректор
Г. Асланянц

*

Сдано в набор 19/VII 1973 г. Подписано к печати 29/XI 1973 г. Бумага типогр. № 1 Формат 60×84¹/₁₆ 44 печ. л. 41,052 усл. печ. л. 37,576 + + 8 нак. = 38,381 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. Заказ № 586. Цена 2 р. 07 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете
Совета Министров СССР по
делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

2p 07k.